ЕВРАЗИЙСКАЯ № 6 (49) 2020

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.
Выпускается один раз в два месяца.

Журнал является официальным печатным органом Русско-азиатской ассоциации юристов, издается при поддержке Гильдии российских адвокатов и Российской академии адвокатуры и нотариата

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по группе научных специальностей 12.00.00 – юридические науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.10 – Международное право; Европейское право;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Редакционный совет:

Председатель:

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, адвокат, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Члены редакционного совета:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, заместитель председателя правления Агентства развития малого и среднего бизнеса Азербайджанской Республики, ведущий научный сотрудник отдела государственного законодательства и конституционного права Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.10);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.12);

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.09, 12.00.10);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт, 12.00.03, 12.00.10);

12+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru .
Дата выхода в свет: 05.02.2021. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.**: +7 (917) 40-61-340.

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11, 12.00.15);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.11);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград, 12.00.01);

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.02, 12.00.10);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ, 12.00.08,12.00.12);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.02);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.07);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.08, 12.00.11);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Казахстана, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана, 12.00.12);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк, 12.00.08, 12.00.10);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 12.00.08, 12.00.09);

КУЧЕРЕНКО Петр Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.07);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, Джельфа, 12.00.03);

МОРОЗОВ Николай Александрович – доктор юридических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, начальник экспертно-аналитического управления ПАО «НК «Роснефть», член Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, заслуженный юрист Украины, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Учебно-научного института права им. И. Малиновского Национального университета Острожская академия (Украина, г. Острог, 12.00.09, 12.00.12);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08, 12.00.11);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, 12.00.08);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада, 12.00.10);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11, 12.00.15);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.07, 12.00.15);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.10);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 12.00.11);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.09, 12.00.12);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева, 12.00.10);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.10);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг, 12.00.02, 12.00.08);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ТАФИНЦЕВ Максим Владимирович – руководитель направления GR;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 6 (49) 2020

ADVOCACY

Journal is published since 2012.
Published once in two months.

The journal is official publication of the Russian Asian Legal Association, published with support of the Guild of the Russian Lawyers and the Russian Academy of Advocacy and Notaries

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals (the Russian Higher Attestation Commission List), where the main results of doctor of sciences dissertations and candidate of sciences dissertations in the 12.00.00 scientific specialty group (legal sciences and the corresponding branches of science) must be published:

12.00.01 – Theory and History of the Law and the State; History of Teachings on the Law and the State;
12.00.02 – Constitutional Law; Constitutional Trial; Municipal Law;
12.00.03 – Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law;
12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law;
12.00.09 – Criminal Trial;
12.00.10 – International Law; European Law;
12.00.11 – Judicial Activities; Public Prosecutor's Activities; Human Rights and Law-Enforcement Activities;
12.00.12 – Criminalistics; Judicial Expert's Activities; Police Investigative Activities.

Editorial Advisory Board:

Chairman:

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Advocate, President of the Guild of Russian Advocates, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers (Russian Federation, Moscow, 12.00.11).

Members of the Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Vice-chairman of the Board of the Agency of Development of Small and Medium Business of the Azerbaijan Republic, Leading researcher of the National Legislation and the International Law Department of the Institute on Human Rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of the Confederation of Lawyers of the Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.10);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa, 12.00.12);

BAGREEVA Elena Gennadievna – LLD, Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.09, 12.00.10);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow, 12.00.02);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Moscow State University of the Humanities and Economics, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.07);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa, 12.00.08, 12.00.11);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow, 12.00.10);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude, 12.00.08,12.00.12);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.02);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, Associate professor of the Department of the Administrative and Financial Law of the Tashkent State Law University (Republic of Uzbekistan, Tashkent, 12.00.11);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.10);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa, 12.00.09, 12.00.12);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg, 12.00.08, 12.00.09);

KUCHERENKO Petr Aleksandrovich – LLD, Professor, Professor of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow, 12.00.02);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.07);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa, 12.00.03);

MOROZOV Nikolay Alexandrovich – LLD, Professor of the Vladivostok State University of Economics and Service, the Head of the Expert and Analytical Department of «Rosneft» Pubilc Oil Company, the Member of the Scientific Advisory Council of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Vice-President of the Russian-Asian Legal Association (Moscow, 12.00.08, Russian Federation);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, Professor, Advocate, Honored Lawyer of the Ukraine, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Educational and Scientific Law Institute of National University Ostrozhskaya Academy (Ukraine, Ostrog, 12.00.09, 12.00.12);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.02,12.00.10);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, Associate professor, Advocate, Vice - President of the Guild of the Russian Lawyers, Senior Vice - President of the Russian - Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice - Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08, 12.00.11);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk, 12.00.08);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada, 12.00.10);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Assistant of Chairman of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow, 12.00.11, 12.00.15);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, Legal adviser of the Program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva, 12.00.10);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck, 12.00.08, 12.00.10);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.07, 12.00.15);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht, 12.00.03, 12.00.10);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation, 12.00.02);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Professor of the Department of International Private and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11, 12.00.15);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh, 12.00.11);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade, 12.00.01);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow, 12.00.11);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong, 12.00.02, 12.00.08);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana, 12.00.12).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of scientific publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of preprinting preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of literary editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the editor-in-chief;

TAFINTSEV Maxim Vladimirovich – Head of GR;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Русско-азиатской ассоциации юристов, Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Рагулин А.В., Шавин В.А., Мельниченко Р.Г.
Поправки Федеральной палаты адвокатов в Кодекс профессиональной этики адвоката: устраняя старые ошибки, нельзя совершать новых! 9

СОБЫТИЯ

В России определили «Цифровых юристов года» ...19

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

Мельниченко Р.Г.
«Бывшие» в адвокатуре 22

Рагулин А.В.
Кодекс профессиональной этики адвоката как средство борьбы с критикой в адвокатуре 26

Наумов С.Г.
Финансовая система адвокатуры России 40

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Кудрявцев В.Л.
Разглашение данных предварительного расследования: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ 46

Донец С.П.
Шесть оснований для суда сказать: «Нет. Не виновен!» 53

Сабирзянова А.А.
Практические проблемы наложения ареста на имущество в рамках уголовного судопроизводства 59

Абоян А.А.
Проблемы внедрения процедуры медиации в уголовный процесс Российской Федерации 64

Арзуманян Д.А.
Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках осуществления правозащитной деятельности в отношении лиц, находящихся под стражей, а также лиц, отбывающих наказание в следственном изоляторе 68

Султанов А.Р.
Иск о признании отсутствия задолженности – установление негативного факта? 71

ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА

Оленев А.Б.
Право адвоката-защитника применять технические средства в рамках профессиональной деятельности: некоторые вопросы регламентации и реализации ...76

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проскурина Д.С., Хохлова М.И., Сафин Н.И.
Смертоносные автономные системы вооружений: будущее военной индустрии или угроза падения международного гуманитарного права? 81

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Гармаев Ю.П.
Антикоррупционный комплаенс: криминалистические и оперативно-розыскные аспекты 86

Урядов Ю.Ю.
Правовые основы международного взаимодействия при противодействии легализации доходов, полученных преступным путем 94

Абдуллин Р.Р.
О проблемах и перспективах развития негосударственных судебно-экспертных организаций в России 101

Мажинский Р.А.
Повторность как административно-преюдициальный признак для установления уголовной ответственности за управление транспортным средством несовершеннолетним водителем, не имеющим права управления 106

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Булах Д.Б.
О судебном прецеденте как источнике российского права 111

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ *.....116*
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ *.....117*

Contents

ACTUAL PROBLEM

Ragulin A.V., Shavin V.A., Melnichenko R.G.
Amendments of the Federal Chamber of Advocates to the Code of Professional Ethics of the Advocate: eliminating old mistakes and do not make new ones! 9

EVENTS

«Digital lawyers of the year» were identified in Russia ...19

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

Melnichenko R.G.
«The Formers» in advocacy profession 22

Ragulin A.V.
The Code of Professional Ethics of Advocate as a Means of Fighting Criticism in the Advocacy 26

Naumov S.G.
The financial system of the russian advocacy 40

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

Kudryavtsev V.L.
Disclosure of preliminary investigation data: some criminal law and criminal procedure problems in the light of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation 46

Donets S.P.
Six reasons for the court to say: «No. Not guilty!» 53

Sabirzyanova A.A.
Practical problems of seizure of property in criminal proceedings 59

Aboyan A.A
Problems of implementation of the mediation procedure in the criminal process of the Russian Federation 64

Arzumanian D.A.
Interaction between advocate and notaries in the implementation of human rights activities in relation to persons in custody, as well as persons serving a sentence in a detention center 68

Sultanov A.R.
A claim for recognizing the absence of debt – establishing a negative fact? 71

PROTECTION OF THE PROFESSIONAL RIGHTS OF ADVOCATE

Olenev A.B.
The right of a defense lawyer to use technical means in the course of actions carried out in the framework of professional activities 76

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE

Proskurina D.S., Khokhlova M.I., Safin N.I.
Lethal Autonomous Weapons Systems: The Future of the Military Industry or the Threat of the Fall of International Humanitarian Law? 81

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

Garmaev Y.P.
Anti-corruption compliance: criminalistic and operational search aspects 86

Uryadov Yu.Yu.
International legal regulation of counteraction to the legalization of criminally obtained income 94

Abdullin R.R.
On the problems and prospects of development of non-state forensic organizations in Russia 101

Mazhinsky R.A.
Repetition as an administrative and pre-judicial sign for establishing criminal liability for driving a vehicle by a minor driver who does not have the right to drive 106

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

Bulakh D.B.
About the judicial precedent as a source of Russian law 111

INFORMATION FOR AUTHORS 116
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 117

Рагулин А.В., Шавин В.А., Мельниченко Р.Г.

ПОПРАВКИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ В КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА: УСТРАНЯЯ СТАРЫЕ ОШИБКИ, НЕЛЬЗЯ СОВЕРШАТЬ НОВЫХ!

Цель: Исследование предложений Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по обсуждению поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката.

Методология: Использовались методы структурно-функционального анализа, системный метод, формально-юридический метод, метод изучения документов, метод включенного наблюдения.

Результаты: Сделан вывод о том, что ряд рассмотренных в статье предложений Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, опубликованных 29 декабря 2020 г. на сайте организации, не может быть включен в КПЭА, поскольку предлагаемые к принятию поправки нарушают положения действующего законодательства, идут вразрез с принципами корпоративности и равноправия адвокатов, противоречат интересам адвокатов и адвокатуры. Предложены направления по совершенствованию КПЭА в интересах защиты прав адвокатов и развития адвокатуры.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья представляет высокую научную и практическую ценность, поскольку является исследованием актуальной проблемы современной российской адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, развитие адвокатуры, проблемы адвокатуры, Обращение 32-х адвокатов, адвокатская этика, Кодекс профессиональной этики адвоката.

Ragulin A.V., Shavin V.A., Melnichenko R.G.

AMENDMENTS OF THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES TO THE CODE OF PROFESSIONAL ETHICS OF THE ADVOCATE: ELIMINATING OLD MISTAKES AND DO NOT MAKE NEW ONES!

Purpose: Study of the proposals of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation on the discussion of amendments to the Code of Professional Ethics of the Advocate.

Methodology: The methods of structural and functional analysis, the systemic method, the formal legal method, the method of studying documents, the method of participatory observation were used.

Results: It was concluded that a number of the proposals of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation considered in the article, published on December 29, 2020 on the organization's website, cannot be included in the Code of Professional Ethics of the Advocate, since they violate the provisions of the current legislation, run counter to the principles of corporation and equality of advocates, they are contrary to the interests of advocates and the advocacy profession. The directions for improving the Code of Professional Ethics of the Advocate in the interests of protecting the rights of advocates and the development of the advocacy profession are proposed.

Novelty/originality/value: The article is of high scientific and practical value, since it is a study of an urgent problem of the modern Russian legal profession.

Keywords: advocacy, advocate, development of advocacy, problems of advocacy, Appeal of 32 advocates, advocate ethics, Code of professional ethics of advocate.

Федеральная палата адвокатов разместила на своём официальном сайте пакет поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката, который будет рекомендован ей к принятию на предстоящем в апреле 2021 года Всероссийском съезде адвокатов [1]. Анализ их содержания показывает, что значительная часть является, что называется, «техническими» и обусловлена вступлением в силу Федерального закона от 02.12.2019 N 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В статье будут рассмотрены только принципиальные и существенные, на наш взгляд, изменения, которые планируется внедрить в Кодекс профессиональной этики адвоката.

1. Рабочая группа ФПА РФ хочет слушать лишь руководство адвокатских палат

Такой вывод следует из преамбулы опубликованного документа, в котором указано, что «*Проект является результатом годичной работы рабочей группы (РГ), которая, начиная с января 2020 г., обсуждала выработанные РГ, а также поступавшие от адвокатских палат предложения. По результатам дискуссий часть из них была отвергнута по различным причинам, остальные предложены к обсуждению в региональных сообществах адвокатов*».

Из этого же текста следует, что Федеральной палатой адвокатов в рамках рабочей группы вот уже год обсуждаются поправки в КПЭА. Здесь обратим внимание на то, что до сведения адвокатов не были доведен ни состав рабочей группы, ни процедура обсуждения, ни сами предложения, поступившие от палат, ни основания для их принятия или отклонения.

Особого внимания заслуживает абзац преамбулы, в котором приведено намерение рабочей

группы рассматривать мнения и предложения по корректировке КПЭА, поступающие исключительно из адвокатских палат. Обосновано это «обеспечением системного подхода к выработке корпоративной позиции адвокатуры России».

Такое намерение рабочей группы исключает из обсуждения центрального корпоративного акта адвокатуры самих адвокатов и их общественные объединения. Следует учитывать, что в адвокатских палатах субъектов РФ отсутствуют возможности для централизованного сбора мнений адвокатов, а также для их всестороннего обсуждения именно в адвокатском сообществе, а не в отдельных органах корпоративного управления. Это в итоге приведет к тому, что реальное обсуждение предложенных поправок сведется к их обсуждению в советах адвокатских палат.

В конечном итоге, решать судьбу поправок в КПЭА будут управленцы от адвокатуры и приглашенные ими к этому лица, но не адвокаты. Однако необходимость формирования общих правил поведения, тем более этических норм, предполагает, что перед их введением они должны быть подвергнуты широкому обсуждению с привлечением как можно большего числа адвокатов, а не только тех, которые входят в состав органов корпоративного управления.

Отметим также, что Федеральная палата адвокатов ограничила тем самым права и общественных объединений адвокатов, исключив их из числа субъектов предложений. Налицо нарушение положений ст. 39 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 27 ФЗ «Об общественных объединениях», согласно которым общественные объединения имеют право участвовать в выработке решений, представлять и защищать права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан, выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни.

В соответствии со ст. 23 «Основных положений о роли адвокатов» адвокаты имеют право на свободу высказываний, свободу объединения в ассоциации и организации, право принимать участие в публичных дискуссиях по вопросам права, отправления правосудия, обеспечения и защиты прав человека. Предлагаемый ФПА РФ подход, помимо прямого противоречия приведенной выше норме, противоречит и сути КПЭА, поскольку этические нормы должны добровольно приниматься и исполняться всеми представителями сообщества адвокатов, а не навязываться «сверху» органами корпоративного управления. Не случайно в п. 1.2.1 «Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества» указывается, что этические правила призваны обеспечивать наилучшее выполнение адвокатами своих обязанностей именно путем их добровольного исполнения.

2. «Внутренние прокуроры» в адвокатуре и стигматизация адвокатов

Разработчики проекта поправок предлагают включить в ст. 9 КПЭА пункт 6 в следующей редакции: «*В целях предупреждения нанесения ущерба авторитету адвокатуры вице-президент адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и в исключительных случаях вице-президент Федеральной палаты адвокатов вправе направить адвокату предостережение о недопустимости нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса.*».

Данное предложение для адвокатуры является новым, ибо в настоящее время в силу действия ст. 20 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» правом на вынесение предостережений физическим лицам обладают лишь прокурор [2], должностные лица органов внутренних дел [3], уголовно-исполнительной системы [4], Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности [5].

Предостережение является превентивной мерой реагирования, носящей индивидуальный характер, ненормативным актом, который направляется лицу в случае отсутствия на момент его вынесения оснований для возбуждения и рассмотрения дела о нарушении этого лица, обращается внимание на то, что предостережение должно способствовать тому, чтобы адресат внимательно относился к своей активности, оценивал свое будущее поведение и сопоставлял выгоды от планируемых действий с возможными последствиями применения мер ответственности за возможное нарушение [6].

Поскольку предостережение как акт государственного органа не носит для физического лица обязательного характера и отсутствуют правовые последствия его неисполнения, не сложилось единообразной судебной практики по оспариванию предостережений в суде на основе норм ГПК РФ [7], позитивная для заявителей практика обжалования предостережений складывается в рамках КАС РФ [8].

Из вышеизложенного следует, что ФПА РФ, взяв за основу опыт деятельности правоохранительных органов по профилактике правонарушений, т. е. конкретных деяний, имеющих формально-юридически определенные составы, намеревается возложить на вице-президентов Федеральной и региональных палат функцию индивидуального профилактического воздействия на конкретных адвокатов.

Суть предостережения, вероятно, будет выражаться в направлении адвокатам письменного недовольства их конкретными действиями или бездействием.

ФПА РФ предлагает вице-президентам, по сути, примерить на себя мундир внутрикорпоративного «прокурора».

Полагаем, что последствием «предостережений» будет являться санкционирование социальной стигматизации, представляющей собой процесс «клеймения», то есть «наклеивания ярлыка» «девианта» на конкретного адвоката.

Исследователи отмечают, что «стигматизации подвергаются не все нежелательные характеристики и особенности человека, а только те, которые, в представлении группы, не совместимы с образом индивида. Как следствие, вся идентичность данного индивида подвергается оценке через призму именно этих параметров, а сам индивид подвергается дегуманизации в глазах тех, кто его оценивает. Таким образом, стигма является разделенным социальным знанием и предопределяет отношение к человеку со стороны окружающих. Оно может проявляться по-разному, начиная от игнорирования и заканчивая актами насилия. В промежутке между этими отношениями будут находиться отвержение, дискриминация и изоляция» [9]. В науке выделяют несколько этапов формирования стигмы: «первый из них – навешивание ярлыка. Это происходит, когда какая-либо незначительная отличительная черта индивида начинает выделяться, утрироваться и считаться показателем кардинального отличия ее носителя от всего общества. Затем возникает стереотипизация, в ходе чего создаются превалирующие представления, согласно которым носители данного ярлыка имеют целый ряд нежелательных качеств, признаков и свойств. В дальнейшем это перерастает в отрицательные социальные стереотипы. Следующий этап – сепарация, когда индивида с ярлыком определяют в совершенно отдельную категорию. На этом этапе происходит четкое разделение на «мы» и «они». И в качестве последнего шага можно выделить дискриминацию. Личность со стигмой подвергается отторжению со стороны социума, при этом наблюдаются потеря статуса, ущемление прав» [10–12].

В работах социологов отмечается, что результатом социальной стигматизации становится не улучшение социальной среды, а так называемые «вторичные девиации», совершаемые индивидом в силу того, что «окружающие видят в нем преступника, программируя тем самым его поведение» [13].

Из вышеизложенного следует, что ФПА РФ предлагает ввести в КПЭА механизм, ведущий к официально поддерживаемой органами корпоративного управления социальной стигматизации и последующей дискриминации отдельных адвокатов внутри адвокатского сообщества.

Предложенное решение представляется крайне сомнительным и с точки содержания принципа равноправия адвокатов, и с точки зрения функционального предназначения ФПА РФ: исходя из Преамбулы «Основных положений о роли адвокатов» и ч. 2 ст. 35 закона, данная организация создается для представительства и защиты интересов адвокатов от преследований, необоснованных ограничений и посягательств, а не для их осуществления.

3. Адвокатам и их объединениям «затыкают рот» ссылкой на «внутренние дела»

Следующее предложение рабочей группы ФПА РФ состоит во включении в ст. 15 КПЭА запрета «*вмешиваться в какой бы то ни было форме во внутренние дела адвокатской палаты или адвокатского образования, членом которых он не является, за исключением участия в реализации полномочий Федеральной палаты адвокатов, адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и их органов, а также призывать к вмешательству в указанные дела органы государственной власти или органы местного самоуправления*.».

Имеются основания полагать, что содержание проектируемой нормы направлено на поддержание ситуации, сложившейся к настоящему времени в российской адвокатуре, при которой адвокаты ограничены в праве эффективно влиять на принимаемые решения и в праве избирать и быть избранными в органы корпоративного управления [14], а также на самозащиту лиц, являющихся членами органов корпоративного управления, от любого воздействия на них со стороны адвокатов.

Из текста проектируемой нормы следует, что она имеет крайне неопределенное содержание из-за употребления неизвестных закону и неопределенных по содержанию и границам действия терминов «внутренние дела адвокатской палаты» и «внутренние дела адвокатского образования». Это позволит отнести ко «внутренним делам» любые действия (бездействие) или решения.

Не лучшим образом норма определена и в части возможного понимания употребленного в ней термина «адвокатские палаты». ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» под термином «адвокатская палата» понимает только адвокатские палаты субъекта Российской Федерации (ст. 29). В то же время, исходя из содержания положений ст. 123.16–1 ГК РФ, под термином «адвокатские палаты» понимаются как АП субъекта РФ, так и ФПА РФ. При втором варианте адвокаты Российской Федерации утратят любую возможность влияния на действия и решения ФПА РФ под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности, поскольку они не являются членами Федеральной палаты адвокатов.

Одновременно с этим ФПА РФ и адвокатские палаты субъектов РФ приобретают формально

закрепленное в КПЭА право на вмешательство во «внутренние дела» адвокатских палат и адвокатских образований, мотивируя эти действия реализацией их полномочий. Между тем установленный в ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрет на вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом существует для неопределенного круга лиц, в том числе и для ФПА РФ и адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

Из вышеизложенного следует, что проектируемое положение не соответствует закону, а также принципу правовой определенности, поскольку не позволяет лицу прогнозировать последствия своего поведения, наличие оснований для допустимых ограничений, ясность, точность, стабильность правового регулирования, предсказуемость норм, недопустимость произвола и применения непрозрачных методов. Кроме того, проектируемое положение обладает явно выраженным «замораживающим эффектом».

Суть и содержание проектируемой нормы тесно примыкает к принятым в связи с так называемым «Обращением 32-х адвокатов» положениям Разъяснения Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ от 17 апреля 2019 года № 03/19 [15] и Резолюции IX Всероссийского съезда адвокатов «Об адвокатской этике» [16], которые в настоящее время оспариваются в судебном порядке группой адвокатов – членов межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива–2018» [17,18].

Эти акты оспариваются на том основании, что они нарушают права всех адвокатов Российской Федерации на обращение в любые органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов корпоративного управления адвокатурой, содержащими требования или призывы к вмешательству в их деятельность либо к осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий.

Также отметим, что предлагаемое к принятию положение основано на неправильном понимании принципа корпоративности.

Особое свойство этого принципа состоит в том, что адвокаты, несмотря на то, что они, являясь членом лишь одной адвокатской палаты, объединяются в единую корпорацию, осуществляющую свою деятельность как на уровне субъекта РФ, так и на уровне РФ, а также на международном уровне.

Наличие в адвокатуре органов корпоративного управления разных уровней не означает, что адвокат, состоя в адвокатской палате субъекта РФ и являясь ее членом в гражданско-правовом смысле, каким-то образом перестает быть членом единой корпорации адвокатов.

Характер взаимосвязей между адвокатом и адвокатской палатой субъекта РФ не представляет собой всеобъемлющую, постоянную и неразрывную связь, определенную сугубо принадлежностью адвоката к ней. Он определен законодательством и принимаемыми в соответствии с ним актами, причем любое ограничение прав адвоката – члена палаты может быть установлено только законом. Понимание содержания принципа корпоративности в адвокатуре только как принципа «территориальной корпоративной организации адвокатуры», что находит свое отражение в проектируемой норме, явно не соответствует действительному смысловому содержанию термина «корпорация», предполагающему иное, более широкое содержание, в которое вкладываются не только общественные отношения, существующие на уровне «адвокат – АП субъекта РФ», но и отношения, существующие на уровнях «адвокат – ФПА РФ», «адвокатская палата – ФПА РФ», «адвокат – адвокатское образование», «адвокатское образование – АП субъекта РФ», «адвокатское образование – ФПА РФ», «адвокатское образование – адвокатское образование», «адвокат – общественное объединение адвокатов», «адвокатское образование – общественное объединение адвокатов», «АП субъекта РФ – общественное объединение адвокатов», «общественное объединение адвокатов – ФПА РФ».

При этом адвокат, в силу закона являясь членом одной адвокатской палаты и одного адвокатского образования, вправе инициировать возбуждение дисциплинарного производства в отношении другого адвоката, состоящего в любой адвокатской палате, осуществлять взаимодействие с адвокатскими палатами других субъектов РФ и ФПА РФ, международными организациями, общественными объединениями, обращаться куда бы то ни было с вопросами, которые так или иначе могут затронуть интересы адвокатской палаты, в том числе и той, членом которой адвокат не является, а право на обращение по любым поводам и по поводу любых действий кого бы то ни было, которое адвокат полагает необходимым осуществить, законом не ограничено по территории, по объектам обращения или его адресатам.

Если ранее введенный актом КЭС ФПА запрет на обращения адвокатов в правоохранительные органы преподносился как следствие неких якобы существующих традиций и этических правил российской присяжной адвокатуры (доказательств чему приведено не было [20]), а съездом была открыто легитимизирована дискриминация гражданина по роду деятельности – адвокатской, то сейчас предлагается осуществить дискриминацию адвокатов по принципу членства в конкрет-

ной палате и (или) адвокатскому образованию, т. е. речь идет о территориальной и локальной дискриминации.

Рабочей группой ФПА РФ также предложено закрепить в ст. 15 КПЭА еще одно новое правило поведения, согласно которому «*адвокат обязан уведомить Совет о намерении самостоятельно обратиться в суд, правоохранительные или иные органы государственной власти в отношении другого адвоката (адвокатского образования)*», с указанием на то, что «*такое обращение является основанием для реагирования органов адвокатского самоуправления*».

В то же время, поскольку действующее законодательство не требует от адвоката воздерживаться от «вмешательства» в дела адвокатских палат, адвокатских образований, не требует уведомлять кого-либо о произведённом обращении в любые государственные органы или органы местного самоуправления либо о намерении обращения к ним относительно действий кого бы то ни было, предлагаемые к введению правила являются противоречащими законодательству.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, в связи с этим проектируемые запреты и ограничения могут быть признаны приемлемыми в формально-юридическом смысле лишь тогда, когда они обосновываются приведенными выше целями, и лишь тогда, когда они будут предусмотрены положениями Федерального закона.

Наряду с этим, в силу положений п. 1.2.2 «Общего кодекса правил для адвокатов стран европейского сообщества» «Правила, которыми руководствуются в каждой коллегии адвокатов, …соотносятся также с особенностями профессиональной организации и деятельности адвокатов в соответствующем государстве-члене, а также соответствуют судебным и административным процедурам и национальному законодательству. Не является ни возможным, ни желательным применять их вне их общего контекста, пытаться их искоренить или присоединить к ним правила, которые заведомо не могут стать таковыми.». Из этой нормы следует, что создание новых этических правил нежелательно и невозможно, если эти правила (или их трактовка) противоречат национальному законодательству, поскольку такие правила заведомо не могут быть возведены в ранг этических правил адвокатской профессии.

Не лишним будет отметить и нелогичность предлагаемой поправки, учитывая, что элементами контроля и надзора за организацией и деятельностью адвокатуры, фактически являющимися неким вмешательством во «внутренние дела» адвокатской палаты, но при этом формально не нарушающими принцип независимости адвокатуры, является предусмотренная законом деятельность следующих государственных органов:

– суда (в части обжалования действий и решений органов корпоративного управления адвокатурой, органов управления адвокатскими образованиями и участия в работе квалификационных комиссий, функционирующих в составе адвокатских палат);

– Министерства юстиции РФ и его территориальных органов (в части возможности инициирования возбуждения дисциплинарного производства, ведения реестров адвокатов, установления формы адвокатского запроса, формы ордера, формы удостоверения адвоката и порядка выдачи удостоверений, участия в работе квалификационных комиссий АП субъектов РФ и КЭС ФПА РФ, контроля и надзора за соблюдением законодательства РФ адвокатами, адвокатскими образованиями и адвокатскими палатами, проведения мониторинга деятельности адвокатских палат и адвокатских образований, утверждения форм документов и отчетов, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи);

– законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ (участие представителей в составе квалификационной комиссии АП субъекта РФ);

– Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (участие представителей в составе КЭС ФПА РФ).

Кроме того, в силу содержания ст. 4 УК РФ соответствующая требованиям закона деятельность государственных органов в пределах их полномочий, направленная на раскрытие и расследование преступлений, также не может быть признана посягательством на независимость адвокатуры.

При таких обстоятельствах обозначенные выше изменения в КПЭА не могут быть рекомендованы к принятию.

4. Истечение срока давности – повод его продлить и наказать адвоката?

Вызывает возражение предложение разработчиков проекта поправок отказаться от изложенного в п. 5 ст. 18 КПЭА срока давности на применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности.

Согласно прецедентной практике ЕСПЧ установление срока давности предназначено для обеспечения должного отправления правосудия и соответствия принципу правовой определенности (Перес де Рада Каванильес против Испании, № 28090/95, § 45; Мирагалль Эсколано и другие против Испании, № 38366/97, § 33), органы, осу-

ществляющие привлечение к ответственности, во всех случаях обязаны действовать своевременно, надлежащим и последовательным образом (Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии, № 60642/08, § 108), а ошибки или недостатки в их работе не должны исправляться за счет заинтересованного лица (Гладышева против России, 7097/10 §80; Радчиков против России, № 65582/01, § 50; Столярова против России, № 5711/13, § 49).

Не соответствующим этим принципам является и альтернативное предложение об установлении возможности приостановления течения полугодового срока волюнтаристским решением органа, рассматривающего дисциплинарное дело, на основе наличия прямо не определенных в положениях КПЭА «уважительных обстоятельств».

Наряду с этим, ряд предлагаемых поправок в КПЭА можно оценить положительно.

5. Работа над ошибками

Следует поддержать предложение об исключении из действующей редакции п. 2 ст. 25 КПЭА ограничения на обжалование в суд решения Совета адвокатской палаты о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности только по основаниям нарушения процедуры его принятия. Очевидно, что действующая конструкция п. 2 ст. 25 КПЭА противоречит положениям ч. 5 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которой решение совета адвокатской палаты может быть обжаловано в суд без каких-либо ограничений по предмету обжалования.

Следует отметить, что против изложения данной поправки в той редакции, которая предлагается теперь к изменению, активно выступали ряд адвокатов и адвокатских палат [21, 25, 40]. Материалы судебной практики также свидетельствуют о том, что норма п. 2 ст. 25 КПЭА относительно обжалования решения Совета лишь по процедурным основаниям на практике большинством судов не применялась как не соответствующая закону [22, 23, 24, 26].

Из вышеизложенного следует, что данное предложение, по своей сути, представляет собой некую работу над ошибками, допущенными в 2017 г. Всероссийским съездом адвокатов.

6. Крайняя необходимость и адвокатская этика

Следует поддержать предложение о введении в положения ч. 2 ст. 18 КПЭА положения о том, что «*Не является проступком нарушение, совершенное в состоянии крайней необходимости*».

Крайняя необходимость – это такое положение лица, при котором оно вынуждено для предотвращения значительного вреда одним, более ценным охраняемым интересам, причинить в качестве крайней меры менее значительный вред другим, менее ценным охраняемым интересам [27, 28]. Согласно положениям ст. 39 УК РФ деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, не является преступлением, а согласно ст. 2.7 КоАП РФ – административным правонарушением. Представляется, что предлагаемое нововведение будет способствовать освобождению адвокатов, вынужденно нарушивших нормы КПЭА, от дисциплинарной ответственности в тех случаях, когда нарушение фактически лишено общественной опасности и когда его совершение обусловлено необходимостью совершения адвокатом общественно полезных действий для защиты более ценного блага.

7. Оптимизация дисциплинарной процедуры

Также представляется целесообразным внесение в ст. 24 КПЭА пункта о расширении полномочий Совета адвокатской палаты в части пересмотра решения квалификационной комиссии. Согласно предлагаемой поправке «Если будет установлено несоответствие выводов квалификационной комиссии, изложенных в заключении, исследованным ею обстоятельствам дисциплинарного производства, Совет вправе не согласиться с заключением квалификационной комиссии и принять новое решение, если для этого не требуется исследования новых доказательств.».

Представляется, что данное изменение позволит оптимизировать деятельность Совета палаты при рассмотрении дисциплинарных производств.

8. Правила адвокатской профессии вместо Кодекса профессиональной этики адвоката

В рамках открытых обсуждений, инициированных представителями общественных объединений адвокатов, высказывается идея о необходимости отмены КПЭА и введения вместо него Правил адвокатской профессии, в том числе по причине того, что КПЭА позволяет осуществлять необоснованные преследования адвокатов за действия, волюнтаристски подведенные под конкретные его статьи и объявленные нарушениями. Причем «нарушения» нередко лишь косвенно связаны либо даже совсем не связаны с профессиональной деятельностью адвоката [29].

Адвокат А.В. Воробьев по этому поводу отмечает следующее:

«Этика – философская наука. Всякими разговорами на этические темы можно прикрыть или оправдать неблаговидные поступки. А выделение какой-то особой профессиональной этики из этики общей, противопоставление профессиональ-

ной этики общей этике вообще может быть способом сокрытия поступков безнравственных, например наживы некоторых за счёт общих средств корпорации...».

«Самоё название «Кодекс профессиональной этики адвоката» является не неудачным, а, как показала жизнь, вредным и опасным. Путём вписывания в Кодекс заинтересованными группами всяких изменений можно поставить в организационную и, следовательно, профессиональную зависимость других адвокатов. Никакой профессиональной этики адвоката не должно быть, её и нет. Ещё профессор Михаил Соломонович Строгович в работе «Процессуальное положение и процессуальные функции защитника» писал, что понятие «адвокатская этика» нельзя признать удачным, поскольку оно может послужить поводом к заключению, будто существует какая-то особая адвокатская этика, отличная от общей этики; никакой особой адвокатской этики нет и быть не может; об адвокатской этике можно говорить лишь в очень условном смысле, как о применении общих норм нравственности к специальным вопросам деятельности адвоката. И если перефразировать известную историческую фразу, можно смело утверждать, что «адвокатская этика» – последнее прибежище внутренних врагов адвокатуры, негодных к адвокатскому труду и оттого ненавидящих адвокатуру, её «чернорабочих» адвокатов».

«Есть и должны быть правила адвокатской профессии как аргументированные положения (нормы) профессионального поведения. Формой (источником) правил адвокатской профессии должны остаться исключительно прецедентные решения по вопросам рассмотрения отдельных дисциплинарных дел, направленных на охранение сущности адвокатуры и таким образом способствующих правосудию. …Те адвокаты, которые дорожат ценностями адвокатской профессии, в сложных ситуациях профессионального выбора обращаются за помощью к правилам профессии, а не в советы всяких адвокатских структур, у которых смутные представления о целях адвокатуры и полное незнание этих правил, в вопросах же части философского знания под названием «этика» – абсолютное невежество».

«Ценность правил адвокатской профессии заключается в том, что они способствуют, содействуют исполнению профессионального адвокатского долга, а главный долг адвоката – это борьба за право» [30].

В настоящее время нормы КПЭА достаточны для преследования неугодных адвокатов, что наглядно демонстрируется ФПА РФ и рядом адвокатских палат. Этому способствует содержание ч. 2 ст. 5 и ч. 5 ст. 9 КПЭА: «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре», «в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

Понятно, что в силу своего содержания ч. 2 ст. и ч. 5 ст. 9 КПЭА могут быть при первой же необходимости использованы для привлечения к ответственности за критику действий руководства органов корпоративного управления. Но практика показывает, что арсенал норм КПЭА в части преследования адвокатов за критику и без того широк, и абсолютно любые его нормы могут в этом «благом» для представителей адвокатской номенклатуры деле найти свое применение [31–37].

Кроме того, Международная комиссия юристов (МКЮ, ICJ) обоснованно указывает, что обеспокоена тем, что ассоциации адвокатов не являются независимыми, а превратились в инструмент исполнительной власти и могут сами налагать произвольные и несправедливые дисциплинарные взыскания на адвокатов. При этом МКЮ подчеркнула, что лишение адвоката статуса за действия, которые соответствуют международным стандартам юридической профессии, в случаях, когда такое лишение не является мерой взыскания, установленной за совершение определённых действий, либо в случаях, когда оно несоразмерно обстоятельствам конкретного дела, не только нарушает права адвоката, но и подрывает независимость юридической профессии и имеет самые пагубные последствия для защиты прав человека и принципа верховенства права в отдельно взятой стране [38].

В литературе и СМИ обращается внимание на то, что до 2003 года в России отсутствовали писанные правила адвокатской этики, каждая коллегия адвокатов самостоятельно решала, каким образом контролировать соблюдение адвокатами норм профессиональной этики: некоторые разработали этические кодексы, а большая часть адвокатов ориентировалась на прецеденты дисциплинарной практики президиумов своих коллегий, кодифицированные правила адвокатской этики отсутствовали не только в советской, но и в российской присяжной адвокатуре (1866–1917 гг.). Удачная попытка неофициальной кодификации была предпринята в 1913 году членом Московского Совета присяжных поверенных А.Н. Марковым, который составил систематизированный свод постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики, издав его в виде книги «Правила адвокатской профессии» [39].

Представляется, что с приведенными выше тезисами А.В. Воробьева необходимо согласить-

ся, однако наряду с этим следует отметить, что вопрос о замене КПЭА правилами адвокатской профессии должен быть детально рассмотрен и проработан всеми представителями адвокатского сообщества, что, по объективным причинам, не удастся осуществить до X Всероссийского съезда адвокатов, намеченного на середину апреля 2021 г.

С учетом того, что в повестку дня съезда будет включен вопрос об изменении КПЭА, представляется необходимым сформулировать следующие обобщенные предложения относительно поправок именно в КПЭА – тех поправок, которые могут повлиять на жизнедеятельность адвокатов в ближайшей перспективе.

9. Новые идеи для обсуждения в действующий КПЭА

К наиболее интересным и значимым идеям организационно-процедурного свойства, которые, как нам представляется, могут быть реализованы в положениях КПЭА, необходимо отнести следующие:

– ввести в текст КПЭА презумпцию добросовестности адвоката;

– ввести в КПЭА прямой запрет на корректировку правил дисциплинарного производства внутренними актами адвокатских палат и ФПА РФ;

– ввести институт отвода членам квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты, КЭС и Совета ФПА РФ при рассмотрении дисциплинарного дела;

– предусмотреть недопустимость участия вице-президента палаты, внесшего представление о возбуждении дисциплинарного производства (являющегося по должности членом Совета палаты), в обсуждении такого дисциплинарного производства на заседании Совета и голосовании по нему в качестве члена Совета;

– расширить права адвоката как участника дисциплинарного производства на представление доказательств, предоставить ему право представлять новые доказательства в Совет палаты;

– установить режим тайны совещательной комнаты при вынесении решений квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты;

– увеличить срок на подачу адвокатом заявления о несогласии с заключением квалификационной комиссии;

– установить конкретный срок, в течение которого заключение квалификационной комиссии подлежит вручению адвокату, в соотношении со сроком назначения заседания совета по рассмотрению конкретного дисциплинарного производства;

– детализировать процедуру рассмотрения дисциплинарного дела в Совете адвокатской палаты;

– установить четкие требования о протоколировании заседания по рассмотрению дисциплинарного дела, предоставить адвокату право на осуществление аудиозаписи заседания, на представление замечаний на протокол заседания.

К наиболее значимым идеям и предложениям для включения в текст в КПЭА, имеющим материально-правовые свойства, представляется необходимым отнести следующие предложения:

– о том, что никакое положение КПЭА не должно толковаться как ограничивающее или умаляющее права и свободы членов адвокатского сообщества как граждан, а также принципы законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, на основании которых действует адвокатура;

– о том, что в КПЭА устанавливается недопустимость использования дисциплинарного производства в отношении адвоката в целях осуществления его преследования за высказанную и поддерживаемую им позицию по делу, а также за высказывание критических замечаний, в том числе относительно деятельности органов адвокатского самоуправления, их руководителей и сотрудников;

– о том, что сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, не может быть признано нарушениями КПЭА в случае разового, на бесконтрактной основе, сотрудничества адвоката с этими органами, в ситуациях, когда защитить собственные интересы, а также интересы доверителя иным образом адвокату не представляется возможным (п. 3 ст. 9);

– обозначить в КПЭА (пп. 1 п. 2 ст. 15), что адвокат не должен распространять именно не соответствующие действительности сведения, умаляющие авторитет адвокатуры;

– предусмотреть новую меру дисциплинарной ответственности адвоката как альтернативную прекращению статуса адвоката – «запрет на осуществление адвокатской деятельности в определенном виде судопроизводства либо запрет на участие в уголовном судопроизводстве по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда на определённый срок»;

– четко обозначить в положениях КПЭА деяния, за совершение которых к адвокату может быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Представляется необходимым в ближайшее время организовать широкое обсуждение соответствующих предложений в адвокатском сообществе и направление их для рассмотрения на X Всероссийском съезде адвокатов.

Пристатейный библиографический список

1. https://fparf.ru/documents/draft-regulations/predlozheniya-po-obsuzhdeniyu-popravok-v-kodeks-professionalnoy-etiki-advokata/.
2. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/4f6ddeea7dde7f75f9a9ef26b3348bb50fd23aac/.
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/cdde38fe25c37368ccc014de994e36cf128d5318/.
4. https://minjust.consultant.ru/documents/38026?items=1&page=1.
5. https://base.garant.ru/12180159/.
6. https://zakon.ru/discussion/2017/2/25/posledstviya_ne_ispolneniyaignorirovaniya_predosterezheniya_gosudarstvennyh_i_municipalnyh_organov.
7. https://cyberleninka.ru/article/n/podvedomstvenny-li-arbitrazhnym-sudam-spory-po-obzhalovaniyu-predosterezheniya-prokurora.
8. https://sudact.ru/regular/doc/aVArI8UQvFoT/.
9. Пашковский Е.А. Социальная стигматизация в современном образовании // Дискурс. 2017. № 3. С. 111.
10. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice Hall, 1963.
11. Link B., Phelan J. Conceptualizing Stigma // Annual Review of Sociology [Электронный ресурс]. URL: www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.27.1363.
12. Crocker J., Major B. () Social Stigma and Self-Esteem: The Self-Protective Properties of Stigma // Psychological Review. 1989. № 96 (4). P. 608–630.
13. https://legal_psychology.academic.ru/604/Стигматизация_правовая.
14. https://rg.ru/2019/04/09/pochemu-raspadaetsia-advokatskoe-soobshchestvo.html.
15. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/interpretation-no-03-19/.
16. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-observance-of-legal-ethics/.
17. https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/30f9617c-54da-41c3-bcd5-98b898b49390?participants=Палата.
18. Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монография. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019.
19. Рагулин А.В. Судебные споры и социальные модели современной российской адвокатуры: ответы и вопросы вице-президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 20–42.
20. https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-svoy-vybor-sdelala/.
21. https://pravo.ru/court_report/view/140167/.
22. https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/438-praktika-obzhalovaniya-reshenij-soveta-advokatskoj-palaty-sub-ekta-rf-o-primenenii-k-advokatu-merdistsiplinarnogo-vzyskaniya.html.
23. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=114970706&delo_id=1540005&new=0&text_number=1&fbclid=IwAR12Rl67-miWV_WXTgKfP30N8NqYZdsbn69NFJzWwGRJnyWBtoj3Kv3_gTQ.
24. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95992232&case_uid=a149a6fc-dae1-41e2-942f-26c2cba74362&delo_id=1540005.
25. https://morokhin.pravorub.ru/personal/78188.html.
26. https://vs—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16925362&case_uid=c4d67f3b-ea20-4709-b753-4181ae4fab70&delo_id=5&new=5.
27. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М., 2006.
28. Шаповалов В.В. О понятии крайней необходимости в российском уголовном праве // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 3 (13).
29. https://www.youtube.com/watch?v=TcYMxlQb6YY.
30. Послесловие адвоката Артура Валентиновича Воробьева // Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монография. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019. С. 564–566.
31. Мельниченко Р.Г. Три вопроса по делу Виталия Буркина // Евразийская адвокатура. 2018. №1 (32).
32. https://advstreet.ru/article/advokat-valekh-abbasov-otsudil-status/.
33. https://advstreet.ru/article/advokatu-voytsekhu-obnulili-status/.
34. https://pravo.ru/news/view/143117.
35. https://pravo.ru/story/203114/.
36. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1278:rezolyutsiya-o-nedopustimosti-presledovaniya-advokatov-za-realizatsiyu-imi-svoikh-konstitutsionnykh-prav-i-o-vosstanovlenii-statusa-advokata-a-n-kazakova&catid=8&Itemid=18.
37. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-hroniki—vypusk-3319-useknovenie-statusa-advokata-volkovu-dmitriiu-ivanovichu-5d598f1e5d636200ad693988.
38. Дисциплинарное производство в отношении адвокатов в странах СНГ: анализ международного права и стандартов: Legal opinion. 18 июня 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/06/CIS-icj-opinion-lawyers-discipline-law-advocacy-analysis-brief-2013-rus.pdf.
39. https://krasn.pravo.ru/analytic/view/28290/.
40. https://pravo.ru/news/view/141196/.

References (transliterated)

1. https://fparf.ru/documents/draft-regulations/predlozheniya-po-obsuzhdeniyu-popravok-v-kodeks-professionalnoy-etiki-advokata/.
2. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/4f6ddeea7dde7f75f9a9ef26b3348bb50fd23aac/.
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/cdde38fe25c37368ccc014de994e36cf128d5318/.

4. https://minjust.consultant.ru/documents/38026?items=1&page=1.

5. https://base.garant.ru/12180159/.

6. https://zakon.ru/discussion/2017/2/25/posledstviya_ne_ispolneniyaignorirovaniya_predosterezheniya_gosudarstvennyh_i_municipalnyh_organov.

7. https://cyberleninka.ru/article/n/podvedomstvenny-li-arbitrazhnym-sudam-spory-po-obzhalovaniyu-predosterezheniya-prokurora.

8. https://sudact.ru/regular/doc/aVArI8UQvFoT/.

9. Pashkovskij E.A. Social`naya stigmatizaciya v sovremennom obrazovanii // Diskurs. 2017. № 3. S. 111.

10. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice Hall, 1963.

11. Link B., Phelan J. Conceptualizing Stigma // Annual Review of Sociology [E`lektronny`j resurs]. URL: www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.27.1363.

12. Crocker J., Major B. () Social Stigma and Self-Esteem: The Self-Protective Properties of Stigma // Psychological Review. 1989. № 96 (4). P. 608–630.

13. https://legal_psychology.academic.ru/604/Stigmatizaciya_pravovaya.

14. https://rg.ru/2019/04/09/pochemu-raspadaetsia-advokatskoe-soobshchestvo.html.

15. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/interpretation-no-03-19/.

16. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-observance-of-legal-ethics/.

17. https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/30f9617c-54da-41c3-bcd5-98b898b49390?participants=Palata.

18. Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografiya. M.: Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata, Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019.

19. Ragulin A.V. Sudebny`e spory` i social`ny`e modeli sovremennoj rossijskoj advokatury`: otvety` i voprosy` vice-prezidentu Federal`noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 5 (48). S. 20–42.

20. https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-svoy-vybor-sdelala/.

21. https://pravo.ru/court_report/view/140167/.

22. https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/438-praktika-obzhalovaniya-reshenij-soveta-advokatskoj-palaty-sub-ekta-rf-o-primenenii-k-advokatu-mer-distsiplinarnogo-vzyskaniya.html.

23. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=114970706&delo_id=1540005&new=0&text_number=1&fbclid=IwAR12Rl67-miWV_WXTgKf-P30N8NqYZdsbn69NFJzWwGRJnyWBtoj3Kv3_gTQ.

24. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95992232&case_uid=a149a6fc-dae1-41e2-942f-26c2cba74362&delo_id=1540005.

25. https://morokhin.pravorub.ru/personal/78188.html.

26. https://vs—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16925362&case_uid=c4d67f3b-ea20-4709-b753-4181ae4fab70&delo_id=5&new=5.

27. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Institut krajnej neobxodimosti v rossijskom ugolovnom prave. M., 2006.

28. Shapovalov V.V. O ponyatii krajnej neobxodimosti v rossijskom ugolovnom prave // Innovacionnaya e`konomika: perspektivy` razvitiya i sovershenstvovaniya. 2016. № 3 (13).

29. https://www.youtube.com/watch?v=TcYMxlQb6YY.

30. Posleslovie advokata Artura Valentinovicha Vorob`eva // Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografiya. M.: Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata, Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019. S. 564–566.

31. Mel`nichenko R.G. Tri voprosa po delu Vitaliya Burkina // Evrazijskaya advokatura. 2018. №1 (32).

32. https://advstreet.ru/article/advokat-valekh-abbasov-otsudil-status/.

33. https://advstreet.ru/article/advokatu-voytsekhu-obnulili-status/.

34. https://pravo.ru/news/view/143117.

35. https://pravo.ru/story/203114/.

36. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1278:rezolyutsiya-o-nedopustimosti-presledovaniya-advokatov-za-realizatsiyu-imi-svoikh-konstitutsionnykh-prav-i-o-vosstanovlenii-statusa-advokata-a-n-kazakova&catid=8&Itemid=18.

37. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-hroniki—vypusk-3319-useknovenie-statusa-advokata-volkovu-dmitriiu-ivanovichu-5d598f1e5d636200ad693988.

38. Disciplinarnoe proizvodstvo v otnoshenii advokatov v stranax SNG: analiz mezhdunarodnogo prava i standartov: Legal opinion. 18 iyunya 2013 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/06/CIS-icj-opinion-lawyers-discipline-law-advocacy-analysis-brief-2013-rus.pdf.

39. https://krasn.pravo.ru/analytic/view/28290/.

40. https://pravo.ru/news/view/141196/.

В РОССИИ ОПРЕДЕЛИЛИ «ЦИФРОВЫХ ЮРИСТОВ ГОДА»

«DIGITAL LAWYERS OF THE YEAR» WERE IDENTIFIED IN RUSSIA

Торжественная церемония состоялась в рамках Премии Рунета 2020. Почётной наградой были отмечены юристы и адвокаты, внесшие значительный вклад в развитие цифрового и информационного права в России.

В этом году определены лауреаты в четырех основных номинациях: «Лидер цифровой трансформации»; «Вклад в развитие судебной и правоприменительной практики»; «Общественная деятельность»; «Вклад в юридическую науку», а также в специальных номинациях – «Лучший преподаватель цифрового права» от Moscow Digital School и «Вклад в развитие и формирование образа криптовалют в России».

Церемонию открыла первый заместитель председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации РФ Ирина Рукавишникова. Она поздравила юристов с профессиональным праздником и отметила, что с каждым днем роль цифровизации растет, и сегодня она является неотъемлемой частью деятельности юриста.

«Темпы внедрения цифровых технологий в правовую жизнь ускоряются практически ежедневно, и нормативное регулирование цифровой экономики выступает сегодня одной из самых актуальных, а также одновременно сложных задач законотворчества и практического применения», – подчеркивает сенатор.

Как отметил директор Российской ассоциации электронных коммуникаций Сергей Плуготаренко, в цифровой трансформации участвуют не только айтишники, как это может показаться на первый взгляд.

«Без практикующих юристов, преподавателей права и судей долгосрочное построение экосистемы цифровой экономики невозможно. Анализ и разработка законопроектов в сфере IT, формирование правоприменительной практики, приведение бизнес-процессов в соответствие с юридическими нормами – не менее важные задачи, чем написание кода или доработка IT-продукта. Особенно приятно, что в этом году премия «Цифровой юрист года» вручается в номинации «Лучший преподаватель цифрового права», так как будущие законотворчество и юридическое сопровождение IT-компаний в руках нынешних студентов – завтрашних судей и партнеров юридических фирм», – уверен директор РАЭК.

По словам ведущей церемонии Ольги Бинды, каждый день происходит цифровая трансформация юридической функции.

«Новые технологии и решения помогают сделать работу юристов более прозрачной и понятной для каждого. Цифровые продукты по доступу к праву упрощают коммуникацию пользователей с третьими сторонами, развивают рынок и каждого из нас. Юристы, правозащитники, адвокаты, специалисты в области IT, эксперты рынка развивают интересные и важные проекты, о которых должен знать каждый. Премия «Цифровой юрист» года открывает первооткрывателей Нового мира «цифры» для аудитории и мотивирует таких специалистов к новым свершениям», – отметила Ольга Бинда.

По итогам отбора конкурсной комиссии «Лидером цифровой трансформации» стала президент Ассоциации больших данных, член Совета директоров ПАО «МегаФон» Анна Серебряникова. Основной критерий, которым руководствовались организаторы при выборе победителя, – существенный вклад в создание благоприятного правового режима развития современных технологий. В этом году Ассоциацией больших данных под руководством Анны была разработана и реализована стратегия развития рынка больших данных до 2024 года, участниками рынка был принят Кодекс этики использования данных, а также создана песочница данных АБД.

Номинация «За вклад в развитие судебной и правоприменительной практики» вручен за создание судебных прецедентов и реализацию новых сделок в сфере цифрового и информационного права. Победу одержали директор ООО «Юридические и финансовые креативные решения» Юрий Брисов и управляющий партнер юридической компании ЭБР Александр Журавлев. Они разработали и реализовали первую сделку по использованию блокчейн-токена в качестве обеспечения банковского кредита. По мнению экспертов, сделка создала прецедент в мире децентрализованного финансирования (DeFi) не только в нашей стране, но и в Европе, странах Азии и Ближнего Востока.

Награду в номинации «За общественную деятельность» получила генеральный директор Центра перспективных управленческих решений Мария Шклярук. За этот год Мария внесла суще-

ственный вклад в развитие российского законодательства в области цифрового и информационного права. Под ее руководством разработана собственная методика оценки цифровой зрелости организации, которая была применена Счетной палатой РФ. Методика может быть адаптирована для оценки любых государственных и коммерческих организаций.

В номинации «За вклад в юридическую науку» победил доцент факультета права НИУ ВШЭ Роман Янковский. Конкурсная комиссия высоко оценила существенный вклад номинанта в развитие российской правовой науки. Роман является автором ряда научных исследований, разработок и статей, посвященных проблематике использования новых информационных технологий, регулированию смарт-контрактов, токенов и криптовалют, правовым аспектам защиты ПО, особенностям предпринимательской деятельности в сети «Интернет» и др.

В спецноминанции «За вклад в развитие и формирование образа криптовалют в России» одержал победу партнер юридической компании «Taxology» Михаил Успенский. В 2017–2018 годах он являлся юридическим советником первого ICO по российскому праву и в судебном порядке предотвратил блокировку сайта проекта. В 2019-м сопровождал первый в РФ вклад биткоина в уставный капитал российской компании, который прошел регистрацию ФНС России. Кроме того, совместно с РАКИБ и МО АЮР создал расчётный кросс-курс биткоина к российскому рублю, а также выступил соавтором методических рекомендаций по установлению оценщиками рыночной стоимости криптовалют в СРО «Экспертный совет».

Спецноминация Moscow Digital School «Лучший преподаватель цифрового права» вручается за достижение высоких результатов в области педагогики, реализующих дополнительные предпрофессиональные программы в области цифрового и информационного права. По итогам конкурсного отбора награда досталась доктору юридических наук, заведующему кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Владиславу Архипову. В этом году он защитил в СПбГУ диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация». Кроме того, на базе вуза в магистратуре им был запущен учебный курс «Правовые проблемы компьютерного спорта» для программы «Юрист в сфере спортивного права» и курс на английском языке «Data Privacy Regulations» (на основе сравнительного анализа ФЗ «О персональных данных» и GDPR, а также практики их применения).

Премия «Цифровой юрист года» была учреждена в 2019 году Московским отделением Ассоциации юристов России (МО АЮР) совместно с Российской ассоциацией электронных коммуникаций и Moscow Digital School.

В число номинантов премии входили:

Номинация «Лидер цифровой трансформации»

1. Анна Серебряникова – президент Ассоциации больших данных, член Совета директоров ПАО «МегаФон», руководитель рабочей группы «Информационная инфраструктура» АНО «Цифровая экономика»;

3. Андрей Незнамов – исполнительный директор ПАО Сбербанк (sberbank.ai); старший научный сотрудник Института государства и права РАН;

4. Роман Кузнецов – директор правового департамента Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации;

5. Сергей Израйлит – директор департамента планирования и развития Фонда «Сколково»;

6. Виктор Бирюков – исполнительный вице-президент по юридической поддержке, взаимодействию с органами государственной власти и комплаенсу ПАО «ВымпелКом».

Номинация «За вклад в развитие судебной и правоприменительной практики»

1. Александр Журавлев – управляющий партнер юридической компании «ЭБР»;

2. Юрий Брисов – директор ООО «Юридические и финансовые креативные решения»;

3. Роман Лукьянов – управляющий партнер Semenov&Pevzner;

4. Саркис Дарбинян – партнер центра защиты цифровых прав, сооснователь проекта «РосКомсвобода»;

5. Анатолий Семенов – заместитель председателя Комитета РСПП по интеллектуальной собственности и креативным индустриям, общественный омбудсмен в сфере интеллектуальных прав.

Номинация «За вклад в юридическую науку»

1. Роман Янковский – доцент факультета права НИУ ВШЭ;

2. Николай Дмитрик – канд. юрид. наук, заведующий лабораторией правовой информатики и

кибернетики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;

3. Марина Рожкова – профессор кафедры интеллектуальных прав Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), президент IP CLUB;

4. Алексей Ефремов – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета.

Спецноминация 2020 года «За вклад в развитие и формирование образа криптовалют в России»

1. Михаил Успенский – партнер юридической компании «Taxology»;

2. Артем Толкачев – основатель и директор Tokenomika;

3. Дмитрий Кириллов – адвокат, старший юрист налоговой практики Bryan Cave Leighton Paisner (Russia) LLP (ранее в России – Goltsblat BLP);

4. Максим Башкатов – преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель направления «Правовое развитие» в Фонде «Центр стратегических разработок».

Спецноминация 2020 года от Moscow Digital School «Лучший преподаватель цифрового права»

1. Владислав Архипов – д-р юрид. наук, доцент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, советник практики по интеллектуальной собственности, информационным технологиям и телекоммуникациям международной юридической фирмы Dentons;

2. Александр Панов – руководитель практики «здравоохранение» юридической фирмы Пепеляев групп, эксперт Центра исследований нормативной среды фармацевтики и биотехнологий НИУ ВШЭ;

3. Александр Савельев – юрисконсульт IBM Россия / СНГ, канд. юрид. наук, доцент кафедры информационного права, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ;

5. Мария Егорова – д-р юрид. наук, профессор кафедры конкурентного права МГЮА им. О.Е. Кутафина.

Материал подготовила: Е. Душкина.

RALA
RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION
РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ
亚洲俄罗斯律师协会
119002, г. Москва,
пер. Сивцев Вражек, д. 43
тел.: 7 495 211-4188 почта: info@rala.legal

Мельниченко Р.Г.

«БЫВШИЕ» В АДВОКАТУРЕ

Цель: Идентифицировать и проблематизировать такое явление, как «бывшие» в российской адвокатуре.

Методология: Использовались статистический, герменевтический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: Идентифицирована проблема отторжения «ассимиляции» лиц, получивших статус адвокатов после работы в государственных органах.

Новизна/оригинальность/ценность: Новизна работы обусловлена отсутствием исследований по вопросу классификации адвокатского корпуса на основании прошлого профессионального опыта.

Ключевые слова: адвокатура, сегрегация адвокатов, «бывшие», адвокатские палаты, государственная служба.

Melnichenko R.G.

«THE FORMERS» IN ADVOCACY PROFESSION

Purpose: Identify and problematize such a phenomenon as «formers» in the Russian legal profession.

Methods: The statistical, hermeneutical and comparative legal methods were used.

Results: Identified the problem of rejection of the «assimilation» of persons who received the status of advocates after working in government agencies.

Novelty/originality/value: Lack of research on the classification of the legal profession based on their past professional experience.

Keywords: bar, segregation of lawyers, former, bar chambers, civil service.

Введение

Никакой социум не бывает однороден. В каждом микро- или макросообществе одновременно действуют две силы: сила консолидации (притягивания) и сила сегрегации (разделения). Не является здесь исключением и адвокатура. К сожалению, «квалифицированное большинство», включая правящую адвокатскую элиту, с крайней степенью негодования относятся даже к разговорам о наличии расслоения в адвокатуре. Позиция «страуса» не позволяет не только идентифицировать проблему, но и приступить к её разрешению в случае, если проблема там обнаружится. Об одном разделении в адвокатуре и пойдёт речь в настоящей статье. Это деление адвокатов на «бывших» и «чистых».

Основанием разделения адвокатов на «бывших» и «чистых» является наличие у адвоката предыдущего опыта работы на государственной или муниципальной службе, например в правоохранительных органах.

«Бывшие» в истории адвокатуры

Не секрет, что этап корпоративной адвокатуры (1866–1917 гг.) начался с «бывших», то есть с государственных служащих (государственная служба называлась в XIX веке магистратурой), так как именно государственные служащие к моменту формирования адвокатской корпорации государством обладали проходными цензами: высшим юридическим образованием и стажем. Это влияние «бывших» с тех пор присутствует в российской адвокатуре, то усиливая своё воздействие (2002-е гг. – период номенклатурной адвокатуры), то ослабевая (1988–2002 гг. – период вольной адвокатуры).

Присяжные поверенные стояли на позиции одновременной несовместимости государственной службы и адвокатуры, например, даже преподавание в университете не позволяло профессору заниматься адвокатской практикой, так как преподавание относилось к государственной службе. Наряду с этим, адвокаты постоянно боролись с теми профессиональными деформациями, которые заносили в адвокатуру «бывшие». Например, «связи», которые у «бывшего» остались или были наработаны с государственными служащими, всячески порицались, а «бывший», если был пойман за таким поганым делом, – наказывался. Приведём пример одного из решений Совета присяжных поверенных по этому вопросу: «Добрые отношения» в сфере служебных отношений иметь место не могут и не должны: адвокат обязан всячески избегать того, чтобы пользоваться хорошими неформальными отношениями к членам магистратуры» [1].

Данный исторический экскурс демонстрирует то обстоятельство, что деление адвокатов на «бывших» и «чистых» является исторически обусловленным и присущим самому институту корпоративной адвокатуры.

О причинах миграции «бывших» в адвокатуру

Миграция юристов из одной профессии в другую, как правило, имеет одну общую причи-

ну, которую можно охарактеризовать формулой «рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». В 1990-е годы переход юристов из госслужбы на адвокатское поприще был обусловлен именно этим. В адвокатуре, по сравнению со службой «государю», лучше обстояло дело со свободой (в широком смысле, в частности, свободным временем), достойными гонорарами, динамикой и драйвом. В нулевые всё эти бонусы испарились как капли дождя на раскалённом асфальте. Свобода из адвокатуры ушла, когда над адвокатами поставили управленцев – адвокатскую номенклатуру, подкрепив её такой силой влияния, как дисциплинарное производство. Достойные гонорары перестали быть таковыми, так как многие люди начали воспринимать адвокатов как некую «ширму» политического режима, от деятельности которых практически ничего не зависит: «Если попал под репрессию – ты обречён, и тратиться на адвоката в этом случае нецелесообразно». Здесь можно в качестве примера привести «Дело «Юкоса»», в котором участвовали «топовые» адвокаты (кстати, из «бывших») за огромные гонорары и с сомнительным результатом. Конечно, динамика и драйв в адвокатуре остались, но только эта мотивация достаточна лишь для «адреналиновых маньяков» да «идейных», а таких людей в социуме всегда весьма ограниченное количество.

При всех указанных условиях поток бывших в адвокатуру не иссяк. Почему? Если не работает формула «лучше–хуже», то остаётся предположить следующее: «Бывшие» стали таковыми поневоле». Таких увольняли из госслужбы из-за неблаговидных обстоятельств. Конечно, есть и такие, которых уволили за их строптивый нрав, за их нежелание брать взятки и делиться, за высокий интеллект. Вот и наводнили адвокатуру «бывшие», но далеко не всегда лучшие «бывшие», которые бы её обогатили и улучшили, а те, кто по своим моральным качествам не смог удержаться даже на службе государственной.

Прибавим к потоку в адвокатуру бывших и ручеёк госслужащих – ранних пенсионеров, особенно из правоохранительных органов, которые в адвокатуре видят продолжение своей службы после отставки.

Присутствие «бывших» в управленческих структурах современной российской адвокатуры

Элементарный подсчёт покажет нам, что в адвокатской номенклатуре современного этапа развития адвокатской корпорации подавляющее большинство – это «бывшие»: следователи прокуратуры, судьи, милицейские, полицейские и т. п. Так, на 2020 год из 33 членов Совета адвокатской палаты ФПА 30 – это бывшие государственные служащие. И подобное соотношение «бывших» и «чистых» можно обнаружить в большинстве адвокатских палат. Нашествие бывших в адвокатскую власть можно объяснить рядом причин.

Компетенция властвовать и подчиняться. У государственных служащих со временем, путём естественного отбора, формируется привычка существования в жёстких иерархически выстроенных системах. Жить в иерархии – это их особая компетенция. У «чистых» адвокатов с их самостоятельностью и вольницей такая компетенция физически не может быть сформирована.

С начала периода номенклатурной адвокатуры, когда адвокатская корпорация с 2002 года стала жёстко иерархичной, именно отсутствие навыков существования в системе начальник–подчинённый сделали «чистых» адвокатов неконкурентоспособными для занятия «адвокатских должностей», и подавляющее число руководящих адвокатских постов было занято «бывшими».

Агенты влияния. Очевидно, что государство сыграло значительную роль в формировании адвокатской управленческой номенклатуры, обеспечивая доступ к ней своих бывших слуг. В качестве примера можно привести роль Д. Козака на Первом всероссийском съезде адвокатов, обеспечившего занятие должности президента ФПА опытным «бывшим». А когда «бывшие» были рассажены на ключевых местах, то и своё окружение они, естественно, набрали из своих же – «бывших». Не стоит забывать, что активным лоббистом закона 2002 года, который ввёл иерархическую систему управления адвокатурой, цель которого – подведение вольных адвокатов «под руку государства», стал один из «бывших» – Г.М. Резник.

Цель государства периода нулевых – это огосударствление российской адвокатуры, создание из неё фиктивного органа, находящегося под полным контролем адвокатской номенклатуры, которая, в свою очередь, находится в тесной идеологической связке с правящей элитой – государственными служащими. И эта тесная связь не только не скрывается, но всячески выпячивается, например словесной формулой: «У него есть знакомые в правительстве Российской Федерации». Очевидно, что ситуация засилья «бывших» в адвокатской номенклатуре является угрозой независимости адвокатской корпорации, как несущая в себе ярко выраженный конфликт интересов, где чуждые по духу адвокатуре люди, поддерживающие тесные связи, в частности и бизнес-связи, с государственной правящей элитой, поставлены для её управления [2].

Проблемы ассимиляции «бывших» в современную адвокатуру

Никто не приходит в адвокатуру tabula rasa (с чистого листа). За плечами одних – лишь высшее учебное заведение, у других – государственная служба или служба в коммерческих структурах. И все приходящие в адвокатуру приносят с собой частичку традиций места своего предыдущего пребывания. Это прекрасно, это обогащает адвокатуру, но только до тех пор, пока традиции корпорации сильны и непоколебимы. Дело в том, что «новичок», попадая в любую социальную страту, постепенно ассимилируется в ней, преобразовывает свой образ (отсюда слово «образование») под стандарты той социальной группы, в которой он оказался. Так, бывший следователь, получив адвокатское удостоверение, постепенно превращается в адвоката. Эти стандарты установлены на уровне обычаев и традиций и не зависят от воли конкретных индивидов – это воля (дух) всего адвокатского сообщества. Однако «дух» сообщества может измениться.

В адвокатуре всё изменилось после 2002 года, когда на вершине законодательно созданной иерархической пирамиды органов адвокатского правления оказались «бывшие». Они, осознанно или нет, это в данном случае неважно, стали наводнять адвокатуру своими коллегами, постепенно избавляясь посредством института дисциплинарной ответственности от «чистых» адвокатов. Примерно к 2020 году накопилась критическая масса «бывших» среди рядовых адвокатов, которая позволяет говорить о начале цепной реакции, приведшей к прекращению существования адвокатуры в России как независимой институции по обеспечению квалифицированной юридической помощи гражданам в их противостоянии с государством.

Номенклатурная адвокатура, строительство которой началось в 2002 году, привела к огосударствлению «бывшими» адвокатского корпуса, который живёт теперь не по правилам присяжной адвокатуры, а по правилам российского государственного служащего, которые в корне противоречат самому адвокатскому духу.

Паттерны поведения не ассимилировавшихся «бывших» в современной адвокатуре

Какие же поведенческие черты бывших госслужащих незаметно преобразовали российскую адвокатуру до состояния ещё одной государственной структуры, возглавляемой «министерством адвокатуры» (Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации)?

Слепое подчинение начальству. Адвокат из «бывших» привык чётко и быстро выполнять волю начальника, порой слабо задумываясь над тем, законно желание последнего или нет. В качестве начальников адвокаты из «бывших» быстро идентифицировали руководителей органов адвокатского самоуправления – президентов палат и их приближённых. В результате «рядовые адвокаты» превратились в молчаливую всеодобряющую инертную массу, что подстегнуло вал злоупотреблений со стороны президентов адвокатских палат.

Упор на связи. Государственный служащий для того, чтобы выжить в жестокой государственной машине, где частенько добро перемешивается со злом, вынужден постоянно коммуницировать с окружением, выстраивая связи взаимных обязательств. Выходя в отставку и перейдя в адвокатуру, «бывшие» не видят ничего плохого в том, чтобы воспользоваться как наработанными связями, так и своей коммуникационной компетенцией, построенной на формуле: «Мы одной крови». Фразу: «Да я с ним (например, со следователем) раньше впритиркочку работал, водку вместе пили» можно услышать из уст бывших при их общении со своими доверителями. «Добрые отношения» в сфере служебных отношений иметь место не могут и не должны.

Главная же проблема заключается в том, что адвокаты из «бывших» не видят проблемы в том, что они могут легко и непринуждённо наладить контакт со своими бывшими коллегами-госслужащими. Более того, они постоянно указывают на те плюсы, которые получает «бывший» адвокат по сравнению с адвокатом «чистым». Например, экономия времени при налаживании контакта со следователем, знание сильных и слабых сторон работы государственных служащих и т. п. «Бывшесть» становится главным конкурентным преимуществом, ведь каждый доверитель в душе надеется, что его «бывший» со своими-то обязательно договорится.

И это всё верно. Это плюсы тактического свойства и приводят к успеху. Но если мы посмотрим на динамику карьеры адвоката из «бывших» стратегически, то есть на большом промежутке времени, то мы увидим великую опасность от таких адвокатов как для доверителей в частности, так и для адвокатуры в целом.

Уметь налаживать быстрый контакт в случае с адвокатом из «бывших» – это значит эксплуатировать общий топос, как уже ранее было сказано, пресуппозицию: «Мы с тобой одной крови». Но подобная солидаризация – это палка о двух концах, она требует особого «вежливого» отношения между адвокатом из бывших и госслужащим-контактёром, иначе это будет не «по понятиям».

И рано или поздно адвокат из «бывших» просто не сможет отказать в маленькой просьбе своему бывшему коллеге-следователю, которая чуть-чуть противоречит интересам его доверителя. А ноготок увяз, всей птичке пропасть, вот и становится «бывший», в лучшем случае, слугой двух господ – доверителя и государства.

По нашим наблюдениям, подавляющее большинство «бывших» уверено, что они-то справятся, они-то не перейдут грань между простой учтивостью и предательством, но это обыкновенная гордыня. Никакой человек не сможет противостоять социальным установкам вежливости между «своими». И сама судьба ведёт «бывшего» к предательству, а кто не идет, того судьба волочит.

Налаживание учёта «бывших» в современной адвокатуре

Согласно трудовому законодательству, «бывшие» обязаны сообщать работодателю сведения о своём последнем месте государственной службы. Это соответствует принципу транспарентности, которая позволяет получающему услуги от «бывшего» оценить те риски, которые он с этим «бывшим» получает.

Подобное же правило могло бы быть введено и в адвокатуре, но не на правовом, а на этическом уровне, и могло бы состоять в том, что «бывшие» указывают о своем соответствующем статусе при заключении соглашения со своими доверителями.

Необходимая реакция адвокатского сообщества по вопросу ассимиляции «бывших» в адвокатуру

Одной из основных задач организации современной российской адвокатуры является нейтрализация тех негативных последствий, которые приносят в адвокатуру «бывшие», одновременно понимая, что замыкание адвокатуры от них принесёт вред не меньший.

В предшествующих своих публикациях мы уже предлагали варианты «борьбы» с «бывшими», в частности, введение карантинного ценза для «бывших» в различных его формах, например запрет в течение определённого времени «бывшему» адвокату оказывать адвокатскую помощь в тех органах, где он раньше проходил службу.

Сегодня мы пришли к твёрдому убеждению, что любые правоограничительные меры по отношению к «бывшим» не только не принесут пользы, но и причинят вред, например расколов адвокатуру на «чистых» и «бывших». Мы предлагаем иной, гражданско-позиционный подход к обозначенной проблеме.

В адвокатуре необходимо создать атмосферу неприятия к такому поведению «бывших», которое противоречит духу адвокатской профессии. Эта атмосфера может быть создана в случае, если каждый адвокат сочтёт своим профессиональным долгом реагировать на все проявления «бывших» (а в идеале и «чистых»), идущие вразрез с нормами адвокатской этики (в подлинном их звучании, а не КПЭА, насаждённого адвокатам адвокатской номенклатурой из «бывших»).

Приведём демонстрацию должной и недолжной реакции на примере вышеприведённого кейса «бывший в маске», в котором адвокат разместил свой образ на фоне главы государства. Неверной реакцией на подобный пост стала реакция некоего советника ФПА РФ: «…в этом фото прекрасно все – и герой, и интерьер, и композиция с портретом, и маскировка, и реквизит, и взгляд, и декларируемая цель, и реальное намерение, и актуальность, и законопослушность, и профессионализм. … P.S. Вроде ничего не забыл?», так как это прямое поощрение поведения «бывшего». Должной реакцией на данный пост была бы ирония или прямое указание на то, что адвокату не следует так поступать.

Заключение

Завершая изложение результатов исследования по теме «бывшие», автор хочет высказать свое восхищение следующим адвокатам из «бывших», которые привнесли в нашу корпорацию такие качества, как высочайший интеллект, настойчивость, уравновешенность и глубина планирования: Алексей Аванесян (Краснодар) и Андрей Макаркин (Санкт-Петербург). Эти адвокаты – цвет современной российской адвокатуры. Если бы передо мной встала угроза уголовного или гражданско-правового преследования, я почёл бы за великую удачу, если бы такие адвокаты осуществляли мою защиту.

Пристатейный библиографический список

1. Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / сост. чл. совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А.Н. Марков. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1913. X, 429.
2. https://vk.com/wall-195284407_94.

References (transliterated)

1. Markov A.N. Pravila advokatskoj professii v Rossii: opy`t sistematizacii postanovlenij sovetov prisyazhny`x poverenny`x po voprosam professional`noj e`tiki / sost. chl. soveta prisyazhny`x poverenny`x okruga Moskovskoj sudebnoj palaty` A.N. Markov. M.: Tip. O.L. Somovoj, 1913. X, 429.
2. https://vk.com/wall-195284407_94.

Рагулин А.В.

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С КРИТИКОЙ В АДВОКАТУРЕ

Цель: Исследование проблем использования органами корпоративного управления адвокатурой Кодекса профессиональной этики адвоката как средства борьбы с критикой деятельности этих органов.

Методология: Использовались методы структурно-функционального анализа, системный метод, формально-юридический метод, метод изучения документов, метод включенного наблюдения.

Результаты: В статье путем исследования этико-правовой основы функционирования адвокатуры и современной ситуации в адвокатуре России, в том числе на основе материалов конкретных дел, рассмотрены проблемы использования органами корпоративного управления адвокатурой (адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации) Кодекса профессиональной этики адвоката как средства борьбы с критикой.

Сделан вывод о том, что Кодекс профессиональной этики адвоката в руках недобросовестных представителей адвокатских палат представляет собой действенное средство для борьбы с критикой в адвокатуре. Отмечено, что в силу положений ст. 39 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» у общественных объединений адвокатов пока нет широких прав по непосредственному влиянию на деятельность органов корпоративного управления в части защиты адвокатов от необоснованного дисциплинарного преследования. Предложено введение общего запрета на преследование адвокатов за критику органов корпоративного управления, прямо закрепленного в законе либо в тексте КПЭА, который мог бы быть сформулирован примерно в следующем виде: «Недопустимо использование дисциплинарного производства в отношении адвоката в целях осуществления его преследования за высказанную и поддерживаемую им позицию по делу, а также за высказывание критических замечаний, в том числе относительно деятельности органов адвокатского самоуправления, их руководителей и сотрудников.».

Новизна/оригинальность/ценность: Статья представляет научную ценность, поскольку является исследованием современных проблем организации адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, развитие адвокатуры, проблемы адвокатуры, Обращение 32-х адвокатов, адвокатская этика, Кодекс профессиональной этики адвоката.

Ragulin A.V.

THE CODE OF PROFESSIONAL ETHICS OF ADVOCATE AS A MEANS OF FIGHTING CRITICISM IN THE ADVOCACY

Purpose: To study the problems of using the Code of Professional Ethics of Advocate by the corporate governance bodies of the Advocacy as a means of combating criticism of the activities of these bodies.

Methodology: The methods of structural and functional analysis, the systemic method, the formal-legal method, the method of studying documents, the method of participatory observation were used.

Results: In the article, based on the study of the ethical and legal basis of the functioning of the advocacy profession and the study of the current situation in the advocacy profession of Russia, and on the basis of the materials of specific cases, the problems of using the corporate governance bodies of the advocacy profession (Advocate`s chambers of the subjects of the Russian Federation and the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation) of the Code of Professional Ethics of Advocate as a means of dealing with criticism is discovered.

It is concluded that the Code of Professional Ethics of Advocate, in the hands of unscrupulous representatives of the chambers of advocates, is the effective mean of combating criticism in the advocacy profession. It is noted that by virtue of the provisions of Art. 39 of the Federal Law «On advocacy and the advocacy profession in the Russian Federation» the public associations of advocates do not yet have broad rights to directly influence the activities of corporate governance bodies in terms of protecting advocates from unjustified disciplinary prosecution. The introduction of a general prohibition on the prosecution of advocates for criticism of corporate governance bodies is proposed, directly enshrined in the law or in the text of the Code of Professional Ethics of Advocate, which could be formulated roughly as follows: «It is unacceptable to use disciplinary proceedings against the advocate in order to prosecute him for his position on the case, as well as for expressing critical remarks, including regarding the activities of the advocacy self-government bodies, their leaders and employees.».

Novelty/originality/value: The article is of scientific value, since it is a study of modern problems of the organization of the advocacy profession.

Keywords: advocacy, advocate, development of advocacy, problems of advocacy, Appeal of 32 advocates, advocate ethics, Code of Professional Ethics of Advocate.

Адвокатура является публичным, независимым, самоуправляемым профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Посредством оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи адвокатура как социальный институт осуществляет защиту прав, свобод и интересов доверителей, обеспечивает доступ к правосудию, участвует в правовом просвещении, совершенствовании законодательства и практики его применения, а также осуществляет защиту профессиональных прав, свобод и интересов адвокатов [1, с. 5–11].

Несмотря на значимую социальную функцию адвокатуры – ее системообразующий элемент, адвокаты как члены профессионального сообщества в Российской Федерации фактически ограничены в праве избирать и быть избранными в органы, названные в законе «органами адвокатского самоуправления», которые за период с 2004 по 2020 г. вследствие законодательных изменений превратились в практически несменяемые органы корпоративного управления.

Несмотря на некоторые позитивные законодательные изменения, вступившие в силу с 1 марта 2020 г., и сегодня российские адвокаты в рамках процедур, предусмотренных ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и иными актами адвокатской корпорации, ограничены во влиянии на действия и решения органов корпоративного управления, как ограничены они и в возможности получать полную и достоверную информацию об этих действиях и решениях.

В настоящее время развитие российской адвокатуры характеризуется доминированием органов корпоративного управления (Федеральной палаты адвокатов РФ и адвокатских палат субъектов РФ) и их должностных лиц и подчиненным статусом адвокатов и адвокатских образований.

Внутрикорпоративное регулирование отношений в адвокатуре осуществляется, в том числе, на основе применения положений особого акта – Кодекса профессиональной этики адвоката.

КПЭА – обладающий фактически нормативным действием в отношении адвокатов этико-правовой акт адвокатского сообщества, представляющий собой свод нравственно-этических предписаний, устанавливающий приемлемые и не приемлемые для сообщества практики поведения его представителей, а также закрепляющий основания привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности и порядок осуществления дисциплинарного производства.

Если исходить из посыла, которым руководствовались при принятии КПЭА, то этот акт, устанавливающий обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, принимался в целях развития традиций российской (присяжной) адвокатуры и по своим свойствам призван дополнять правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Теоретически обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, установленные КПЭА, должны быть основаны на нравственных критериях и традициях, представляющих собой несанкционированные государством правила поведения, наиболее обобщенные нормы и принципы поведения людей, соблюдаемые на основе убеждения и охраняемые общественным мнением, основанные на представлениях людей о добре, зле и справедливости, требованиях морали и нравственности, являющихся основой установленных в КПЭА этических правил [2, с. 267–269].

Однако практика показывает, что изменения, вносимые в КПЭА, а также акты КЭС ФПА РФ нередко преследуют совсем не те цели, ради которых они существует и для достижения которых принимаются.

Адвокат М.В. Карпов еще в 2012 году, рассмотрев в своей публикации предлагаемые поправки к КПЭА и дав им обоснованную критическую оценку, указал следующее: «Не хотелось бы думать, что может наступить время, когда адвокатам придется искать защиту не только от государства, но и от действий Федеральной палаты адвокатов, тем более в связи с принятием Кодекса этики, который безосновательно ухудшает положение адвокатов и ограничивает их в гражданских правах и свободах» [3]. К сожалению, история показала, что неблагоприятный прогноз реализовался.

Первым громким делом о преследовании адвоката за критику стало дело адвоката И.Л. Трунова.

Основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении него стали две коллективные жалобы адвокатов о якобы нарушении им норм профессиональной этики, в которых некоторые адвокаты – члены адвокатской палаты Московской области сочли, что публичные высказывания, которые адвокат И.Л. Трунов сделал на пресс-конференции по поводу прекращения предыдущего дисциплинарного производства в отношении него, якобы нанесли ущерб

авторитету адвокатуры. Суть этих заявлений в том, что И.Л. Трунов рассказал журналистам о коррупции в адвокатуре России и о незаконном давлении органов руководства адвокатуры на неугодных адвокатов [4–7].

Судья Лефортовского районного суда г. Москвы В. Голованов, удовлетворяя иск И.Л. Трунова о востановлении статуса адвоката указал, что адвокатские палаты не имеют права вмешиваться в частную или публичную деятельность адвокатов, а КПЭА распространяется только на их профессиональную деятельность. Суд также обратил внимание президентов адвокатских палат, что они являются публичными фигурами, а следовательно, должны быть готовы к критике в свой адрес, даже если она очень эмоциональна, а решившись выйти на арену публично освещаемой деятельности, президенты адвокатских палат должны проявлять большую степень терпимости и спокойно реагировать на эпатаж [8].

Но с появлением в 2017 г. в КПЭА ныне действующей редакции ч. 2 ст. 5 и ч. 5 ст. 9 действие этого акта начало распространяться не только на профессиональную деятельность адвоката, которую, даже судя из названия, призван регулировать этот акт, но и на всю жизнедеятельность адвоката.

Изменение в регуляторном подходе, вкупе с организационной деятельностью ФПА РФ по созданию в 2017 г. в ее структуре Комиссии по этике и стандартам, и последовавшее за этим воздействие ряда сомнительных решений комиссии на постепенно извращавшуюся в угоду желаниям адвокатских управленцев практику применения положений КПЭА привело к резкому увеличению числа адвокатов, статус которых был прекращен в порядке дисциплинарного производства. Из сведений, содержащихся в отчетах Совета ФПА РФ, видно, что с 2017 по 2019 г., когда начала складываться практика применения КПЭА вкупе с разъяснениями КЭС ФПА РФ, прослеживается тенденция резкого количественного увеличения числа таких адвокатов на 57 %, т. е. более чем в два раза [2, с. 45].

В 2019 году состоялось принятие Комиссией по этике и стандартам ФПА РФ и Всероссийским съездом адвокатов Разъяснения № 03/19 по вопросу о допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы и Резолюции «О соблюдении адвокатской этики» – антиконституционных, противозаконных, противоречащих правилам адвокатской профессии актов, нарушающих права и профессиональные интересы адвокатов Российской Федерации путем запрещения им под угрозой прекращения статуса осуществлять обращения в любые органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления, с заявлениями, содержащими требования или призывы к вмешательству в деятельность органов адвокатского самоуправления либо к осуществлению по отношению к ним проверочных и контрольных мероприятий [9, с. 96–104].

В настоящее время участниками общественного объединения «Инициатива–2018» осуществляется оспаривание этих актов в судебном порядке [10, с. 68–78; 11, с. 9–28].

Состоялось и привлечение ряда адвокатов к дисциплинарной ответственности за так называемое Обращение 32-х адвокатов [2], содержащее как критику деятельности следственных органов, так и опосредованную критику деятельности адвокатских управленцев.

При этом следует отметить, что негативные тенденции, связанные с необоснованным привлечением адвокатов к дисциплинарной ответственности, уже давно находятся в фокусе внимания международных правозащитных организаций.

Так, Международная комиссия юристов (ICJ) в своем докладе отмечает: «В странах СНГ адвокаты все чаще подвергаются устрашению и преследованию в ходе осуществления профессиональной деятельности. В некоторых случаях устрашение и преследование проявляются в виде привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности и применения таких дисциплинарных взысканий, как лишение или приостановление адвокатского статуса на фиктивных основаниях.

К данным случаям относится лишение адвокатов статуса за защиту интересов своих доверителей в суде или за выполнение иных профессиональных обязательств способом, соответствующим Основным принципам ООН, касающимся роли юристов.

Кроме того, это может иметь форму лишения адвокатского статуса по несущественным основаниям, которые не представляют собой достаточно серьёзных нарушений профессиональной этики, чтобы оправдать применение дисциплинарного взыскания в виде лишения адвокатского статуса.

МКЮ отмечает, что ассоциации адвокатов не всегда способны защитить своих членов от произвольного лишения статуса или иного ненадлежащего вмешательства в независимое осуществление ими профессиональной деятельности со стороны органов исполнительной власти и частных лиц.

Кроме того, МКЮ указала, то обеспокоена тем, что в ряде стран региона ассоциации адвокатов не являются независимыми, а превратились в инструмент исполнительной власти и могут сами налагать произвольные и несправедливые дисциплинарные взыскания на адвокатов.

МКЮ подчеркнула, что лишение адвоката статуса за действия, которые соответствуют международным стандартам юридической профессии, в случаях, когда такое лишение не является мерой взыскания, установленной за совершение определённых действий, либо в случаях, когда оно несоразмерно обстоятельствам конкретного дела, не только нарушает права адвоката, но и подрывает независимость юридической профессии и имеет самые пагубные последствия для защиты прав человека и принципа верховенства права в отдельно взятой стране [12].

Однако, как выясняется, пожелания международных организаций для ФПА РФ отнюдь не повод для какого-либо воздействия на адвокатские палаты с целью прекращения действий, идущих вразрез с интересами адвокатов.

Это наглядно продемонстрировали недавние события.

10 декабря 2020 г. в отмечаемый в России День прав человека органами корпоративного управления адвокатурой было проведено небезынтересное мероприятие по обсуждению проблемы борьбы с критикой внутри адвокатского сообщества.

Из опубликованного на сайте ФПА РФ материала о событии (со звучным и наполненным смыслом названием «Новый формат привычного диалога») следует:

«...Юрий Пилипенко обратил внимание, что для дискуссии на 6-м Германо-российском адвокатском форуме выбрана интересная и актуальная проблема, которую уже давно хотелось обсудить. По его словам, «проблема критики адвокатами друг друга, органов адвокатского самоуправления, проблема критики, предположим, политической власти, всегда существовала и, наверное, будет существовать, и нам хотелось бы выяснить, как к этому важному и непростому вопросу относятся наши коллеги...».

«...Михаил Толчеев и Николай Кипнис в своих выступлениях обозначили проблему установления пределов критических и полемических высказываний российских адвокатов в их отношениях с судами, органами прокуратуры и общественностью» [13].

Ввиду запланированного на апрель 2021 г. так называемого «Всероссийского съезда адвокатов» и сведений о келейно готовящихся в недрах ФПА РФ очередных поправках в КПЭА есть основания полагать, что заботливыми адвокатскими управленцами либо готовятся новые нормы КПЭА, фактически запрещающие критику деятельности органов корпоративного управления адвокатурой и их не избираемых адвокатами должностных лиц, либо данный вопрос планируется как-то решить посредством очередного «запретительного» разъяснения КЭС ФПА РФ.

Обращаю внимание на то, что в толковых словарях русского языка термин «критика» определяется как «особый литературный жанр, посвященный разбору и оценке литературных, музыкальных, театральных, художественных и т. п. произведений», «анализ, разбор, обсуждение кого-либо или чего-либо с целью оценить достоинства и выявить недостатки», «исследование, научная проверка правильности, подлинности чего-либо», «неблагоприятная оценка, указание недостатков; порицание» [14].

Все эти действия руководство органов корпоративного управления, видимо, и собирается теперь уже прямо запретить адвокатам. Но, конечно, не всем, а большинству, себя, естественно, из этого большинства исключая.

Так, например, обсуждение вопросов о поправках в КПЭА кем-либо, кроме ФПА РФ, представители органов корпоративного управления адвокатурой сами себе критиковать позволяют, указывая, например, следующее: «…особую опасность для адвокатского сообщества представляют попытки использовать обсуждение проектов поправок в КПЭА как повод для дискредитации ФПА РФ – единственного легитимного и признанного государством представителя всего адвокатского сообщества, который ведет большую и часто успешную работу по защите профессиональных прав адвокатов, в том числе, в таких важных областях, как налогообложение, гарантии неприкосновенности и независимости, взаимодействие с федеральными органами власти, законотворческая деятельность, а также в сфере повышения квалификации адвокатов» [15].

Заметим, что успехи ФПА РФ в повышении квалификации адвокатов и, вероятно, во взаимодействии с федеральными органами власти, конечно, налицо, но вот заявлять об успехах ФПА РФ в сфере законотворческой деятельности, а тем более в сферах налогообложения адвокатов и обеспечения гарантий неприкосновенности и реализации профессиональных прав адвокатов я бы не стал, ибо неправда это. Серьёзных успехов тут, к сожалению, пока не достигнуто.

Однако практикуемый подход адвокатских управленцев создал благоприятную почву для распространения в социальных сетях деятельности так называемых «интернет-троллей», которые, в надежде выслужиться перед руководством органов корпоративного управления адвокатурой, пытаются, нет, не критиковать, а ругать и травить критиков адвокатуры, подчас с использованием абсолютно неприемлемых не только в публичной дискуссии, но даже и в уличном разговоре выражений. И в отношении таких лиц нормы КПЭА адвокатскими палатами под различными предлогами не применяются [16]. А эти «интернет-тролли» при поддержке ФПА РФ, тем временем, постепенно приникают уже и на страницы адвокатских СМИ.

Надо сказать, что нормы КПЭА в настоящее время без новых запретительных конструкций уже достаточны для преследования неугодных адвокатов, что наглядно демонстрируется ФПА РФ и рядом адвокатских палат.

Напомню содержание ч. 2 ст. 5 и ч. 5 ст. 9 КПЭА: «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре», «в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

Понятно, что в силу своего содержания ч. 2 ст. и ч. 5 ст. 9 КПЭА могут быть при первой же необходимости использованы для привлечения к ответственности за критику действий руководства органов корпоративного управления. Но практика показывает, что арсенал норм КПЭА в части преследования адвокатов за критику и без того широк, и абсолютно любые его нормы могут в этом «благом» для представителей адвокатской номенклатуры деле найти свое применение.

Так, изобличитель преступных действий и критик деятельности экс-президента Адвокатской палаты Республики Башкортостан Б.Г. Юмадилова адвокат В.О. Аббасов был необоснованно привлечен к дисциплинарной ответственности и наказан Советом АП РБ прекращением статуса адвоката за то, что он якобы помешал проведению конференции АП РБ, совершив «физическое завладение трибуной и микрофоном» и «выкрикивая и агитируя за срыв ее работы».

В деле В.О. Аббасова квалификационная комиссия АП РБ усмотрела нарушение п. 4 ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре (адвокат обязан соблюдать КПЭА и исполнять решения палаты); п. 1 ст. 4 (должен сохранять честь и достоинство, присущие профессии), п. 1 и пп. 1 п. 2 ст. 15 (строить отношения с коллегами на взаимном уважении; не употреблять выражений, умаляющих честь, достоинство, деловую репутацию коллег и адвокатуры), п. 1 ст. 17 КПЭА (информация об адвокате не должна содержать оценочных характеристик) [17].

В иске о восстановлении статуса и признании незаконными решений АП Р В.О. Аббасов и я, как его представитель, указали на следующее:

1. Квалификационной комиссией АП РБ нарушены положения действующих в отношении Российской Федерации норм международного права (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Европейской конвенции о правах человека, п. 27–29 Основных положений о роли юристов), действующего законодательства (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 4 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 3 ст. 19), требующих обеспечения рассмотрения дисциплинарных производств в отношении адвокатов беспристрастным дисциплинарным комитетом.

В заседании квалификационной комиссии при рассмотрении материалов дисциплинарных производств в отношении В.О. Аббасова участвовали члены квалификационной комиссии АП РБ (Булат Гумерович Юмадилов, Гузэль Рафатовна Давлетшина, Раис Абдрафикович Мазитов, Рустэм Рашитович Асянов, Олег Михайлович Крылов, Линара Ахметовна Яруллина), в отношении которых имелись обоснованные и подтвержденные доказательствами заявления об отводе на основании наличия сомнений в беспристрастности членов квалификационной комиссии и подтвержденных заявлений о нелегитимности избрания членов квалификационной комиссии.

Однако данные заявления были произвольно, без исследования существа изложенных в них доводов и представленных доказательств, отклонены квалификационной комиссией со ссылкой на отсутствие права на заявление отвода при рассмотрении материалов дисциплинарного производства в положениях КПЭА.

При этом членами квалификационной комиссии, которым был заявлен отвод, предпринимались действия в виде препятствования в выражении В.О. Аббасовым и его представителями своего мнения по существенным вопросам,

осуществлялось препятствование в постановке вопросов участвующим в деле лицам, было отказано в удовлетворении обоснованных ходатайств об исследовании материалов дела, об исследовании доказательств, что подтверждает отсутствие беспристрастности у этих лиц при принятии решения.

2. В нарушение положений п. 10 ст. 23 КПЭА Квалификационной комиссией необоснованно, при наличии у нее соответствующей обязанности, а также немотивированно отказано в удовлетворении ходатайства об ознакомлении участников дисциплинарного производства со всеми материалами дисциплинарного производства, с регламентом квалификационной комиссии при отсутствии текста данного регламента в открытом доступе на веб-сайте АП РБ в сети Интернет.

3. Квалификационной комиссией при осуществлении дисциплинарного производства в отношении В.О. Аббасова не обеспечено объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представлений и обращений в отношении него. Это привело к тому, что выводы квалификационной комиссии, отраженные ею в Заключении, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, а также к тому, что при принятии решения не были применены нормы действующего законодательства, подлежащие применению.

4. Наряду с этим квалификационной комиссией нарушено требование положений ч. 14 ст. 23 КПЭА, согласно которым заключение комиссии должно быть мотивированным и обоснованным, в мотивировочной части заключения должны быть указаны фактические обстоятельства, установленные комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства.

5. В нарушение п. 2 и п. 14 ст. 23 КПЭА при рассмотрении дела какие-либо объективные доказательства, подтверждающие совершение инкриминируемых адвокату В.О. Аббасову действий (видеозапись конференции), не изучались, доводы стороны защиты о том, что совершенные В.О Аббасовым действия не содержат в себе никаких нарушений этических норм, не опровергнуты. При этом Заключение основано на доказательствах, не исследованных в ходе рассмотрения дела.

6. В заключении никак не мотивировано, почему действия, совершенные В.О. Аббасовым, расцениваются Квалификационной комиссией как нарушение положений п. 1 ст. 4, пп. 1, 2 ст. 15 и п. 1 ст. 17 КПЭА, при том, что объективно деятельность В.О. Аббасова по участию в конференции АП РБ, попытке организовать всестороннее обсуждение стоящих перед ней вопросов является законной, преследование в связи с ее осуществлением не допускается. Каких-либо действий В.О. Аббасова, которые объективно могли бы быть расценены как нарушения норм законодательства и КПЭА, на видеозаписях не содержится, что подтверждается описанием действий В.О. Аббасова, которые были приведены стороной защиты на заседании квалификационной комиссии.

7. В.О. Аббасову инкриминируются действия, противоречащие друг другу по своему описанию, что нарушило его право на защиту от предъявленного обвинения ввиду неконкретности обвинения. При этом нарушения регламента Конференции АП РБ, в которых признан виновным В.О. Аббасов, не могут быть признаны таковыми ввиду ничтожности самого регламента Конференции АП РБ вследствие отсутствия включения вопроса о его принятии в повестку дня конференции. Доводы стороны защиты о том, что на основании п. 1 ст. 181.5 ГК РФ Регламент Конференции АП РБ, утвержденный Шестнадцатой ежегодной конференцией АП РБ 12 октября 2018 г., является ничтожным и не подлежит применению, Квалификационной комиссией фактически не опровергнуты, поскольку соображения, положенные в основу попытки их опровержения, противоречат положениям действующего законодательства.

8. Поскольку регламент конференции, принятый Шестнадцатой ежегодной Конференцией Адвокатской палаты РБ 12 октября 2018 года, в открытом доступе на Сайте АП РБ не размещен, в изданиях АП РБ не публиковался, его текст был выдан В.О. Аббасову лишь в рамках ознакомления с материалами дисциплинарного производства, В.О. Аббасов в принятии регламента участия не принимал, а следовательно, не имел возможности с ним ознакомиться, никакие действия В.О. Аббасова не могут быть расценены как нарушения регламента по умыслу или грубой неосторожности, поскольку у В.О. Аббасова не имелось каких-либо оснований полагать, что существует запрет на совершение определенных действий, что исключает возможность признания действий, в совершении которых он обвинен, как действий, совершенных при наличии вины.

В итоге решения АП РБ были отменены судом, решение вступило в законную силу, адвокат В.О. Аббасов в статусе был восстановлен [18].

Еще один пример из этого же региона. Я также являлся представителем истца – руководителя общественного движения «Против коррупции в

Адвокатской палате Республики Башкортостан» адвоката А.В. Войцеха по его иску к АП РБ о признании незаконным и отмене заключения и восстановлении статуса адвоката.

По данному делу еще раньше, чем по делу В.О. Аббасова, Кировским районным судом г. Уфы принято решение о признании решения Совета Адвокатской палаты Республики Башкортостан о применении к А.В. Войцеху меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката незаконным [19, 20].

Основанием для прекращения статуса адвоката А.В. Войцеха явилось якобы наличие у него задолженности по отчислениям на общие нужды Адвокатской палаты Республики Башкортостан в размере 1 800 рублей.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд установил, что при вынесении решения не учтены обстоятельства, имеющие существенное значение при принятии решения о применении к истцу исключительной меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Суд указал, что истцом представлены доказательства своевременной оплаты обязательных отчислений путем внесения денежных средств в кассу коллегии адвокатов, в которой он состоял и которая перечислила денежные средства за него в АП РБ. Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства в их совокупности и взаимосвязи, суд пришёл к выводу об отсутствии оснований для привлечения адвоката А.В. Войцеха к дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката в связи с неуплатой обязательных отчислений Адвокатской палате Республики Башкортостан за июль, август 2019 года.

Отмечу, что сразу же после восстановления статуса адвоката А.В. Войцеха на основании новых необоснованных решений АП РБ его статус был вновь прекращен. В настоящее время идет судебный процесс по обжалованию очередных незаконных и необоснованных актов АП РБ [21]. Дисциплинарные производства на этот раз были возбуждены по необоснованным жалобам лица, являющегося обвиняемым по уголовному делу, в котором адвокат А.В. Войцех является потерпевшим. Палата в очередной раз продемонстрировала свое отношение к закону и КПЭА, а также к конструктивной критике.

Кстати, за моим участием в делах А.В. Войцеха и В.О. Аббасова, а также в деле по иску против ФПА РФ об оспаривании вышеупомянутых незаконных актов, также последовали попытки привлечения к дисциплинарной ответственности.

Эти попытки показали, что адвокатскими управленцами, желающими привлечь адвоката к ответственности, могут использоваться различные нормы КПЭА, а ситуации могут создаваться искусственно.

Так, в связи с моей деятельностью по представлению интересов Палаты адвокатов Удмуртской республики и Палаты адвокатов Республики Алтай по делу об оспаривании незаконных актов ФПА РФ, о которых упоминалось выше, в отношении меня вице-президентом ФПА РФ, вице-президентом АПМО, адвокатом М.Н. Толчеевым, представляющим противоположную сторону (ФПА РФ) в гражданском процессе, была инициирована подготовка жалобы от имени моего доверителя – Палаты адвокатов Республики Алтай.

М.Н. Толчеев в нарушение ч. 2 ст. 14 КПЭА встречался с моим доверителем в лице Совета ПАРА в мое отсутствие и без моего согласия, в нарушение ч. 2 ст. 14, п. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 15 КПЭА путем выступления с докладом предоставил Совету ПАРА недостоверную информацию о произошедших в ходе судебного заседания 23 января 2020 г. событиях, чем убедил ПАРА в том, что я якобы действовал вопреки интересам ПАРА, а также распространил на своей публичной странице в социальной сети «Facebook» недостоверную информацию о якобы нарушении мной норм КПЭА.

Противоречащие положениям КПЭА действия вице-президента ФПА РФ, вице-президента АПМО, адвоката М.Н. Толчеева, представляющего ФПА РФ в гражданском процессе, являются нарушающим ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вмешательством в адвокатскую деятельность адвоката А.В. Рагулина со стороны ФПА РФ, состоящим в инициировании необоснованного привлечения адвоката А.В. Рагулина к дисциплинарной ответственности за якобы допущенные им в отношении ПАРА нарушения, обусловленного как его деятельностью в качестве представителя противоположной ФПА РФ стороны в конкретном гражданском деле, так и высказываемой конструктивной научно-обоснованной критикой деятельности руководства ФПА РФ.

В отзыве на жалобу я указал, что жалоба и приложенные к ней документы подтверждают лишь сам факт моего отказа от поддержания поступившего в Хамовнический районный суд г. Москвы заявления об отказе от исковых требований, но не содержат доказательств неправомерности этих действий, о чем утверждается в тексте жалобы.

В жалобе утверждается, что адвокат А.В. Рагулин якобы не согласовал свои действия с доверителем и действовал вопреки его воле, однако каких-либо доказательств этого факта не представлено, в связи с чем в отзыве на жалобу я подчеркнул, что данные заявления опровергаются содержанием соглашения об оказании юридической помощи, в котором определена правовая позиция в виде необходимости поддержания предъявленного искового заявления, а также тем, что, по условиям соглашения об оказании юридической помощи, заключённого между ПАРА и адвокатом, адвокат А.В. Рагулин в своей деятельности по представлению интересов ПАРА подотчетен только Президенту ПАРА, и только Президент ПАРА вправе давать указания, выражающие волю доверителя в лице ПАРА. Также я отметил, что не представлено и доказательств того, что Решение Совета ПАРА от 26 декабря 2019 г. об отказе от исковых требований было доведено до моего сведения до судебного заседания, состоявшегося 23 января 2020 г.

Также я подчеркнул, что в тексте жалобы утверждается, что адвокат А.В. Рагулин не заявил ходатайство о предоставлении времени на согласование позиции с доверителем, реализовывал собственные политические и правовые воззрения, транслируя их от имени ПАРА, и обратил внимание, что эти утверждения полностью опровергаются аудиопротоколом судебного заседания, согласно которому адвокатом А.В. Рагулиным никакие политические и правовые воззрения не транслировались, а делались ссылки на нормы законодательства, по его ходатайству был объявлен перерыв для осуществления связи с доверителем для согласования позиции. Также я указал, что в жалобе утверждается, что адвокат А.В. Рагулин, заняв позицию вопреки воле доверителя, руководствовался безнравственными интересами, однако никаких доказательств этого утверждения заявителем жалобы не представлено.

Также я указал, что в условиях:

– отсутствия предварительного уведомления со стороны ПАРА о принятом Советом ПАРА решении об отказе от исковых требований;

– подписания заявления об отказе от исковых требований не уполномоченным на то лицом;

– отсутствия связи с Президентом ПАРА – единственным лицом, которое по условиям соглашения вправе давать указания от имени ПАРА;

– учитывая необратимость правовых последствий отказа от исковых требований;

– учитывая существование возможности повторного, совершенного и оформленного в установленном законом порядке отказа ПАРА от исковых требований,

мною было принято полностью соответствующее требованиям законодательства, КПЭА, а также условиям соглашения об оказании юридической помощи и обстоятельствам дела решение об отказе поддерживать изложенное в представленных в суд неизвестными лицами документах заявление об отказе ПАРА от исковых требований до того момента, когда им будут уточнены у ПАРА имеющие значение для разрешения этого вопроса обстоятельства.

29 июля 2020 г. Квалификационная комиссия АПГМ вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении меня, вследствие отзыва жалобы.

В своем заявлении в Совет палаты о несогласии с заключением квалификационной комиссии я указал, что у Комиссии отсутствовал повод для прекращения производства в связи с отзывом жалобы ввиду отсутствия поданного в письменной форме заявления об отзыве жалобы.

Я подчеркнул, что комиссией допущено неправильное применение норм материального права (ошибка в толковании закона и КПЭА), вследствие чего ею, без учета положений Преамбулы и ч. 3 ст. 19 КПЭА, фактических обстоятельств дела и позиции участников дисциплинарного производства, сделан неправильный вывод об отсутствии необходимости рассмотрения дисциплинарного дела по существу, необоснованно оставлен без внимания предложенный адвокатом А.В. Рагулиным способ разрешения дисциплинарного дела, а также обратил внимание на то, что при рассмотрении дела допущены нарушения процедуры рассмотрения дела, которые повлияли на принятое по делу решение.

Мною также было отмечено, что в заключении указывалось: «Участвуя в заседании Квалификационной комиссии 29 июля 2020 года в качестве представителя ННО «Палата Адвокатов Республики Алтай», Ганжа А.П. сообщил, что поданную в отношении адвоката Рагулина А.В. жалобу он «не поддерживает», …изложенное волеизъявление Ганжи А.П., сделанное от имени ННО «Палата Адвокатов Республики Алтай», в том числе в письменной форме, Квалификационная комиссия расценивает как отзыв заявителем поданной жалобы, так как заявитель в лице своего уполномоченного органа высказался об отсутствии в действиях адвоката дисциплинарного проступка, отсутствии у него волеизъявления на привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности за

совершение такового проступка, о том, что ранее поданную жалобу он «не поддерживает».

Между тем из положений ч. 7 ст. 19 КПЭА со всей очевидностью следует, что поводом для прекращения дисциплинарного производства вследствие отзыва жалобы является составленный в письменной форме документ, содержащий в своем тексте указание на отзыв жалобы, и даже такой акт не обязательно влечет прекращение производства в связи с отзывом жалобы, а из материалов дела следует, что такой документ в распоряжении Квалификационной комиссии отсутствовал.

В деле имеется письмо Президента ПАРА А.П. Ганжи, в котором содержится указание на то, что он считает жалобу необоснованной, и на то, что он просит использовать это письмо в качестве доказательства в рамках дисциплинарного производства. Заявления об отзыве жалобы в письме не содержится. При рассмотрении дисциплинарного производства в отношении адвоката А.В. Рагулина Президент ПАРА А.П. Ганжа не указывал на то, что он, как представитель ПАРА, отзывает жалобу, а указывал на то, что он «не поддерживает ее доводы», что, очевидно, не является тождественным.

Таким образом, у Комиссии отсутствовало указанное в ч. 7 ст. 19 КПЭА письменное заявление об отзыве жалобы, то есть отсутствовал единственный повод для принятия решения о прекращении дисциплинарного производства ввиду отзыва жалобы.

Также я отметил, что рассмотрение дисциплинарного дела Квалификационной комиссией адвокатской палаты г. Москвы осуществлялось в форме online-заседания, проведенного посредством связи через систему ZOOM.

В ходе рассмотрения дисциплинарного дела неизвестное лицо, перебивая уже начавшийся доклад члена Комиссии по обстоятельствам дела, осуществило звонок по телефону председательствующему А.В. Сучкову и дачу ему неких указаний, что зафиксировано на видеозаписи заседания Комиссии (которую, несмотря на мои неоднократные ходатайства, мне до настоящего времени не предоставили). Данное обстоятельство зафиксировано мною при помощи аудиозаписи, фрагмент которой представлен в социальной сети «Фейсбук» [22].

После этого звонка по распоряжению председательствующего А.В. Сучкова в заседании был объявлен незапланированный перерыв, после которого на повторный вопрос А.В. Сучкова президент ПАРА А.П. Ганжа повторно указал, что доводы жалобы не поддерживает, на что А.В. Сучковым было объявлено, что по результатам этой позиции квалификационная комиссия остается на совещании.

Затем председательствующим А.В. Сучковым было объявлено, что члены квалификационной комиссии проголосовали за необходимость прекращения дисциплинарного производства вследствие отзыва жалобы.

Возражения адвоката А.В. Рагулина против таких действий были проигнорировано, чем было необоснованно ограничено его право, предусмотренное п. 3 ч. 5 ст. 23 КПЭА, а именно – право давать по существу разбирательства устные и письменные объяснения.

Игнорирование возражений и заявлений стороны, переговоры с неизвестными лицами во время заседания и очевидное выполнение указаний этих лиц, повлиявших на результат рассмотрения дела, ставят под сомнение независимость и беспристрастность Комиссии, свидетельствуют о нарушении в рамках рассмотрения дисциплинарного дела положений ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, согласно которой каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

К сожалению, все эти доводы Советом АПГМ, рассмотревшим это дисциплинарное дело, были оставлены без внимания, причем, как показывает Решение Совета палаты, предоставленное мне по пятой просьбе спустя почти три месяца после его принятия, это сделано немотивированно, ибо доводы моего заявления никак не опровергнуты. А видеозапись открытого заседания мне до сих пор, несмотря на неоднократные просьбы, не представлена.

Между тем в отношении «политически неблагонадежного», по мнению управленцев из ФПА РФ, президента Адвокатской палаты Республики Алтай А.П. Ганжи силами сотрудников ФПА РФ, вошедших в сговор с членами Совета ПАРА, осуществлена беспрецедентная акция по отрешению его от должности [23], а в настоящее время в квалификационной комиссии ПАРА осуществляется процесс по необоснованному привлечению его к дисциплинарной ответственности. Причем один из предъявленных А.П. Ганже эпизодов дисциплинарного обвинения – то, что он якобы отказался от моего дисциплинарного преследования, чем не выполнил решение Совета ПАРА, хотя он в действительности лишь заявил о необоснован-

ности жалобы по существу обстоятельств дела, преподнесённых ее автором – вице-президентом ПАРА Е.Е. Ждановым, избранным при поддержке ФПА РФ после отрешения А.П. Ганжи от должности новым президентом ПАРА.

Второе дисциплинарное дело в отношении меня представители органов корпоративного управления адвокатурой попытались возбудить за критическое высказывание, основанное на фактах, состоящее, в частности, в утверждении о том, что представители АП РБ в деле адвокатов В.О. Аббасова и А.В. Войцеха показали себя паразитами, осуществляющими террор в отношении адвокатов.

В первом варианте объяснения, которое я готовил в квалификационную комиссию, я написал, что из содержания моего выступления в рамках произнесения реплики следует, что употребление мной терминов, о которых ведется речь в Обращении АП РБ как о якобы нарушающих нормы КПЭА, осуществлено в полном соответствии с их лексическим значением.

Указал на то, что употребление мной соответствующих словосочетаний свидетельствует не об оскорблении мной сотрудников органов АП РБ, в том числе являющихся представителями АП РБ в судебном заседании, а именно о фактически осуществленной мной объективной внешней оценке конкретных произведенных сотрудниками органов АП РБ противоправных действий, совершенных ими при необоснованном инициировании и нарушающем требования закона рассмотрении дисциплинарных производств в отношении адвоката В.О. Аббасова, а также упомянутого мной в выступлении адвоката В.А. Войцеха.

Я указал, что ограниченное использование различных цензурных, в том числе даже и разговорно-публицистических выражений и риторических фигур, в устной речи адвоката является правомерным при заявлениях, необходимость в которых возникла в судебном заседании непосредственно перед их заявлением.

Я заявил, что, согласно пункту 1 статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека, каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Также я отметил, что Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал, что свобода выражения мнения, как она определяется в пункте 1 статьи 10 Конвенции, представляет собой одну из несущих основ демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода слова охватывает не только «информацию» или «идеи», которые встречаются благосклонно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества» [24].

Кроме того, я подчеркнул, что Европейский Суд по правам человека также неоднократно отмечал, что, исходя из требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, защищающей не только содержание выраженных идей и информации, но также форму, в которую они облечены, при оценке корректности заявлений, сделанных адвокатом в судебном заседании в процессе исполнения профессиональных обязанностей, следует исходить из принципа пропорциональности и недопущения «замораживающего эффекта» по отношению к исполнению адвокатом своих обязанностей по делу и защите интересов доверителей в будущем [25–27].

Конечно же, я упомянул о том, что в соответствии с ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, а в соответствии с ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются.

В ответ на предъявляемое дисциплинарное обвинение я указал, что положения пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции), п. 1 ст. 4 (Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии), п. 2 ст. 5 (Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), пп. 1 п. 2 ст. 15 КПЭА (Адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры) предполагают, что использование адвокатом общеупотребительных литературных слов,

не относящихся к нецензурным словам, к так называемой «обсценной лексике» и не выраженных в неприличной, неуважительной (уничижительной) форме, при высказывании своего мнения, в том числе при оценке правовой ситуации, является допустимым и не противоречит требованиям профессиональной этики.

Я отметил, что адвокат, как независимый профессиональный советник по правовым вопросам, вправе давать различные оценки правовой ситуации в одобрительном или неодобрительном контексте. Также я обратил внимание на то, что использование приведенных мной терминов в выступлении с репликой по делу В.О. Аббасова является абсолютно оправданным, поскольку его содержание является следствием сформулированной письменно позиции по делу и соответствует выявленным в ходе судебного заседания по делу В.О. Аббасова и А.В. Войцеха обстоятельствам дела, а также подтверждается выводами, содержащимися в судебных решениях, принятых по этим делам о незаконном лишении АП РБ статуса этих адвокатов, а также конкретными исследованными судом доказательствами, рядом общеизвестных фактов, основанных, в частности, на данных о наличии расследуемых в настоящее время в СК РФ по РБ уголовных дел в отношении бывшего Президента АП РБ Б.Г. Юмадилова и иных неустановленных лиц из числа сотрудников АП РБ, а также обстоятельств гражданского дела адвоката А.В. Войцеха, интересы которого я также представлял при обжаловании Решения Совета АП РБ о прекращении статуса адвоката.

Из вышеизложенного следует, что термины «беспредел», «террор» и «демонстрация паразитирования на адвокатах», к сожалению, как нельзя лучше соответствуют тому, что действительно происходит в деятельности Адвокатской палаты Республики Башкортостан, членом которой я являлся с 2005 по 2014 г.

Я также указал в объяснении, что «критическая направленность высказываний имела своей целью произвести обстоятельный разбор сложившейся ситуации, высказать основанное на обстоятельствах дела, подтвержденных доказательствами, отношение истца к неправомерности действий сотрудников органов АП РБ, являвшихся, в том числе, представителями АП РБ в суде, в отношении моего доверителя адвоката В.О. Аббасова, обстоятельно донести до суда правовую позицию представляемого мной лица, в том числе, в части вопросов, поставленных в рамках выступлений представителей ответчика в судебных прениях».

Подчеркнул, что «субъективное восприятие адвокатами, представителями АП РБ, каждый из которых лично участвовал в совершении признанных судом незаконными действиях АП РБ в отношении адвоката В.О. Аббасова, отдельно взятых фрагментов из моего выступления с репликой не может служить основанием для возбуждения дисциплинарного производства за нарушение адвокатской этики еще и потому, что эти лица, как и Президент адвокатской палаты Юмадилов Б.Г., являются публичными лицами, в связи с чем к критике их деятельности применяются более широкие пределы критики, чем в отношении частных лиц».

В итоге я указал в первом варианте объяснения, что мои высказывания, вопреки абсурдному умозаключению, сформулированному в Обращении Совета АП РБ, являются не оценочными суждениями, а облеченными в цензурную форму сообщаемыми суду в рамках реплики при реализации позиции по делу конкретными сведениями о фактах и действиях, осуществляемых членами Квалификационной комиссии АП РБ и Совета АП РБ, в том числе – и непосредственно самими представителями АП РБ в судебном процессе, а также конкретными обобщенными выводами, основанными на анализе фактических обстоятельств дела и общеизвестных фактов.

Также я отметил, что адвокат, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)» (п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), поэтому вопрос об обоснованности заявления адвоката и его относимости к делу, основанный на правовой позиции истца по делу, не может быть предметом проверки со стороны квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации.

В просительной части объемного объяснения я указал, что полагаю свои действия правомерными и что отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства, а поданное от имени Совета АП РБ Обращение с просьбой о моем наказании удовлетворению не подлежит.

Затем я подумал: «И что, каждый адвокат теперь будет вынужден вот так вот оправдываться перед органами корпоративного управления за

критические высказывания?». Поэтому я все же решил провести эксперимент и написать другое объяснение, в котором указал, что прошу не отказать в просьбе возбудить дисциплинарное производство касательно моей профессиональной и публицистической адвокатской деятельности, отметив, что уверен, что дисциплинарное производство будет проведено по высоким научно-методическим стандартам и окажется полезным всем советам адвокатских палат, включая и ФПА РФ.

7 июля 2020 г. объяснение ушло в АПГМ, и больше никакой информации по данному вопросу я не получал. Видимо, обращение сочли недопустимым поводом и отказали в возбуждении дисциплинарного производства.

Таким образом, лично для меня пока все дисциплинарные производства заканчивались, так или иначе, положительно.

Но, к сожалению, статус многих активно критикующих органы корпоративного управления адвокатурой адвокатов, например С.Г. Наумова [28], В.А. Буркина [29, 30], А.А. Казакова [31], отстоять в суде не удалось. Критик адвокатской палаты Республики Мордовия адвокат Д.И. Волков, уже однажды восстановивший статус адвоката в суде [32], повторно необоснованно лишенный статуса, опять борется в суде за его восстановление, как и адвокат А.В. Войцех.

Все вышеизложенное необходимо подытожить следующим.

КПЭА в руках недобросовестных представителей адвокатских палат – это действенное средство для борьбы с критикой в адвокатуре.

В Постановлении Исполкома Гильдии российских адвокатов от 27 января 2020 г. «О дисциплинарном преследовании вице-президента ГРА В.О. Аббасова» было предложено обратить внимание не только ФПА РФ и должностных лиц АП РБ, но и всех представителей адвокатского сообщества, органов адвокатского самоуправления, общественных объединений адвокатов и органов государственной власти, на недопустимость необоснованного и производимого с нарушением установленного порядка привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, недопустимость использования механизма дисциплинарного преследования для борьбы с адвокатами, высказывающими критические замечания относительно деятельности органов адвокатского самоуправления и их должностных лиц, как это имеет место в отношении В.О. Аббасова [33].

К сожалению, органы корпоративного управления не всегда внимают такого рода заявлениям общественных объединений адвокатов, а у самих же общественных объединений адвокатов в силу положений ст. 39 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» пока нет широких прав по непосредственному влиянию на деятельность органов корпоративного управления.

В силу этого, представляется необходимым введение некоего общего запрета на преследование адвокатов за критику органов корпоративного управления, прямо закрепленного в законе либо в тексте КПЭА, который мог бы быть сформулирован примерно в следующем виде: «Недопустимо использование дисциплинарного производства в отношении адвоката в целях осуществления его преследования за высказанную и поддерживаемую им позицию по делу, а также за высказывание критических замечаний, в том числе относительно деятельности органов адвокатского самоуправления, их руководителей и сотрудников».

Пристатейный библиографический список

1. Рагулин А.В., Мирзоев Г.Б. Правовой статус адвокатуры в Российской Федерации: основные выводы исследования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 1 (56). С. 5–11.

2. Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монография / предисл.: Г.Б. Мирзоев, послесл.: А.В. Воробьев. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019.

3. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=449&catid=49&Itemid=100002&fbclid=IwAR1Fjc26hef4ddlxj5Ni8TM8x1p9UhDTTH_Eg6W_lLvgCKP4PyzlGuidiag.

4. https://legal.report/igor-trunov-ne-budet-izvinyatsya-pered-advokatskoj-palatoj. 5. https://legal.report/advokata-igorya-trunova-izgonyayut-iz-professii.

5. https://legal.report/igor-trunov-lishen-advokatskogo-statusa-no-ne-nameren-sdavatsya.

6. https://legal.report/lefortovskij-sud-vernul-advokatskij-status-igoryu-trunovu.

7. http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20170112/277552728.html.

8. Рагулин А.В. К вопросу о незаконности положений разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации № 03/19 и разъяснения IX Всероссийского Съезда адвокатов «Об адвокатской этике» // Основные направления совершенствования адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации: перспективы развития адвокатского сообщества: специальный тематический сборник материалов межвузовской научно-практической конференции 12 октября 2019 г. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2019. С. 96–104.

9. Рагулин А.В. Решение суда по «секретному иску» адвоката А.Р. Рамалданова к Федеральной палате адвокатов Российской Федерации: «незаконность» и «позитивное содержание» // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46).

10. Рагулин А.В., Ганжа А.П. Я – за открытый доступ в адвокатуру! Интервью с Президентом Палаты адвокатов Республики Алтай Александром Петровичем Ганжой // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46).

11. Дисциплинарное производство в отношении адвокатов в странах СНГ: анализ международного права и стандартов: Legal opinion. 18 июня 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/06/CIS-icj-opinion-lawyers-discipline-law-advocacy-analysis-brief-2013-rus.pdf.

12. https://fparf.ru/news/fpa/novyy-format-privychnogo-dialoga/?fbclid=IwAR2JmTkLUEiMG8k-J3e7ry12y4C5H-bwE1nstW-zHZ3mrQhCi89xbMXJcCo.

13. https://дословно.рф/значение/критика.

14. https://advgazeta.livejournal.com/25183.html.

15. http://dostupkpravosudiyu.blogspot.com/2019/08/blog-post_20.html.

16. https://advstreet.ru/article/advokat-valekh-abbasov-otsudil-status/.

17. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=114970706&delo_id=1540005&new=0&text_number=1&fbclid=IwAR12Rl67-miWV_WXTgKfP30N8NqYZdsbn69NFJzWwGRJnyWBtoj3Kv3_gTQ.

18. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95992232&case_uid=a149a6fc-dae1-41e2-942f-26c2cba74362&delo_id=1540005.

19. https://vs—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16925362&case_uid=c4d67f3b-ea20-4709-b753-4181ae4fab70&delo_id=5&new=5.

20. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2#id=1_9c78dc4c4c1e67b9570d1506a29b3d5a&shard=r03&from=p&r=%7B%22groups%22:%5B%22r31%22%5D,%22sortField%22:%22case_common_doc_entry_date%22,%22sorts%22:%5B%7B%22field%22:%22case_common_doc_entry_date%22,%22order%22:%22desc%22%7D%5D,%22type%22:%22MULTIQUERY%22,%22multiqueryRequest%22:%7B%22queryRequests%22:%5B%7B%22type%22:%22Q%22,%22request%22:%22%7B%5C%22mode%5C%22:%5C%22EXTENDED%5C%22,%5C%22typeRequests%5C%22:%5B%7B%5C%22fieldRequests%5C%22:%5B%7B%5C%22name%5C%22:%5C%22case_common_parts_name_cat%5C%22,%5C%22operator%5C%22:%5C%22SW%5C%22,%5C%22query%5C%22:%5C%22войцех%20а.в.%5C%22%7D%5D,%5C%22mode%5C%22:%5C%22AND%5C%22,%5C%22name%5C%22:%5C%22common%5C%22,%5C%22typesMode%5C%22:%5C%22AND%5C%22%7D%5D%7D%22,%22operator%22:%22AND%22,%22queryRequestRole%22:%22CATEGORIES%22%7D,%7B%22type%22:%22SQ%22,%22queryId%22:%228cc5147a-c231-4fc3-a05a-21898c13e572%22,%22operator%22:%22AND%22%7D%5D%7D,%22simpleSearchFieldsBundle%22:null,%22noOrpho%22:false%7D.

21. https://www.facebook.com/romanmelnichenko/videos/3391984924197330/.

22. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2548-sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoj-rossijskoj-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoj-palaty-advokatov-rossijskoj-federatsii.

23. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=680&dst=100029#07061875121251946.

24. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 февраля 2011 года по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 9.

25. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 года по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 г. по делу «П.С. (P.S.) против Нидерландов» (жалоба № 39657/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 2.

27. https://pravo.ru/news/view/143117.

28. Мельниченко Р.Г. Три вопроса по делу Виталия Буркина // Евразийская адвокатура. 2018. №1 (32).

29. https://pravo.ru/story/203114/.

30. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1278:rezolyutsiya-o-nedopustimosti-presledovaniya-advokatov-za-realizatsiyu-imi-svoikh-konstitutsionnykh-prav-i-o-vosstanovlenii-statusa-advokata-a-n-kazakova&catid=8&Itemid=18.

31. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-hroniki—vypusk-3319-useknovenie-statusa-advokata-volkovu-dmitriiu-ivanovichu-5d598f1e5d636200ad693988.

32. http://www.gra.ru/index.php/2-uncategorised/660-gra2020-021.

References (transliterated)

1. Ragulin A.V., Mirzoev G.B. Pravovoj status advokatury` v Rossijskoj Federacii: osnovny`e vy`vody` issledovaniya // Ucheny`e trudy` Rossijskoj akademii advokatury` i notariata. 2020. № 1 (56). S. 5–11.

2. Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografiya / predisl.: G.B. Mirzoev, poslesl.: A.V. Vorob`ev. M.: Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata: Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019.

3. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=449&catid=49&Itemid=100002&fbclid=IwAR1Fjc26hef4ddlxj5Ni8TM8x1p9UhDTTH_Eg6W_lLvgCKP4PyzlGuidiag.

4. https://legal.report/igor-trunov-ne-budet-izvinyatsya-pered-advokatskoj-palatoj. 5. https://legal.report/advokata-igorya-trunova-izgonyayut-iz-professii.

5. https://legal.report/igor-trunov-lishen-advokatskogo-statusa-no-ne-nameren-sdavatsya.

6. https://legal.report/lefortovskij-sud-vernul-advokatskij-status-igoryu-trunovu.

7. http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20170112/277552728.html.

8. Ragulin A.V. K voprosu o nezakonnosti polozhenij raz``yasneniya Komissii po e`tike i standartam Federal`noj

palaty` advokatov Rossijskoj Federacii № 03/19 i raz``yasneniya IX Vserossijskogo S``ezda advokatov «Ob advokatskoj e`tike» // Osnovny`e napravleniya sovershenstvovaniya advokatskoj deyatel`nosti i advokatury` v Rossijskoj Federacii: perspektivy` razvitiya advokatskogo soobshhestva: special`ny`j tematicheskij sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii 12 oktyabrya 2019 g. M.: Izdatel`stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2019. S. 96–104.

9. Ragulin A.V. Reshenie suda po «sekretnomu isku» advokata A.R. Ramaldanova k Federal`noj palate advokatov Rossijskoj Federacii: «nezakonnost`» i «pozitivnoe soderzhanie» // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 3 (46).

10. Ragulin A.V., Ganzha A.P. Ya – za otkry`ty`j dostup v advokaturu! Interv`yu s Prezidentom Palaty` advokatov Respubliki Altaj Aleksandrom Petrovichem Ganzhoj // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 3 (46).

11. Disciplinarnoe proizvodstvo v otnoshenii advokatov v stranax SNG: analiz mezhdunarodnogo prava i standartov: Legal opinion. 18 iyunya 2013 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/06/CIS-icj-opinion-lawyers-discipline-law-advocacy-analysis-brief-2013-rus.pdf.

12. https://fparf.ru/news/fpa/novyy-format-privychnogo-dialoga/?fbclid=IwAR2JmTkLUEiMG8k-J3e7ry12y4C5H-bwE1nstW-zHZ3mrQhCi89xbMXJcCo.

13. https://doslovno.rf/znachenie/kritika.

14. https://advgazeta.livejournal.com/25183.html.

15. http://dostupkpravosudiyu.blogspot.com/2019/08/blog-post_20.html.

16. https://advstreet.ru/article/advokat-valekh-abbasov-otsudil-status/.

17. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=114970706&delo_id=1540005&new=0&text_number=1&fbclid=IwAR12Rl67-miWV_WXTgKfP30N8NqYZdsbn69NFJzWwGRJnyWBtoj3Kv3_gTQ.

18. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95992232&case_uid=a149a6fc-dae1-41e2-942f-26c2cba74362&delo_id=1540005.

19. https://vs—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16925362&case_uid=c4d67f3b-ea20-4709-b753-4181ae4fab70&delo_id=5&new=5.

20. https://kirovsky—bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2#id=1_9c78dc4c4c1e67b9570d1506a29b3d5a&shard=r03&from=p&r=%7B%22groups%22:%5B%22r31%22%5D,%22sortField%22:%22case_common_doc_entry_date%22,%22sorts%22:%5B%7B%22field%22:%22case_common_doc_entry_date%22,%22order%22:%22desc%22%7D%5D,%22type%22:%22MULTIQUERY%22,%22multiqueryRequest%22:%7B%22queryRequests%22:%5B%7B%22type%22:%22Q%22,%22request%22:%22%7B%5C%22mode%5C%22:%5C%22EXTENDED%5C%22,%5C%22typeRequests%5C%22:%5B%7B%5C%22fieldRequests%5C%22:%5B%7B%5C%22name%5C%22:%5C%22case_common_parts_name_cat%5C%22,%5C%22operator%5C%22:%5C%22SW%5C%22,%5C%22query%5C%22:%5C%22vojcex%20a.v.%5C%22%7D%5D,%5C%22mode%5C%22:%5C%22AND%5C%22,%5C%22name%5C%22:%5C%22common%5C%22,%5C%22typesMode%5C%22:%5C%22AND%5C%22%7D%5D%7D%22,%22operator%22:%22AND%22,%22queryRequestRole%22:%22CATEGORIES%22%7D,%7B%22type%22:%22SQ%22,%22queryId%22:%228cc5147a-c231-4fc3-a05a-21898c13e572%22,%22operator%22:%22AND%22%7D%5D%7D,%22simpleSearchFieldsBundle%22:null,%22noOrpho%22:false%7D.

21. https://www.facebook.com/romanmelnichenko/videos/3391984924197330/.

22. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2548-sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoj-rossijskoj-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoj-palaty-advokatov-rossijskoj-federatsii.

23. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=680&dst=100029#07061875121251946.

24. Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 3 fevralya 2011 goda po delu «Igor` Kabanov (Igor Kabanov) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 8921/05) // Byulleten` Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2011. № 9.

25. Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 15 dekabrya 2005 goda po delu «Kiprianu (Kyprianou) protiv Kipra» (zhaloba № 73797/01) // Byulleten` Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2006. № 7.

26. Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 28 oktyabrya 2003 g. po delu «P.S. (P.S.) protiv Niderlandov» (zhaloba № 39657/98) // Byulleten` Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2004. № 2.

27. https://pravo.ru/news/view/143117.

28. Mel`nichenko R.G. Tri voprosa po delu Vitaliya Burkina // Evrazijskaya advokatura. 2018. №1 (32).

29. https://pravo.ru/story/203114/.

30. https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1278:rezolyutsiya-o-nedopustimosti-presledovaniya-advokatov-za-realizatsiyu-imi-svoikh-konstitutsionnykh-prav-i-o-vosstanovlenii-statusa-advokata-a-n-kazakova&catid=8&Itemid=18.

31. https://zen.yandex.ru/media/id/5a4201f2c5feaf1ea16b8ac9/advokatskie-hroniki—vypusk-3319-useknovenie-statusa-advokata-volkovu-dmitriiu-ivanovichu-5d598f1e5d636200ad693988.

32. http://www.gra.ru/index.php/2-uncategorised/660-gra2020-021.

Наумов С.Г.

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА АДВОКАТУРЫ РОССИИ

Цель: Раскрыть содержание категории «финансовая система адвокатуры».

Методология: При исследовании вопросов применялись теоретико-правовой и сравнительно-аналитический методы.

Результаты: В статье приведены сведения о структуре и элементах финансовой системы адвокатуры, сделана попытка оценить объём финансовых ресурсов адвокатуры. В результате сформулировано предложение об имплементировании в законодательство об адвокатуре норм и принципов бюджетного права.

Новизна/оригинальность/ценность: Научная новизна работы состоит в предложении пересмотреть понимание принципа независимости адвокатуры в финансовом аспекте как принципа самостоятельности адвокатского фонда, необходимого для развития адвокатской инфраструктуры.

Ключевые слова: адвокатура, финансовая система, адвокатский фонд, независимость, самостоятельность, самофинансирование, программное бюджетирование, адвокатская инфраструктура, финансовая политика.

Naumov S.G.

THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN ADVOCACY

Purpose: The purpose of the study is to reveal the category «financial system of the advocacy».

Methodology: Theoretical and legal and comparative-analytical methods were used to study the issues.

Results: The article provides information about the structure and elements of the financial system of the advocacy. Was made an attempt to estimate the amount of financial resources of the advocacy. As a result the suggestion to implement the norms and principles of budget law to the advocacy`s legislation was formulated.

Novelty/originality/value: The revision and understanding of the financial aspects of the advocacy`s independence as the selfsufficiency of the legal profession required for its development.

Keywords: advocacy, financial system, advocacy fund, selfsufficiency, self-financing, program budgeting, advocacy`s infrastructure, financial policy.

Принятие Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) не поставило точку в дискуссии о роли адвокатуры в обществе и её взаимоотношениях с государством. Статья 3 Закона об адвокатуре декларирует важнейшие принципы построения адвокатуры: законность, независимость, самоуправление, корпоративность, а также принцип равноправия адвокатов.

В отношении реализации перечисленных принципов в среде самих адвокатов нет единого мнения, подтверждением чему является иск адвокатской палаты Республики Удмуртия и ряда адвокатов к Федеральной палате адвокатов [1]. В то же время никто из адвокатов не спорит о необходимости укрепления финансовой базы адвокатской деятельности, поскольку невозможно отстаивать независимость адвокатуры без накопления и рационального использования финансовых ресурсов.

Авторы первого комментария к Закону об адвокатуре, кажется, не без гордости, подчёркивают: «Невхождение адвокатуры в систему органов государственной власти и местного самоуправления подтверждается тем, что в организационном отношении адвокатура не подчиняется никаким органам власти, финансирование ее деятельности осуществляется не из федерального или местного бюджетов, а за счет средств, зарабатываемых самими адвокатами, адвокаты по своему статусу являются не чиновниками, государственными служащими, а самозанятыми гражданами» [2].

Таким образом, авторы Закона об адвокатуре признают непосредственно за адвокатами роль экономического базиса всей финансовой системы адвокатуры. Однако, несмотря на такую исключительную роль адвокатов в поддержании экономической независимости адвокатуры от государства, авторы учебников об адвокатуре практически не уделяют внимания этому вопросу. Экономика адвокатуры и адвокатской деятельности также остаётся за пределами внимания исследователей так называемого «третьего сектора экономики» (сфера экономики, в которой основными поставщиками услуг являются некоммерческие организации) [3].

Академичное определение финансовой системы означает совокупность и форму организации отношений экономических агентов по аккумулированию и перераспределению финансовых ресурсов [4]. В свою очередь, под финансовыми

ресурсами понимается совокупность денежных и неденежных (материальных) средств, которые можно использовать в качестве источников инвестиций, средств платежа и накопления [5].

Опираясь на вышеуказанные определения и Закон об адвокатуре, в финансовой системе адвокатуры следует выделить четыре круга экономических агентов: адвокаты (также адвокатские кабинеты); коллективные адвокатские образования (коллегии, бюро, консультации); адвокатские палаты субъектов Российской Федерации; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации.

Ввиду отсутствия до настоящего времени открытых экономических исследований финансовой системы адвокатуры сложно оценить потенциальный объём финансовых ресурсов, хотя это и важно в свете дискутируемой реформы юридического рынка и введения так называемой «адвокатской монополии» [6].

Для количественной оценки объёма финансовых ресурсов адвокатуры можно воспользоваться методом экстраполяции на тех данных, которые приведены в отчёте аудитора Счётной палаты России Т.В. Блиновой [7].

Так, данные Судебного департамента и ФПА РФ, характеризующие судопроизводство по уголовным делам с участием адвокатов по назначению, представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Количество уголовных дел, ед.	Количество материалов в уголовном судопроизводстве, ед.	Число подсудимых, чел.	Общая численность адвокатов по назначению, чел.	Количество постановлений на оплату процессуальных издержек, ед.	Сумма выплаченного вознаграждения адвокатам, тыс. руб.
2016 г.	1 311 791	2 974 694	1 404 994	39 620	1 192 615	2 738 730,0
2017 г.	1 261 703	2 718 688	1 347 676	39 094	1 164 004	2 660 543,9
2018 г.	1 224 320	2 795 176	1 304 100	33 330	1 222 308	2 674 048,5

Анализ данных таблицы показал, что в 2016–2018 годах:

1) численность адвокатов, исполнявших в отчетном периоде поручения об участии в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, составила: в 2016 году – 39 620 человек (53,0 % от общего числа адвокатов), в 2017 году – 39 094 человека (50,9 % от общего числа адвокатов), в 2018 году – 33 330 человек (40,6 % от общего числа адвокатов);

2) в 2018 году наибольшая доля адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению, от общего количества адвокатов в разрезе субъектов Российской Федерации установлена в Ненецком автономном округе (100 %), Республике Алтай (96,7 %), Пензенской области (95,2 %), Забайкальском крае (93,4 %), Ханты-Мансийском автономном округе (92,5 %). Наименьшая доля указанного соотношения установлена в Иркутской области (10,8 %), г. Москве (12,8 %), г. Санкт-Петербурге (13,4 %), Саратовской области (17,3 %), Московской области (20,3 %).

Указанные цифры позволяют практически точно оценить объём бюджетных финансовых ресурсов, получаемых адвокатами, задействованными в уголовном судопроизводстве. Поскольку адвокатская деятельность не сводится только лишь к работе в сфере уголовного судопроизводства по назначению следствия и суда, полагаем, методологически допустимо использовать повышающий коэффициент экстраполяции к суммам, перечисляемым из бюджета.

Применение именно повышающего коэффициента в двукратном размере обусловлено тем, что суммы гонораров по гражданским делам существенно выше ставок выплат вознаграждения по уголовным делам по назначению. Так, согласно совместному исследованию ФПА РФ с экспертной группой VETA, адвокаты, ведущие персональную практику, а также небольшие юридические компании, оказывающие услуги по судебному представительству в первой инстанции, «стоят» в среднем 71 329 рублей. Минимум – 15 тысяч рублей, максимум 250 тысяч рублей [8]. В то время как стандартным тарифом за день работы адвоката в будний день по назначению на следствии / в суде первой инстанции следует считать 900 рублей [9].

Таким образом, даже двукратный размер повышающего коэффициента к цифрам выплат, приведённых в отчёте аудитора Т.В. Блиновой, является очень умеренным, и, следовательно, цифру в 7 млрд рублей денежных средств в ценах 2018 года, аккумулируемых адвокатурой, можно считать минимальной границей искомого интервала. Адвокаты активно участвуют в работе аффилированных юридических фирм, принимают участие в крупных государственных и корпоративных тендерах, соответственно, размер финансовых ресурсов адвокатуры в максимальном значении может быть и 14 миллиардов рублей (четырёхкратный повышающий коэффициент к суммам бюджетных выплат по назначению следствия и суда).

В силу требования статьи 29 Закона об адвокатуре целями деятельности адвокатских палат субъектов РФ и Федеральной палаты адвокатов являются: обеспечение оказания квалифицированной и доступной юридической помощи на всей территории данного субъекта Российской Федерации, в установленных законом случаях – бесплатно. Статья 35 Закона об адвокатуре к цели деятельности Федеральной палаты адвокатов относит обеспечение высокого уровня оказываемой адвокатами юридической помощи.

Достижение этих целей возлагает на адвокатские палаты субъектов РФ и ФПА обязанность по финансированию общеадвокатских инфраструктурных проектов: открытие юридических консультаций, содействие адвокатам в приобретении помещений и автотранспорта, создание информационно-коммуникационных сетей (адвокатский интранет), создание и поддержку информационных ресурсов (распределённых баз данных и электронных адвокатских библиотек), создание адвокатских экспертных учреждений и других инфраструктурных проектов.

Также адвокатура привлечена к участию в программах бесплатной юридической помощи, хотя сами адвокаты стараются избегать участия в них.

Как отмечено в докладе о деятельности Министерства юстиции Российской Федерации в сфере обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью за 2014 год, «Из общего числа граждан (148 169 166 чел.), проживающих на территории России, 17,88 % (26 491 701 чел.) имеют право на получение бесплатной юридической помощи, из них 49,12 % (13 013 474 чел.) отнесены к категории малоимущих граждан. При этом государственные юридические бюро действуют только в 24 регионах России (28,4 %), а адвокаты задействованы в 75 (88,24 %). Показатели в 2014 г. по обращениям граждан в государственные юридические бюро почти в 2 раза выше, чем к адвокатам.

Из общего числа адвокатов (70 414), включенных в реестры адвокатов субъектов Российской Федерации, 13 370 являются участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, что составляет 18,99 % участия от общего количества адвокатов, имеющих действующий статус» [10].

Латинское выражение qui dat finem dat necessarium (кто даёт цель, тот даёт необходимое) характеризует бюджетное правило о закреплении публичных полномочий только при обеспечении необходимого финансирования, чего на практике явно недостаточно в случае как привлечения адвокатов к работе по назначению в уголовных делах, так и задействования в программах бесплатной юридической помощи для отдельных категорий лиц.

Несмотря на значительные, на первый взгляд, суммы денежных средств, выручаемых от адвокатской деятельности, считаем, что размеры отчислений на общеадвокатские нужды на данный момент не позволяют адвокатуре выполнять свою публичную функцию по обеспечению доступной и квалифицированной юридической помощи на всей территории Российской Федерации.

С учётом очевидно значительных капитальных вложений в развитие адвокатской инфраструктуры органам адвокатского самоуправления следует пересмотреть свою финансовую политику, в том числе и понимание принципа независимости адвокатуры от государства как принципа самофинансирования.

Истребовав у государства почётную обязанность исполнять конституционную миссию по защите прав и свобод граждан, адвокатура вправе требовать от государства также и обеспечения необходимыми средствами для выполнения этой миссии. Разумно настаивать на возможности получения в законодательном порядке адвокатскими палатами статуса распорядителя бюджетных средств (статья 6 Бюджетного кодекса РФ) в части реализации государственных программ расширения системы бесплатной юридической помощи.

В то же время закрепление за адвокатами полномочий по выполнению конституционной обязанности правозащиты также влечёт и установление особого финансового контроля за имуществом адвокатских палат и Федеральной палаты адвокатов.

Доступ к финансовой отчётности адвокатских палат и ФПА должны иметь не только сами ад-

вокаты, исходя из принципа организации адвокатуры на основе равноправия адвокатов, не только государство, например в лице бюджетного распорядителя, но и любой гражданин. Транспарентность не синоним зависимости, и подотчётность адвокатуры в расходовании бюджетных средств не означает утрату самостоятельности финансовой политики адвокатуры.

Академичное определение финансовой политики некоммерческой организации представляется как «совокупность целенаправленных мероприятий, направленных на формирование, распределение и использование финансовых ресурсов для реализации целей ее деятельности» [11].

Оценить, насколько существующая система органов адвокатуры обеспечивает целесообразную финансовую политику, представляется крайне затруднительным. Как показывают исследования проектного центра «Инфометр», лишь 5 адвокатских палат (АП г. Севастополя, Кемеровской области, Челябинской области, Пермского края и Палата адвокатов Нижегородской области) отчитываются о финансах в соответствии с вступившими в силу с 1 марта требованиями Закона об адвокатуре.

Кроме пяти палат, публикующих полную финотчетность, нашлись еще 12, на сайтах которых она представлена частично. Финансовая информация полностью отсутствует на сайтах 68 палат. Кроме финансовой отчетности, палаты неохотно публикуют решения советов, такие как о назначении президента и членов совета, дисциплинарную практику. Требование закона о публикации решений советов выполняется адвокатскими палатами в среднем на 27 %. Только три палаты (АП Вологодской области, Иркутской области и Удмуртской Республики) публикуют информацию о размере вознаграждений членов органов палаты [12].

По мере реализации внутреннего адвокатского запроса на открытость (транспарентность) финансовой политики адвокатских палат закономерно требует решения задача создания механизмов, повышающих эффективность расходования общеадвокатских финансовых ресурсов.

В числе подобных механизмов должен быть механизм персональной ответственности членов органов адвокатского самоуправления за целесообразность расходования общеадвокатских средств. Сталинский лозунг «кадры решают всё» по-прежнему актуален в адвокатуре.

Установление механизмов дисциплинарной ответственности, а, возможно даже, и, в ряде случаев, субсидиарной ответственности президентов и членов ревизионных комиссий за принимаемые расходные обязательства адвокатскими палатами, должно сопровождаться также и формированием чётких процедур адвокатского бюджетного процесса.

Полагаем, адвокатам нет необходимости придумывать что-то новое, а в Закон об адвокатуре возможно имплементировать наработки отраслей бюджетного и финансового права.

Так, например, Минфин РФ с 2004 года добивается формирования государственного бюджета согласно принципам бюджетирования, ориентированного на результат [13].

Бюджетирование, ориентированное на результат (БОР), – система организации бюджетного процесса и государственного (муниципального) управления, при которой планирование расходов осуществляется в непосредственной связи с достигаемыми результатами.

Как отмечает О.В. Макашина, общепринятого понятия как самого БОР, так и отдельных его элементов, ни в России, ни в мире не сформировано. В английской терминологии синонимом «performance budgeting» является термин «results-oriented budgeting». В российской практике до недавнего времени в качестве синонима термина «бюджетирование, ориентированное на результат» использовался термин «программно-целевое бюджетирование» [14].

Согласно определению экспертов Московского отделения Нидерландского Экономического Института, бюджетирование, ориентированное на результат (Performance budgeting), – это более прогрессивная (по сравнению с затратным методом) методология подготовки и исполнения бюджета, где акцент переносится с затрат на результаты, в русскоязычной литературе применяются также термины «бюджетирование по результатам» и «программно-целевой подход» [15].

Укрепление адвокатуры, совершенствование процедур адвокатской деятельности и, в конечном итоге, безоговорочное признание за адвокатурой роли флагмана правозащитных механизмов социума невозможно без налаживания эффективно функционирующей корпоративной финансовой системы. Разумное имплементирование в законодательство об адвокатуре принципов бюджетного права – объективная необходимость, в противном случае работа органов адвокатского самоуправления имеет смысл только для них самих, а доступность и квалифицированность юридической помощи так и останется декларацией в Конституции России.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское дело № 02-0136/2020 (УИД 77RS0030-01-2019-008709-90) в Хамовническом районном суде г. Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://goo.su/3kQk.
2. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Д.Н. Козака. М.: Статут, 2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Грегова Елена Яновна. Роль третьего сектора в современной экономике // Управленческое консультирование. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tretiego-sektora-v-sovremennoy-ekonomike.
4. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/economics/text/4713668.
5. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/economics/text/4713687.
6. Адвокатская монополия: как измерить объем рынка юридических услуг [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/story/view/125869/.
7. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ использования средств федерального бюджета, предусматриваемых на оплату труда адвокатов, участвующих в качестве защитника в уголовном процессе по назначению суда, в 2016–2018 годах и текущем периоде 2019 года» [Электронный ресурс]. URL: https://goo.su/blinova.
8. Куликов В. Защита в цене. Подсчитана средняя стоимость услуг адвоката // Российская газета. 2019. № 187 (7945). 22 августа [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/08/22/podschitana-sredniaia-stoimost-uslug-advokata.html.
9. Долгожданное постановление [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/news/fpa/dolgozhdannoe-postanovlenie.
10. Доклад о деятельности Министерства юстиции Российской Федерации в сфере обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью за 2014 год [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2015/05/19/minust-dok.html.
11. Ишина И.В. и др. Финансы некоммерческих организаций: учебник и практикум для вузов / под ред. И.В. Ишиной. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020. (Высшее образование) [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/450521.
12. Результаты аудита открытости сайтов адвокатских палат [Электронный ресурс]. URL: https://golosadvokata.ru/audit/comments.
13. Постановление Правительства РФ от 22.05.2004 № 249 (ред. от 06.04.2011) «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» (вместе с «Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах», «Планом мероприятий по реализации Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Макашина О.В. Бюджетирование, ориентированное на результат // Вестник ИГЭУ. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetirovanie-orientirovannoe-na-rezultat.
15. Бюджетирование, ориентированное на Результаты: цели и принципы. Москва, 20 декабря 2002 г. Отдел Макроэкономической и отраслевой политики, сектор государственных финансов. Московское отделение Нидерландского Экономического Института, NEI-ECORYS, по заказу Комиссии ЕС [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20091122101637/http://www.ecorys.ru/rus/doc/act01_014.pdf.

References (transliterated)

1. Grazhdanskoe delo № 02-0136/2020 (UID 77RS0030-01-2019-008709-90) v Xamovnicheskom rajonnom sude g. Moskvy` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://goo.su/3kQk.
2. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal`nomu zakonu «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (postatejny`j) / pod red. D.N. Kozaka. M.: Statut, 2003. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
3. Gregova Elena Yanovna. Rol` tret`ego sektora v sovremennoj e`konomike // Upravlencheskoe konsul`tirovanie. 2008. № 1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tretiego-sektora-v-sovremennoy-ekonomike.
4. Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://bigenc.ru/economics/text/4713668.
5. Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://bigenc.ru/economics/text/4713687.
6. Advokatskaya monopoliya: kak izmerit` ob``em ry`nka yuridicheskix uslug [E`lektronny`j resurs]. URL: https://pravo.ru/story/view/125869/.
7. Otchet o rezul`tatax e`kspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Analiz ispol`zovaniya sredstv federal`nogo byudzheta, predusmatrivaemy`x na oplatu truda advokatov, uchastvuyushhix v kachestve zashhitnika v ugolovnom processe po naznacheniyu suda, v 2016–2018 godax i tekushhem periode 2019 goda» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://goo.su/blinova.
8. Kulikov V. Zashhita v cene. Podschitana srednyaya stoimost` uslug advokata // Rossijskaya gazeta. 2019. № 187 (7945). 22 avgusta [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rg.ru/2019/08/22/podschitana-sredniaia-stoimost-uslug-advokata.html.
9. Dolgozhdannoe postanovlenie [E`lektronny`j resurs]. URL:https://fparf.ru/news/fpa/dolgozhdannoe-postanovlenie.
10. Doklad o deyatel`nosti Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii v sfere obespecheniya grazhdan Rossijskoj Federacii besplatnoj yuridicheskoj pomoshh`yu za 2014 god [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rg.ru/2015/05/19/minust-dok.html.
11. Ishina I.V. i dr. Finansy` nekommercheskix organizacij: uchebnik i praktikum dlya vuzov / pod red. I.V. Ishinoj. 2-e izd., per. i dop. M.: Yurajt, 2020. (Vy`sshee obrazovanie) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://urait.ru/bcode/450521.
12. Rezul`taty` audita otkry`tosti sajtov advokatskix palat [E`lektronny`j resurs]. URL: https://golosadvokata.ru/audit/comments.
13. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 22.05.2004 № 249 (red. ot 06.04.2011) «O merax po povy`sheniyu rezul`tativnosti byudzhetny`x rasxodov» (vmeste s «Koncepciej reformirovaniya byudzhetnogo processa v Rossijskoj Federacii v 2004–2006 godax», «Planom meropriyatij

po realizacii Koncepcii reformirovaniya byudzhetnogo processa v Rossijskoj Federacii v 2004–2006 godax»). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

14. Makashina O.V. Byudzhetirovanie, orientirovannoe na rezul`tat // Vestnik IGE`U. 2008. № 1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetirovanie-orientirovannoe-na-rezultat.

15. Byudzhetirovanie, orientirovannoe na rezul`taty`: celi i principy`. Moskva, 20 dekabrya 2002 g. Otdel Makroe`konomicheskoj i otraslevoj politiki, sektor gosudarstvenny`x finansov. Moskovskoe otdelenie Niderlandskogo E`konomicheskogo Instituta, NEI-ECORYS, po zakazu Komissii ES [E`lektronny`j resurs]. URL: https://web.archive.org/web/20091122101637/http://www.ecorys.ru/rus/doc/act01_014.pdf.

Цифровая Академическая Библиотека «Автограф»

Времена меняются, но книга остается ценностью. Благодаря современным технологиям огромные стеллажи книг умещаются сегодня в руке человека — в маленьком смартфоне. Данное обстоятельство не делает книгу менее значимой, менее ценной, и библиотеки по-прежнему продолжают играть свою главную роль — хранилища мысли и талантов. Фонд библиотеки «Автограф» де-факто создавался в конце прошлого века.

В 90-е годы двое выпускников факультета журналистики МГУ организовали издательство с выразительным названием «Автограф». Видимо, в силу своего академического образования они взяли изначально курс в большей степени на теоретическую, справочную литературу. За годы существования «Автографа» вышли в свет издания по литературе, истории, русскому, английскому и французскому языкам, но главное направление касалось все-таки издания литературы юридической тематики, причем изданий дореволюционных, большая часть которых в силу конъюнктурных обстоятельств советского периода держалась в спецхранах. Можно сказать, что это была исследовательская, научная работа. Самой главной заслугой издательства «Автограф» явился выпуск в свет серии «Юридическое наследие». Они были первыми в этом направлении. Тысячные тиражи разошлись, книги серии приобрели крупнейшие мировые национальные библиотеки. Являясь, в сущности, правопреемниками и продолжателями классических традиций издательства «Автограф», создатели Цифровой Академической Библиотеки «Автограф» решили, что соединение продуманных принципов книгоиздания и библиотечного дела может принести несомненную пользу посетителям сайта.

В помощь читателям библиотеки все издания систематизированы по указателям. Их пять: алфавитный, именной, биографический, тематический и указатель оглавлений. Данный подход функционально облегчает поиск необходимого издания, дает расширенную возможность для целенаправленной научной и исследовательской работы, кроме того, информация, которая содержится в указателях, сама является серьезным познавательным фундаментом.

Читателям библиотеки предоставляется возможность открыть для себя произведения величайших ученых в области юриспруденции, философии, истории, экономики. Кроме того, документы, законодательные акты, периодика прошлых лет могут служить значимым фактором в осмыслении сегодняшних событий, явлений, научных заключений. Стиль, язык изложения, фундаментальность мысли почти всех произведений, которые составляют фонд ЦАБ «Автограф», располагают к глубокому и неторопливому их прочтению.

На сайте можно также найти издания современных авторов, которые заслуживают внимания и самого положительного отклика. Так что двери «аптеки для души» открыты, а ее «общество», безусловно, окажется для каждого приятным и полезным.

Пользование информацией ЦАБ «Автограф» имеет свои особенности — в свободном доступе находятся все указатели и информация, размещенная на главной странице. Вход в фонд библиотеки предполагает приобретение абонемента, стоимость которого — 150 рублей на 24 часа.

Контент библиотеки пополняется каждый день.

Адрес сайта библиотеки: www.avtograf-library.ru

Кудрявцев В.Л.

РАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Цель: Исследование некоторых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем разглашения данных предварительного расследования в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Методология: Использовались формально-юридические методы.

Результаты: В статье раскрыты некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы разглашения данных предварительного расследования в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ. Установлено, что ряд проблем разглашения данных предварительного расследования носит взаимосвязанный уголовно-правовой и уголовно-процессуальный характер, связанный с пониманием соответствующих норм Конституционным Судом РФ и их применением на практике. Сделан вывод, что использование в практической деятельности адвокатами ряда правовых позиций Конституционного Суда РФ может порождать дополнительные сложности в защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, доступности правосудия, а также при квалификации по ст. 310 УК РФ.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью, представляя из себя комплексный, взаимосвязанный анализ некоторых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем разглашения данных предварительного расследования в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ, существующих как в теории, так и на практике.

Ключевые слова: уголовное право, разглашение данных предварительного расследования, преступления против правосудия, состав преступления, субъекты преступления, уголовный процесс, недопустимость разглашения данных предварительного расследования, адвокат, обвиняемый, правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Kudryavtsev V.L.

DISCLOSURE OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA: SOME CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE PROBLEMS IN THE LIGHT OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: Research of some criminal-legal and criminal-procedural problems of disclosure of preliminary investigation data in the light of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Methodology: Formal-legal methods.

Results: The article reveals some criminal-legal and criminal-procedural problems of disclosure of preliminary investigation data in the light of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is established that a number of problems of disclosure of preliminary investigation data are interrelated in criminal law and criminal procedure related to the understanding of the relevant norms by the Constitutional Court of the Russian Federation and their application in practice. It is concluded that the use in practice by lawyers of a number of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation may create additional difficulties in protecting the constitutional rights and freedoms of individuals and citizens, access to justice, as well as in qualifying under article 310 of the criminal code.

Novelty/originality/value: The article has a scientific value, representing a complex, interrelated analysis of some criminal law and criminal procedure problems of disclosure of preliminary investigation data in the light of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, existing both in theory and in practice.

Keywords: criminal law, disclosure of data from preliminary investigations, crimes against justice, composition of the crime, subjects of the crime, criminal procedure, inadmissibility of disclosure of data from preliminary investigations, lawyer, accused, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ) обеспечивается в том числе и на уровне уголовно-правовой охраны, предусмотренной ст. 310 УК РФ.

Наличие и значимость данной уголовно-правовой нормы в УК РФ, как указывал в своих правовых позициях Конституционный Суд РФ, обусловлено тем, что «при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции Российской Федерации), предполагают сохранение втайне полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицин-

ская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности, тем самым представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить и само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу (абз. 4 п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О; абз. 2 п. 3 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О).

За последние четыре с половиной года, как следует из содержания формы № 10-а «Отчёта о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», по ст. 310 УК РФ не было осуждено ни одно лицо, но при этом суд рассмотрел за этот период времени уголовные дела в отношении четырех лиц, совершивших данное преступление: в отношении двоих уголовные дела прекращены по иным основаниям по основной статье (2016 год, 2018 год), один оправдан (2019 год), один признан невменяемым (2017 год).

Подобная статистика является следствием, с одной стороны, высокой степени латентности, сложности в выявлении этого преступления, а с другой – неоднозначной оценки правоприменителем отдельных элементов состава преступления или проблем квалификации.

Предметом преступления служат данные предварительного расследования, не подлежащие разглашению.

Ни УК РФ, ни УПК РФ не содержат понятие «данные предварительного расследования», но оно даётся в литературе [см., напр.: 4, с. 147; 7, с. 12; 9, с. 39] и в ряде правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Так, согласно абз. 1 п. 5 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О и абз. 3 п. 5 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О, «Данные предварительного расследования… составляют охраняемую уголовно-процессуальным и уголовным законами информацию (сведения), содержащуюся в материалах уголовного дела, разглашение (распространение) которой создает реальную или потенциальную опасность причинения ущерба расследованию по уголовному делу, нарушения прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, не являющихся его участниками».

При этом следует отметить, что в теории совершенно справедливо отмечают, что в свете системного толкования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и ст. 161 УПК РФ правомерно говорить не о данных предварительного расследования, а о данных досудебного производства [1, с. 101–103].

С понятием «данные предварительного расследования» тесно связан перечень таких сведений, которые отсутствуют в законе, но частично присутствуют в виде сведений, прямо или косвенно относящихся к охраняемой законом тайне в правовых позициях Конституционного Суда РФ (абз. 4 п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О; абз. 2 п. 3 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О).

В науке перечень сведений, относящихся к данным предварительного расследования, рассматривается в диапазоне от простой констатации факта, что это могут быть любые сведения, содержащиеся в уголовном деле [см., напр.: 3, с. 1037; 6, с. 809], до конкретного перечня сведений [см., напр.: 1, с. 103; 2, с. 1002; 4, с. 148].

Понятие «данные предварительного расследования» определяется также путём перечисления сведений, в них входящих.

Под данными предварительного расследования понимается информация: о ходе предварительного расследования (порядке, субъектах, времени и т. д. производства процессуальных действий); о содержании, ходе и результатах следственного действия, в котором процессуальный субъект принимал участие; полученная от участников процессуальных действий, в которых лицо принимало участие; иная относящаяся к предварительному расследованию информация (о месте нахождения вещественных доказательств; о месте жительства участников уголовного судопроизводства и их персональных данных и сведения об их внешности в любой форме (словесный портрет, фотография, видеозапись); сведения о защищаемых лицах и мерах государственной защиты, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и

другими нормативными правовыми актами Российской Федерации и т. п.») (п. 3.4 Методических рекомендаций адвокату при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке статьи 161 УПК РФ, утверждённых Решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 31.01.2017 (протокол № 1) (далее – Методические рекомендации, подготовленные АП Новосибирской области), п. 3.4 Методических рекомендаций адвокатам при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке статьи 161 УПК РФ. Приложение к решению Совета Адвокатской палаты Республики Тыва № 26 от 13 марта 2019 года (далее – Методические рекомендации, подготовленные АП Республики Тыва)).

В этом перечне данных присутствуют сведения о защищаемых лицах и мерах государственной защиты, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», за разглашения которых уголовная ответственность наступает не по ст. 310 УК РФ, а по ст. 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса» [5].

В отношении данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ) применяется разрешительный тип правового регулирования (запрещено все, кроме разрешенного), когда при общем запрете (ч. 1) действуют исключения, когда можно совершать только действия, которые разрешены в нормах УПК РФ (ч. 2, 4 и 6).

Подобная позиция законодателя, выраженная в ст. 161 УПК РФ, объясняется тем, что невозможно предусмотреть весь перечень сведений, не подлежащих разглашению.

Кроме того, «по смыслу статьи 161 УПК Российской Федерации, устанавливающей запрет на разглашение данных предварительного расследования, следователь не относит те или иные данные к следственной тайне, – как лицо, обладающее особым процессуальным статусом и в силу своей процессуальной функции обязанное не только осуществлять уголовное преследование, но и гарантировать весь комплекс предусмотренных законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, он уполномочен (ч. 2 ст. 161 УПК РФ) разрешать вопрос о том, могут ли данные предварительного расследования быть преданы гласности и в каком объеме, с тем чтобы их разглашение не противоречило интересам предварительного расследования и не нарушало права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, что согласуется с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отвечает требованиям статьи 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации» (абз. 4 п. 5 Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О).

В ч. 4 и 6 ст. 161 УПК РФ содержится перечень случаев, когда разглашение данных предварительного расследования признаётся законодателем правомерным.

Следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ (ч. 3 ст. 161 УПК РФ).

Отсутствие в уголовном деле подписки с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ не позволяет привлечь лицо к уголовной ответственности по данной статье УК РФ.

Подозреваемый, обвиняемый, не являясь субъектами уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, тем не менее, в ходе предварительного расследования предупреждаются об уголовной ответственности по этой статье, о чём у них берется подписка.

Подобная практика нашла отражение, и ей была дана оценка в абз. 4 п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 218-О: «…в ответе старшего следователя прокуратуры города Москвы на жалобу Е.К. Черемных заявителю разъяснялось, что он не является субъектом преступления, предусмотренного статьей 310 УК Российской Федерации, и не может быть привлечен к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования. Само же по себе отобрание у него как у обвиняемого подписки о неразглашении данных предварительного следствия и предупреждение о том, что в случае нарушения этой подписки он может быть привлечен к ответственности по статье 310 УК Российской Федерации, не может расцениваться как свидетельство реальности применения или возможности применения в его деле названной нормы уголовного закона».

Вот такая правовая, уголовно-правовая и уголовно-процессуальная диалектика, когда подозреваемый (обвиняемый), с одной стороны, не является субъектом уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, а с другой – он субъект пре-

дупреждения о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у него берется следователем (дознавателем) подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ (ч. 3 ст. 161 УПК РФ).

И это несмотря на следующее: что «касается подозреваемого и обвиняемого, то их статус, определенный статьями 46 и 47 УПК Российской Федерации, не предполагает возложения на них обязанности давать подписку о неразглашении данных, ставших им известными в связи с участием в предварительном расследовании, и привлечения их к уголовной ответственности за их разглашение (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 467-О). Вместе с тем закон допускает применение к ним в случае необходимости уголовно-процессуальных мер принудительного характера, в частности мер пресечения, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый, в том числе путем разглашения данных предварительного расследования, может препятствовать производству по уголовному делу (пункт 3 части первой статьи 97 УПК Российской Федерации)» (абз. 2 п. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О).

Применительно к защитнику, который, как и другие участники производства по уголовному делу, предупреждается о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и у которого берется подписка об их неразглашении, соответствующие требования закреплены в части третьей статьи 53 УПК Российской Федерации, предусматривающей, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, предусмотренном статьей 161 данного Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность по статье 310 УК Российской Федерации (абз. 2 п. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О).

Адвокатам в случае отобрания подписки категорически не рекомендуется давать абстрактные подписки, в которых не конкретизированы не подлежащие разглашению данные предварительного расследования (п. 4.4 Методических рекомендаций, подготовленных АП Новосибирской области, п. 4.4 Методических рекомендаций, подготовленных АП Республики Тыва).

В случае отказа адвоката (защитника) или иного участника уголовного судопроизводства подписать абстрактную подписку следователи (дознаватели) составляют протокол в порядке ст. 167 УПК РФ, и лицо считается предупреждённым об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

В разъяснениях АП УР (Удмуртской Республики) в отношении дачи подписки о неразглашении данных предварительного расследования о последствиях разглашения данных предварительного расследования при отказе в даче соответствующей подписки по рассматриваемому вопросу указано, что «…в случае удостоверения отказа адвоката от подписи в порядке ст. 167 УПК РФ и последующего разглашения данных предварительного следствия со стороны правоохранительных органов возможно инициирование вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката по ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации. Решение вопросов правомерности возбуждения данного уголовного дела, а также его исход не могут быть предметом рассмотрения Совета Адвокатской палаты Удмуртской Республики, поскольку находятся вне пределов его компетенции».

Если адвокаты не согласны с правомерностью отобрания подписки с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ, то они обжалуют подобные действия следователя (дознавателя).

Пп. 5–5.8 Методических рекомендаций, подготовленных АП Новосибирской области, пп. 5–5.8 Методических рекомендаций, подготовленных АП Республики Тыва, содержат рекомендации, посвящённые обжалованию адвокатом решений и действий (бездействия) должностных лиц при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке ч. 1 ст. 123, ст. 124–125УПК РФ, а также и в литературе существуют рекомендации по рассматриваемому вопросу [см., напр.: 8, с. 34–40].

Жалобы адвокатов на отобрание подписки о неразглашении данных предварительного расследования следователем (дознавателем) в порядке ст. 125 УК РФ и в апелляционном порядке упираются в единообразную отказную судебную практику: в суде первой инстанции отказывают в принятии жалобы к рассмотрению ввиду отсутствия предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ; в апелляционном порядке решение суда остаётся без изменения, а жалоба адвоката без удовлетворения.

Обратимся к типичным формулировкам, содержащимся в подобных апелляционных постановлениях суда, когда адвокаты обжалуют:

– во-первых, отобрание у них подписки о неразглашении данных предварительного рассле-

дования: а) «Как видно из материалов судебного производства, суд первой инстанции при изучении жалобы, поданной адвокатом ФИО-8 в порядке ст. 125 УПК РФ, пришел к обоснованному выводу о том, что действия старшего следователя ФИО-5 не нарушают конституционные права ФИО-8, а также не ограничивают его доступ к правосудию. Кроме того, суд обоснованно пришел к выводу об отсутствии предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку вопрос о незаконности отобрания у адвокатов подписки о неразглашении данных предварительного следствия сводится к признанию недопустимыми проведенных следственных действий, то есть к оспариванию доказательств» (Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 29 ноября 2018 г. по делу № к-6752/2018); б) «…такое требование не лишает адвоката, добросовестно соблюдающего требования уголовного и уголовно-процессуального закона, возможности надлежаще исполнять полномочия в рамках расследуемого уголовного дела, предписанные ему процессуальным законом, и поэтому оно не является предметом обжалования в порядке статьи 125 УПК РФ» (Апелляционное постановление Костромского областного суда от 6 февраля 2020 г. по делу № 22-111/2020);

– во-вторых, при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования у подозреваемых, обвиняемых: а) «… обжалуемые действия следователя выполнены им в пределах своих полномочий, не причиняют ущерба конституционным правам и свободам участника уголовного судопроизводства, в частности обвиняемого ФИО-2, не затрудняют его доступ к правосудию, поэтому предметом судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ не являются» (Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 13 сентября 2016 г. по делу № 22-2612/2016); б) «уголовно-процессуальный закон относит обвиняемого к участникам уголовного судопроизводства, а ст. 161 УПК РФ не содержит прямого запрета на получение следователем соответствующей подписки у лица, имеющего статус подозреваемого либо обвиняемого. При этом действия следователя, направленные на исполнение уголовно-процессуального закона, не могут рассматриваться как нарушающие право на защиту, поскольку содержание данного права определяется нормами закона, который содержит прямой запрет на разглашение данных предварительного расследования (Апелляционное постановление Омского областного суда от 8 мая 2018 г. по делу № 22К-1215/2018).

Подобная судебная практика получила недавно конституционно-правовое обоснование-подтверждение в виде правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в абз. 6 п. 2 его определения от 29.09.2020 № 2065-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гарина Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в которой указано, что «поскольку предусмотренные уголовно-процессуальным законом основания и порядок предупреждения участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения данных предварительного следствия не причиняют ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства и не затрудняют их доступ к правосудию, предупреждение их дознавателем или следователем о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования не является предметом рассмотрения в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации при том, что самостоятельно могут быть обжалованы решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, в том числе с использованием данных предварительного расследования, а с учетом стадийного построения уголовного судопроизводства обжалование и проверка законности и обоснованности действий и решений, имевших место на стадиях досудебного производства, по общему правилу, осуществляются судом после передачи ему материалов уголовного дела с обвинительным заключением».

Таким образом, из данной правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что: во-первых, невозможно обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ вследствие того, что это не является предметом рассмотрения в порядке данной статьи УПК РФ; во-вторых, обжалование возможно, если решения способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, в том числе с использованием данных предварительного расследования, но после передачи суду материалов уголовного дела с обвинительным заключением, то есть со стадии подготовки к судебному заседанию.

Если обратиться к существовавшей до принятия определения Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2065-О судебной практике обжалования адвокатами отобрания подписки о неразглашении данных предварительного расследования следователем (дознавателем) в порядке ст. 125 УК РФ и в апелляционном порядке, в том числе и к изложенным выше типичным формулировкам, содержащимся в апелляционных постановлениях суда, то станет ясно, что суды при рассмотрении подобных жалоб не видели в отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования ни у адвоката (защитника), ни у подозреваемого (обвиняемого) ограничения их конституционных прав и свобод, а также затруднений в доступе к правосудию.

В связи с этим возникает риторический вопрос: если суды не видели в отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ и в апелляционном порядке ограничения конституционных прав и свобод, а также затруднений в доступе к правосудию, то увидят ли они эти перечисленные ограничения и затруднения в судебных стадиях, начиная со стадии подготовки к судебному заседанию?

Мне ответ на данный вопрос представляется очевидным – нет, не увидят, и, соответственно, практика кардинально по решению этой проблемы не изменится, а перенесётся на более поздний срок по уголовному делу с досудебного производства на судебное, отодвинув срок защиты конституционных прав и свобод, а также доступ к правосудию.

Тем не менее, если подобные изменения произошли, то на них нужно реагировать адекватно, изменив тактику защиты при обжаловании отобрания подписки о неразглашении данных предварительного расследования, начиная со стадии подготовки к судебному заседанию. При этом в Методические рекомендации адвокату при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке статьи 161 УПК РФ, подготовленные АП Новосибирской области и АП Республики Тыва, следует также внести соответствующие изменения и исключить из рекомендаций обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ.

И в заключение смоделируем благоприятную для защиты ситуацию с учётом произошедших изменений в обжаловании: если действия следователя (дознавателя) по отобранию подписки о неразглашении данных предварительного расследования будут признаны незаконными и необоснованными в судебном производстве, но уголовное дело было уже возбуждено по ст. 310 УК РФ и по нему ведётся предварительное следствие, то следователь в силу недопустимости такой подписки как доказательства, подтверждающего факт предупреждения об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, должен будет вынести постановление о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Блинова Е.В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020.

2. Бобраков И.А. Разглашение данных предварительного расследования // Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАЗЭС, 2017. С. 1001–1015.

3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Преступления против правосудия, препятствующие обеспечению нормальной деятельности суда и правоохранительных органов // Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

4. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 147–150.

5. Кудрявцев В.Л. Уголовно-правовая охрана сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса в механизме реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МАЭП, 2011.

6. Кузнецов А.П., Сидоров Б.В. Конкретные виды преступлений против правосудия // Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 749–848.

7. Маслов А.Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.

8. Насонов С.А. Подписка о неразглашении данных следствия: что нужно знать адвокату // Уголовный процесс. 2018. № 12. С. 34–40.

9. Смолькова И.В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7. С. 39–42.

References (transliterated)

1. Blinova E.V. Obespechenie nerazglasheniya danny`x dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2020.

2. Bobrakov I.A. Razglashenie danny`x predvaritel`nogo rassledovaniya // E`nciklopediya ugolovnogo prava. T. 28. Prestupleniya protiv pravosudiya. SPb.: MIE`P pri MPA EvrAZE`S, 2017. S. 1001–1015.

3. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. Prestupleniya protiv pravosudiya, prepyatstvuyushhie obespecheniyu normal`noj deyatel`nosti suda i pravooxranitel`ny`x or-

ganov // Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti obshhaya i osobennaya: uchebnik / pod red. A.V. Brilliantova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016.

4. Vlasova N.A. Obespechenie tajny` predvaritel`nogo rassledovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 147–150.

5. Kudryavcev V.L. Ugolovno-pravovaya oxrana svedenij o merax bezopasnosti, primenyaemy`x v otnoshenii sud`i i uchastnikov ugolovnogo processa v mexanizme realizacii principa oxrany` prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve // Oxrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: MAE`P, 2011.

6. Kuzneczov A.P., Sidorov B.V. Konkretny`e vidy` prestuplenij protiv pravosudiya // Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast`: uchebnik / pod red. F.R. Sundurova, M.V. Talan. M.: Statut, 2012. S. 749–848.

7. Maslov A.E. Sledstvennaya tajna kak sredstvo preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Voronezh, 2001.

8. Nasonov S.A. Podpiska o nerazglashenii danny`x sledstviya: chto nuzhno znat` advokatu // Ugolovny`j process. 2018. № 12. S. 34–40.

9. Smol`kova I.V. Glasnost` i tajna v ugolovnom processe // Zakonnost`. 1998. № 7. S. 39–42.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru e-mail: info@eurasniipp.ru Тел: +7-917-40-61-340

Донец С.П.
ШЕСТЬ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ СУДА СКАЗАТЬ: «НЕТ. НЕ ВИНОВЕН!»

Цель: Исследование развития учения о составе преступления в доктрине отечественного и зарубежного уголовного права в советский и постсоветский период.

Методология: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В настоящей статье на основе исследования признаков парных (соотносимых) с малозначительным деянием категорий (общественно опасным деянием – преступлением, составом преступления, составом малозначительного деяния, формально содержащим признаки объективной и субъективной стороны состава преступления), анализа приемов и средств законодательной техники (юридических конструкций, фикций, терминологии) и судебной практики в советской и постсоветский периоды установлены основания для признания судом и следствием деяния непреступным и прекращения уголовного дела (отказа в возбуждении) в связи с малозначительностью деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). В качестве таковых признаются действие (бездействие), не причинившее вреда общественным отношениям, формальность признаков состава преступления, предусмотренность деяния Уголовным кодексом, отсутствие запрещенности, общественной опасности, реальная малозначительность при наличии конкретизированного умысла, фиктивность квалифицирующих признаков.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает определенной научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть в отечественной доктрине уголовного права и практике проблемы квалификации преступлений с так называемыми признаками малозначительности с применением таких законотворческих приемов, как фикция в уголовном праве и законе.

Ключевые слова: состав преступления, общественная опасность, существенный вред, малозначительность, общественно опасное деяние, неконкретизированный умысел, приемы и средства законодательной техники, фикция.

Donets S.P.
SIX REASONS FOR THE COURT TO SAY: «NO. NOT GUILTY!»

Purpose: Research of the development of the doctrine of the crime in the doctrine of domestic and foreign criminal law in the Soviet and post-Soviet period.

Methodology: Historical-legal and formal legal methods were used.

Results: in this article, based on the study of signs of paired (correlated) with a minor act of categories (socially dangerous act – crime, crime structure, composition minor act formally contains the signs of the objective and subjective side of the offense), analysis methods and means of legislative technique (legal constructions, fictions, terminology) and the court practice in soletskiy and post-Soviet periods are the basis for the recognition trial, and the result of acts of non-criminal and criminal case's termination (failure to initiate) in connection with minor acts (part 2 article 14 of the criminal code of the Russian Federation), as such, an action (omission) that did not cause harm to public relations, the formality of the elements of the crime, the provision of the act by the Criminal code, the absence of prohibition, public danger, real insignificance in the presence of a specified intent, fictitious qualifying signs are recognized.

Novelty/originality/value: The article has a certain scientific value, since it is one of the first attempts to consider in the domestic doctrine of criminal law and practice the problems of qualifying crimes with the so-called signs of insignificance using such legislative techniques as fiction in criminal law and law.

Keywords: delicti, social danger, substantial harm, insignificance, socially dangerous act, unclassified intent, techniques and means of legislative technique, fiction.

«Grau, teurer Freund, ist alle Theorie Und gr?n des Lebens goldner Baum» («Теория, мой друг, суха, / Но зеленеет жизни древо», – перев. с нем. Б. Пастернака), – с этими словами из трагедии «Фауст» (ч. I, сцена IV) Иоганна Вольфганга Гете, выдавая себя за профессора Фауста, обращается Мефистофель к ученику [14]. Как бы ответила Фемида современному школяру на вопрос «Какие обстоятельства, кроме признака малозначительности, указанного в ч. 2 ст. 14 УК РФ, влекут непреступность деяния?», тем паче, что ныне звучащий нестройный хор ученых и практиков, за редким исключением, не дает на него вразумительного ответа.

Дореволюционное российское уголовное законодательство не содержало понятия «малозначительности». Преступление в Уголовном уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. приравнивалось к посягательству на все виды государственной власти и охраняемые ею общественные и личные права и обязанности. Кроме преступлений уголовный закон позднего периода Российской империи содержал понятие проступка [15].

В советском уголовном законе норма о малозначительности появляется в ст. 6 УК РФ 1926 г., которая не признавала преступлением «действие, которое, хотя и формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного» [16]. В ч. 2. ст. 7 УК РСФСР 1960 г. уже ничего не говорилось о степени малозначительности и вредных последствиях, но смысл малозначительности оставался прежним: отсутствие общественной опасности и формальное (фиктивное) наличие признаков состава преступления, что и отражено в ч. 2 ст. 14 действующей редакции УК РФ. Отсутствие законодательного определения отразилось на современной следственной и судебной практике Российской Федерации. На евразийском пространстве уголовные кодексы стран ближнего зарубежья содержат понятие малозначительности с незначительными отличиями. Так, в УК Кыргызской Республики в ч. 2 ст. 8 речь идет о «действии и бездействии, хотя формально и подпадающем под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющем общественной опасности» [17].

УК Республики Узбекистан в ст. 14 дает определение общественно опасному деянию: это «деяние, которое причиняет или создает реальную угрозу причинения ущерба объектам, охраняемым настоящим Кодексом» [18], не выделяя понятия малозначительности. В УК Украины в ч. 2 ст. 11 содержится дефиниция, напоминающая редакцию ч. 2 ст. 14 УК РФ, но в редакции до 25 июня 1998 г. с добавлением о последствиях деяния, то есть «которое не причинило и не могло причинить вред физическому или юридическому лицу, обществу или государству» [19].

Попробуем, следуя почину А.В. Иванчина [10] и пользуясь правилами логики, найти парные категории и дать определение малозначительного деяния как особой категории в уголовном законе.

Для этого, во-первых, пользуясь правилами фикции как законодательным средством и конструкцией преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) как парной категорией малозначительного деяния, обозначим следующие признаки малозначительного деяния: «виновно совершенное», «общественно неопасное деяние», «запрещенное настоящим Кодексом» «под угрозой наказания». Правда, в ч. 2 ст. 14 УК РФ речь собственно идет не о родовых признаках преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), а о признаках «какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом», то есть о признаках конкретного состава преступления.

Фикция, как известно из теории правоведения, стремится к отождествлению истинного с неистинным [7]. В нашем случае это виновно совершенное (в наличии, хотя и формально, признаки субъективной стороны) деяние (в наличии, хотя и формально, признаки объективной стороны), действие или бездействие, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания (формальный признак деяния), но в силу малозначительности не представляющее собой общественной опасности, то есть не содержащее материального признака деяния и в силу этого признанное законодателем непреступным.

Во-вторых, определимся с парными, соотносимыми с малозначительным деянием категориями (понятиями), которыми, по нашему мнению, являются:

1) общественно опасное деяние – преступление как родовое понятие;

2) состав преступления как родовое понятие;

3) состав малозначительного (общественно неопасного) деяния, формально содержащий признаки объективной и субъективной стороны состава преступления.

В качестве условно соотносимых с малозначительным деянием следует назвать следующие деяния:

4) административные правонарушения, например ст. 6.1.1 (побои), 7.27 (мелкое хищение) КоАП РФ;

5) мелкое взяточничество (ст. 291-2 УК РФ);

6) уголовные проступки (ч. 3 ст. 10 УК РК);

7) составы преступлений, при осуждении по которым лицо освобождается от уголовной ответственности с назначением принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия, или судебного штрафа, либо иных мер уголовно-правового характера.

Понятие общественно опасного деяния – преступления – в действующем УК РФ сформулировано по материально-формальному принципу и представлено четырьмя признаками: виновностью, общественной опасностью, противоправностью и наказуемостью. В УК РСФСР 1960 г. законодательное определение ограничивалось лишь двумя основными признаками: общественной опасностью и противоправностью, которые якобы включали в себя виновность и наказуемость. Такой выбор законодателя вряд ли был верным, так как существует общественно опасное поведение невменяемых лиц, которое не может быть

названо преступным ввиду отсутствия признаков виновности и наказуемости их поведения [20, с. 143].

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. законодатель фактически поставил знак равенства между общественной опасностью и вредоносностью, раскрыв сущность первой как причинение вреда или создание угрозы причинения вреда личности, обществу или государству [21, с. 16].

Например, «обычный подарок» и «мелкая взятка» различаются по нескольким основаниям: во-первых, подарок должен быть безвозмездным, носить именно форму дарения без каких-либо условий [11], во-вторых, должно отсутствовать встречное удовлетворение [13], в-третьих, стоимость подарка, подношения должностному лицу, исходя из положения ст. 575 ГК РФ, не должна превышать 3000 (трех тысяч) рублей, в-четвертых, обычный подарок может быть подарен по какому-либо поводу (юбилей, свадьба, именины) и только знакомым лицом [2]. Согласно определению Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.05.2007 № 5275/07 по делу № А40-33611/06-85-249, «отношения сторон можно квалифицировать как дарение, только если судом будет установлено намерение одной стороны передать другой стороне имущество в качестве дара» [22].

Но взятка при этом, хоть «мелкая» или «мелкое взяточничество», согласно ст. 291-2 УК РФ, все же представляет собой общественную опасность в силу вредоносности, противоправности и запрещенности, а обычный подарок не содержит признаков какого-либо состава преступления.

Мы разделяем мнение В.Н. Кудрявцева о том, что «в составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам преступления, а для понятия преступления это отнюдь нехарактерно. Иными словами, состав и понятие преступления различаются по их внутренней структуре, по степени упорядоченности одних и тех же признаков» [5].

Но главная проблема в другом: содержится ли, как полагали А.Н. Трайнин [8], М.И. Ковалев [3], да и сам В.Н. Кудрявцев [5], Н.Ф. Кузнецова [23] и другие ученые, общественная опасность в составе преступления, или состав преступления не обладает общественной опасностью (Е.В. Благов) [1]; «опасно преступление, а не его состав» [24, с. 258], «имеются основания утверждать, что под составом преступления должен пониматься набор признаков, соответствие которым содеянного свидетельствует о его предусмотренности уголовным законом, но не обязательно об опасности содеянного» (А.В. Иванчин) [10]. Обосновывая свою позицию, А.В. Иванчин утверждает: «Анализ категорий «общественная опасность» и «противоправность» (запрещенность) вкупе с ретроспективным изучением состава преступления, его природы и функционального назначения привел нас к выводу о том, что общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение «формального» признака преступления» [24, с. 20].

Подобное суждение противоречит существующему в доктрине уголовного права положению, согласно которому «понятие преступления, содержащееся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, и конкретный состав преступления, предусмотренный нормой Особенной части УК, соотносятся как общее и частное» [25]. Состав преступления как часть общего, по правилам логики, должен охватывать и общественную опасность, следовательно, отражать вредоносность.

Общественная опасность – материальный признак общественно опасного деяния, который, во-первых, раскрывает социальную сущность (вредоносность) преступления. Во-вторых, этот признак закреплен в законе. В-третьих, он отражает способность причинять не просто вред, но именно существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

М.Д. Шаргородский утверждал, что «общественная опасность – это объективное социальное свойство конкретного деяния человека, которое при определенной степени общественной опасности становится противоправным» [9] (преступным. – С.Д.). В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ законодатель осуществляет криминализацию деяния, «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений».

В теории уголовного права не стихает дискуссия по поводу того, является ли общественная опасность свойством только преступления, или она характерна и для других, например административных, правонарушений. В защиту второй точки зрения ее авторы [6] приводят формулировку, названную выше (ч. 2 ст. 2 УК РФ), из буквального толкования которой можно задаться вопросом: какие из множества опасных деяний следует признать преступлениями [20, с. 145]? Следовательно, преступления от иных правонарушений могут отличаются не наличием общественной опасности, а ее уровнем (степенью, существенным вредом) [21, с. 15].

Феномен малозначительного деяния в том и заключается, что при наличии, хотя и формальном, признаков какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, в нем в силу малозначительности отсутствует общественная опасность. Но если общественная опасность определяется вредоносностью, то какова природа малозначительности? Непонимание правовой природы указанного феномена приводит к ошибкам в судебной прак-тике.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2006 № 20-д05 было прекращено производство по делу о самоуправстве, а приговор нижестоящего суда в отношении Г., осужденной по ч. 1 ст. 330 УК РФ, отменен, так как «действия осужденной Г. в силу малозначительности не представляют общественной опасности, поскольку ими не причинен существенный вред потерпевшей» [26].

В приведенном примере в мотивировочной части судом указаны два взаимоисключающих основания освобождения от уголовной ответственности – постановления оправдательного приговора: малозначительность деяния и отсутствие состава преступления (конструктивного криминообразующего признака основного состава – существенного вреда). Тверским межмуниципальным (районным) судом Центрального административного округа г. Москвы 5 марта 1998 г. Б. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ с применением ст. 73 УК РФ к наказанию в виде одного года лишения свободы условно с испытательным сроком в течение одного года. Б. признан виновным в покушении на кражу чужого имущества. 28 декабря 1997 г., находясь в торговом зале магазина, Б. взял шнурки стоимостью 18 руб. и один тюбик крема для обуви по цене 36 руб. и, не оплатив их стоимость, вышел из торгового зала магазина. Однако при выходе из магазина был задержан. В кассационном порядке приговор не обжаловался.

Президиум Московского городского суда оставил без удовлетворения протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ об отмене приговора и прекращении дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 апреля 1999 г. аналогичный протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ удовлетворила по следующим основаниям. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности [27]. В данном уголовном деле Судебная коллегия не только удовлетворила протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ, но и, правильно оценив природу малозначительного деяния, изменила указанное в протесте основание прекращения дела за отсутствием состава преступления на малозначительность деяния, не представляющего общественной опасности.

Отсутствует малозначительность деяния также при совершении преступления с неконкретизированным умыслом, т. е. когда лицо предвидело и желало наступления любого из возможных вариантов причинения вреда. Ответственность наступает тогда за фактически причиненный вред. Однако прекращения уголовного дела за малозначительностью деяния не последует. Типичный пример – совершение карманной кражи. Виновное в ней лицо действует, как правило, с неконкретизированным умыслом. Похищение им бумажника с купюрой в пятьсот рублей поэтому не является малозначительным деянием. Налицо покушение на кражу, предусмотренную ч. 1 ст. 158 УК РФ. Иное дело, если лицо, видя в нагрудном кармане пиджака пассажира троллейбуса те же пятьсот рублей, похитило их, так как именно этих денег ему не хватало на гамбургер и бутылку пива. Такая кража может расцениваться как малозначительное деяние.

Хищение с квалифицирующим признаком может оказаться малозначительным в случае мелкого хищения. Например, если с проникновением в жилище субъект похитил из квартиры бывшей любовницы флэшку с интимными подробностями отношений стоимостью в 750 рублей, то его деяние в силу малозначительности нельзя квалифицировать по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Ответственность должна наступить лишь за нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ). Моральный вред должен возмещаться в рамках гражданско-правовых отношений.

Малозначительные деяния только тогда не признаются преступными, если малозначительность была и объективной, и субъективной, т. е. когда лицо желало совершить именно малозначительное деяние, а не потому, что по не зависящим от него обстоятельствам в конкретном случае именно так и произошло.

При расхождении фактически совершенного и умысла лица ответственность наступает за покушение на то преступление, совершить которое лицо намеревалось. Так, в случае, когда лицо замышляло совершить хищение из офисного сейфа в особо крупном размере (не менее одного

миллиона рублей), но там оказалось лишь пятьсот рублей, ответственность должна наступить за покушение на хищение в особо крупном размере. Уголовное дело не прекращается за малозначительностью деяния – хищение пятисот рублей.

Малозначительное деяние, в силу отсутствия общественной опасности не содержащее в себе состава преступления, может образовать состав иного правонарушения (например, административного или дисциплинарного), и в этом случае к лицу, его совершившему, могут быть применены меры административного, дисциплинарного или общественного воздействия, не являющиеся наказанием.

Возвращаясь к нашей Фемиде и основываясь на анализе малозначительного деяния, попробуем ответить на вопрос: «Какие обстоятельства, кроме признака малозначительности, указанного в ч. 2 ст. 14 УК РФ, влекут непреступность деяния?».

Основанием для признания следствием и судом деяния непреступным и прекращения уголовного дела (отказа в возбуждении дела) в связи с малозначительностью (ч. 2 ст. 14 УК РФ) может являться установление следующих признаков объективной и субъективной стороны состава преступления (с учётом того, что предусмотрена и фиктивная запрещенность деяния уголовным законом (вытекает из ч. 2 ст. 14 УК РФ)):

– действие (бездействие), не причинившее вреда (не причинило и не могло причинить вред);

– наличие формальных признаков какого-либо деяния (конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ);

– фиктивная общественная опасность (не содержащая вредоносности);

– явная малозначительность (оставлена на усмотрение суда);

– конкретизированный умысел, направленный на малозначительное, в том числе ненасильственное, деяние;

– фиктивность квалифицирующих признаков, не подлежащих учету.

Пристатейный библиографический список

1. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 27.
2. Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления: учеб. пособ. Ярославль, 2013. С. 77.
3. Ковалев М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид ин-та, 1977. С. 77.
4. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 59.
5. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963. С. 88.
6. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 38.
7. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 222.
8. Трайнин А.Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 30.
9. Шаргородский М.Д. Об общественной опасности преступного деяния // Правоведение. 1960. № 4. С. 153.
10. Иванчин А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex Russica. Заочный круглый стол «Новый Уголовный кодекс России: концептуальные основы и теоретическая модель». 2015. № 6. Т. CIII. С. 18.
11. Поздеева О.С. Некоторые проблемы квалификации взяточничества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 101–106.
12. Рогова Е.В. Малозначительность деяния в зарубежном и российском уголовном законодательстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4 (47). С. 44.
13. Борков В.Н. Получение взятки: Вопросы квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 8.
14. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. С. 275.
15. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 310.
16. Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений. 1926. № 80. Ст. 600.
17. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / предисл. А.П. Стуканова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 45.
18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 60.
19. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. проф. Тация. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 21.
20. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. С. 143.
21. Кругликов Л.Л. Практикум по уголовному праву. Общая часть. Особенная часть: учеб. пособ. М., 2002. С. 16.
22. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.05.2007 № 5275/07 по делу № А-40-3361/06-85-249 [Электронный ресурс]. URL: http//www.resheniya–sudov.ru/2007/18751.
23. Курс уголовного права. Общая часть. Т 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. С. 180.
24. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 258.
25. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2006. С. 368.
26. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2006 № 20-д05-15. С. 3. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
27. Определение СК Верховного Суда РФ от 13 апреля 1999 г. // БВС РФ. 2000. № 9. С. 21.

References (transliterated)

1. Blagov E.V. Primenenie ugolovnogo prava (teoriya i praktika). SPb.: Yurid. centr Press, 2004. S. 27.
2. Ivanchin A.V., Kaplin M.N. Sluzhebny`e prestupleniya: ucheb. posob. Yaroslavl`, 2013. S. 77.
3. Kovalev M.I. Ponyatie i priznaki prestupleniya i ix znachenie dlya kvalifikacii. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdlovskogo yurid in-ta, 1977. S. 77.
4. Kudryavcev V.N. Obshhaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist``, 2001. S. 59.
5. Kudryavcev V.N. Teoreticheskie osnovy` kvalifikacii prestuplenij. M.: Gosyurizdat, 1963. S. 88.
6. Lyapunov Yu.I. Obshhestvennaya opasnost` deyaniya kak universal`naya kategoriya sovetskogo ugolovnogo prava. M., 1989. S. 38.
7. Nashicz A. Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel`naya texnika. M., 1974. S. 222.
8. Trajnin A.N. Izbranny`e trudy` / sost., vstup. st. N.F. Kuzneczovoj. SPb.: Yurid. centr Press, 2004. S. 30.
9. Shargorodskij M.D. Ob obshhestvennoj opasnosti prestupnogo deyaniya // Pravovedenie. 1960. № 4. S. 153.
10. Ivanchin A.V. Teoreticheskaya model` predpisanij Ugolovnogo kodeksa RF ob osnovanii ugolovnoj otvetstvennosti i maloznachitel`nosti // Lex Russica. Zaochny`j krugly`j stol «Novy`j Ugolovny`j kodeks Rossii: konceptual`ny`e osnovy` i teoreticheskaya model`». 2015. № 6. T. SIII. S. 18.
11. Pozdeeva O.S. Nekotory`e problemy` kvalifikacii vzyatochnichestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 1. S. 101–106.
12. Rogova E.V. Maloznachitel`nost` deyaniya v zarubezhnom i rossijskom ugolovnom zakonodatel`stve // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 4 (47). S. 44.
13. Borkov V.N. Poluchenie vzyatki: Voprosy` kvalifikacii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Omsk, 2002. S. 8.
14. Serov V.V. E`nciklopedicheskij slovar` kry`laty`x slov i vy`razhenij. M.: Lokid-Press, 2005. S. 275.
15. Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov / pod red. O.I. Chistyakova. M., 1988. T. 6. S. 310.
16. Ugolovny`j kodeks RSFSR // Sobranie uzakonenij. 1926. № 80. St. 600.
17. Ugolovny`j kodeks Ky`rgy`zskoj Respubliki / predisl. A.P. Stukanova. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2002. S. 45.
18. Ugolovny`j kodeks Respubliki Uzbekistan. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2001. S. 60.
19. Ugolovny`j kodeks Ukrainy` / nauch. red. prof. Taciya. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2001. S. 21.
20. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast`: uchebnik / pod red. F.R. Sundurova, I.A. Tarxanova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2009. S. 143.
21. Kruglikov L.L. Praktikum po ugolovnomu pravu. Obshhaya chast`. Osobennaya chast`: ucheb. posob. M., 2002. S. 16.
22. Opredelenie Vy`sshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14.05.2007 № 5275/07 po delu № A-40-3361/06-85-249 [E`lektronny`j resurs]. URL: http//www.resheniya–sudov.ru/2007/18751.
23. Kurs ugolovnogo prava. Obshhaya chast`. T 1. Uchenie o prestuplenii / pod red. N.F. Kuzneczovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Zerczalo, 1999. S. 180.
24. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast` Obshhaya. T. 1. L.: Izd-vo LGU, 1968. S. 258.
25. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast` / pod red. N.M. Kropacheva, B.V. Volzhenkina, V.V. Orexova. SPb.: Izd. dom SPbGU, 2006. S. 368.
26. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Verxovnogo Suda RF ot 30.01.2006 № 20-d05-15. C. 3. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tant Plyus».
27. Opredelenie SK Verxovnogo Suda RF ot 13 aprelya 1999 g. // BVS RF. 2000. № 9. S. 21.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Сабирзянова А.А.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цель: Исследование практических проблем наложения ареста на имущество в уголовном процессе с точки зрения соотношения интересов, преследуемых уголовным судопроизводством и процедурой банкротства.

Методология: Использовались сравнительный анализ, статистический и формально-юридический методы.

Результаты: В статье рассматривается соотношение прав и законных интересов потерпевших и лиц, не участвующих в уголовном процессе, но законодательно наделенных правом на получение удовлетворения своих требований за счет денежных средств, возможных к поступлению от реализации имущества, арестованного в рамках уголовного дела.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку в ней рассматриваются проблемы защиты прав лиц, признанных потерпевшими по уголовному делу, наравне с лицами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства и лишенными права на защиту имущественных прав, в результате наложения мер процессуального принуждения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, обеспечительные меры, наложение ареста на имущество, снятие ареста, банкротство, арбитражный управляющий.

Sabirzyanova A.A.

PRACTICAL PROBLEMS OF SEIZURE OF PROPERTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Purpose: Research of practical problems of seizure of property in criminal proceedings from the point of view of the balance of interests pursued by criminal proceedings and bankruptcy procedures.

Methodology: There was used comparative analysis, statistical and legal methods.

Results: The article examines the relationship between the rights and legitimate interests of victims and persons who are not involved in the criminal process, but are legally entitled to receive satisfaction of their claims at the expense of funds that may be received from the sale of property arrested in the framework of a criminal case.

Novelty/originality/value: The article is of high scientific value, since it examines the problems of protecting the rights of persons recognized as victims in a criminal case, on an equal basis with persons who are not participants in criminal proceedings and are deprived of the right to protect property rights as a result of the imposition of procedural coercion measures.

Keywords: criminal proceedings, interim measures, seizure of property, release of arrest, bankruptcy, bankruptcy commissioner.

Современный этап развития российского общества, связанный с реформированием всех сфер общественной жизни, органов государственной власти, характеризуется значительной активизацией правотворческих усилий, в том числе и в процессуально-правовой сфере. Практически складывается новая правовая система, обеспечивающая потребности дальнейшей демократизации всех сторон жизни российского общества, развития и охраны прав и свобод личности, становления и развития новых экономических механизмов [1, с. 113].

Институт обеспечения иска, получивший свое развитие в России в начале XVIII века [2], в настоящее время повсеместно применяется как в гражданском, так и в арбитражном и уголовном процессе. Наложение ареста на имущество как мера процессуального принуждения является гарантом возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления, следовательно, лица, признанные потерпевшими по уголовному делу, получают бесспорную защиту своих имущественных прав и законных интересов. Наличие привилегированного положения недопустимо при введении процедуры банкротства, целью которой является пропорциональное погашение требований кредиторов за счет вырученных от продажи имущества денежных средств, что, в свою очередь, свидетельствует о недопустимости наличия каких-либо ограничений по распоряжению имуществом. Возникающее в этом случае соотношение интересов, преследуемых уголовным судопроизводством и процедурой банкротства, должно иметь четкую регламентацию в целях недопущения нарушения прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Статистика удовлетворения судом ходатайств о применении меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве свидетельствует о том, что в среднем в 2019 году судами в рамках уголовного судопроизводства каждый день удовлетворялось 141 ходатайство о наложении ареста на иму-

щество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, что свидетельствует о востребованности указанной обеспечительной меры [3].

Ежедневное применение ареста имущества в целях защиты публично-правовых интересов и частноправовых отношений нередко приводит к выявлению пробелов и противоречий. Результаты анализа правоприменительной практики указали на то, что действующее законодательство предусматривает противоречивые подходы относительно порядка снятия наложенных в рамках уголовного дела обременений. Особенно часто препятствия по снятию ареста, наложенного на имущество в рамках уголовного процесса, возникают у арбитражных управляющих, осуществляющих свои права и обязанности в соответствии с законодательством о банкротстве.

Необходимо отметить, что выполнение обязанностей арбитражного управляющего является публичной деятельностью. Европейский суд по правам человека в постановлении от 14.01.2010 (дело Кротов против России № 54522/00) отметил, что назначенный арбитражным судом конкурсный управляющий является представителем государства, который под наблюдением суда осуществляет конкурсное производство [4].

Обеспечительные меры в виде ареста, накладываемого в уголовном процессе на имущество в целях исполнения приговора суда, являются неотъемлемой мерой реагирования на факт совершенного преступления. Однако при возникновении иных обстоятельств, в частности, таких как возбуждение дела о банкротстве, надлежит руководствоваться не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и иными нормами, направленными на регулирование специфичных правоотношений, поскольку однобокий подход к применению действующих мер приведет к необоснованному лишению кредиторов прав на удовлетворение возникших требований.

Для разрешения вопроса о надлежащем порядке снятия арестов, наложенных на имущество в рамках уголовного судопроизводства, необходимо рассмотреть соотношение ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ и ст. 126 ФЗ Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Согласно ч. 9 ст. 115 УПК РФ отмена ареста, наложенного на имущество, ставится под условие вынесения постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, в случае, когда отпала необходимость данной меры процессуального принуждения, истечения установленного судом срока или отказа в его продлении.

Действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) в противовес уголовно-процессуальным нормам не обуславливает снятие ареста необходимостью принятия специальных решений или наступления иных обстоятельств, связав в п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве момент снятия ареста с датой принятия решения о признании должника банкротом и открытия процедуры конкурсного производства. Аналогичная ситуация возникает при банкротстве физических лиц, в частности, в соответствии с п. 5 ст. 213.26 Закона о банкротстве с даты признания гражданина банкротом снимаются ранее наложенные аресты на имущество гражданина и иные ограничения по распоряжению имуществом гражданина.

Перечисленные нормы породили две позиции у правоприменителей. Согласно первой позиции нормы УПК РФ имеют приоритет над нормами Закона о банкротстве. Данный вывод нашел свое подтверждение в Определении Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Из указанного определения следует, что решение суда о признании должника несостоятельным (банкротом) не является безусловным основанием для снятия ареста с имущества [5].

Аналогичная позиция изложена в многочисленной судебной практике, в частности, в Постановлении Арбитражного Суда Московского округа от 20.11.2019 по делу № А40-13318/2019 [6], Постановлении Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 22.05.2020 по делу № А33-17085/2017 [7], Определении Арбитражного Суда Поволжского округа от 06.02.2018 по делу № А57-12126/2017 [8] арбитражные суды указывают, что вынесенное в рамках дела о банкротстве решение арбитражного суда не может являться основанием для снятия ареста, наложенного в качестве меры принуждения в уголовном процессе.

Сохраняя обременение, арбитражные суды, учитывая, что арест на имущество должника наложен не арбитражным судом, а судом общей юрисдикции по ходатайству следователя в связи с расследованием уголовного дела, указывают на отсутствие у арбитражного суда полномочий освобождать имущество от ареста, наложенного судом общей юрисдикции в рамках уголовного дела, и рекомендуют обратиться в суд общей юрисдикции.

Здесь же установлена еще одна особенность, вызванная наличием пробела в регулировании порядка снятия ареста, наложенного в рамках уголовного дела. Десятки изученных дел, возбужденных на основании ходатайств арбитражных управляющих о снятии ареста с имущества, свидетельствуют о том, что суды общей юрисдикции во всех случаях отказывают в удовлетворении ходатайства управляющего, указывая на необходимость сохранения ареста до разрешения заявленных гражданских исков, что полностью блокирует возможность арбитражного управляющего исполнять возложенные на него Законом о банкротстве права и обязанности и осуществлять мероприятия, направленные на удовлетворение требований кредиторов.

Представители, придерживающиеся второй позиции, считают, что факта признания Должника несостоятельным (банкротом) достаточно для снятия обременений, поскольку нормы действующего законодательства о банкротстве являются специальными по отношению к УПК РФ. В этой связи представляется интересной позиция С.И. Абрамова, указывающего, что УПК РФ, «будучи по своему статусу ординарным федеральным законом, не имеет преимущества перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов. Вместе с тем в случае коллизии между ними приоритетными должны быть признаны нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений» [9].

Более того, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31.01.2011 № 1-П указал, что часть третья статьи 115 УПК РФ во взаимосвязи с абзацем девятым пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве не предполагают сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество должника после введения процедуры конкурсного производства для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами. В целях достижения баланса интересов и недопущения привилегированного положения отдельных кредиторов представляется верной вторая позиция, поскольку именно Закон о банкротстве учитывает как публичные интересы, так и интересы отдельных лиц с учетом специфики процедур несостоятельности [10].

Таким образом, в силу прямого указания закона с даты принятия судом решения о признании должника банкротом аресты, наложенные на имущество, не признанное вещественным доказательством или подлежащим конфискации, снимаются без принятия отдельных судебных актов.

Указанные выводы подтверждаются также сложившейся судебной практикой. К примеру, Арбитражный Суд Северо-Кавказского округа в Постановлении от 15.08.2018 по делу № А63-23041/2017 указал, что доводы о том, что арест на имущество должника мог быть отменен только на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении этой меры отпадает необходимость, а погашение записей об аресте возможно только при вынесении судебного акта о снятии такого ареста, подлежат отклонению судом как основанные на ошибочном толковании норм материального и процессуального права [11]. К аналогичным выводам пришли Верховный Суд РФ в Определении от 15.02.2019 № 304-ЭС18-4037(4) [12], Арбитражный Суд Уральского округа в Постановлении от 23.12.2019 по делу № А50-4189/2019 [13], Первый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 13.12.2018 по делу № А38-4153/2018 [14], Арбитражный Суд Уральского округа в Постановлении от 15.12.2014 по делу № А50-1004/2014 [15], в Постановлении от 10.12.2019 по делу № А50-2223/2019 [16] и т. д.

Следовательно, при рассмотрении вопроса о прекращении обеспечительных мер, наложенных в рамках уголовного судопроизводства в целях обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий, приоритет необходимо отдать нормам Закона о банкротстве, поскольку в банкротном деле решается задача пропорционального распределения денежных средств, полученных в результате реализации имущества, входящего в конкурсную массу должника, среди кредиторов. Иной же подход повлечет нарушение прав и законных интересов кредиторов должника, поскольку он допускает возможность получения преимущественного удовлетворения требований лицами, признанными потерпевшими по уголовному делу.

Следовательно, сохранение ареста, наложенного для обеспечения исполнения гражданского

иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, недопустимо при банкротстве, поскольку процедура банкротства основана на принципах равенства удовлетворения требований кредиторов должника, в том числе не признанных потерпевшими по уголовному делу.

В заключение необходимо отметить, что отсутствие детальной регламентации процедуры снятия ареста привело к отсутствию единого подхода у правоприменителей не только при разрешении дела судами общей юрисдикции, но и в арбитражном процессе. В целях недопущения установления привилегированного положения лиц, признанных потерпевшими и заявившими гражданские иски в рамках уголовного дела, и лишения имущественных прав кредиторов в рамках банкротного дела целесообразно усовершенствовать нормы уголовно-процессуального законодательства, установив приоритет норм законодательства о банкротстве над нормами уголовно-процессуального права в целях защиты имущественных прав и законных интересов кредиторов должника и предотвращения возможности злоупотребления правом судами общей юрисдикции при рассмотрении вопроса о снятии обеспечительных мер в связи с введением процедуры банкротства.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов И.О., Верин А.Ю., Клюкова М.Е., Шагиева Р.В. Трансформация института приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 113–116.
2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М., 1991. С. 408–425, 432, 451–456.
3. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258.
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 14.01.2010 № 54522/00 по делу Кротов против России [Электронный ресурс]. URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kotov_v_Russia_14_01_2010.pdf.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
6. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 20.11.2019 по делу № А40-13318/2019.
7. Постановление Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 22.05.2020 по делу № А33-17085/2017.
8. Определение Арбитражного Суда Поволжского округа от 06.02.2018 по делу № А57-12126/2017.
9. Абрамов С.И. К вопросу о приоритете специальных норм законодательства о банкротстве в регулировании соответствующих правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2018. № 1. С. 59–66.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой».
11. Постановление Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 15 августа 2018 года по делу № А63-23041/2017.
12. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2019 № 304-ЭС18-4037(4).
13. Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 23.12.2019 по делу № А50-4189/2019.
14. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2018 по делу № А38-4153/2018.
15. Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 15.12.2014 по делу № А50-1004/2014.
16. Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 10.12.2019 по делу № А50-2223/2019.

References (transliterated)

1. Antonov I.O., Verin A.Yu., Klyukova M.E., Shagieva R.V. Transformaciya instituta priostanovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu v stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Ucheny`e trudy` Rossijskoj akademii advokatury` i notariata. 2018. № 4 (51). S. 113–116.
2. Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vekov. T. 4. M., 1991. S. 408–425, 432, 451–456.
3. Po danny`m Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258.
4. Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 14.01.2010 № 54522/00 po delu Krotov protiv Rossii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kotov_v_Russia_14_01_2010.pdf.
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.05.2012 № 813-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Sady`kova Il`gizara Yaxievicha na narushenie ego konstitucionny`x prav polozheniyami abzacza devyatogo punkta 1 stat`i 126 Federal`nogo zakona «O nesostoyatel`nosti (bankrotstve)», abzacza shestogo punkta 1 stat`i 16, punkta 3 stat`i 28 Federal`nogo zakona «O gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushhestvo i sdelok s nim», chastej tret`ej i devyatoj stat`i 115 i punkta 2 chasti pervoj stat`i 208 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii».
6. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Moskovskogo okruga ot 20.11.2019 po delu № A40-13318/2019.

7. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 22.05.2020 po delu № A33-17085/2017.

8. Opredelenie Arbitrazhnogo Suda Povolzhskogo okruga ot 06.02.2018 po delu № A57-12126/2017.

9. Abramov S.I. K voprosu o prioritete special`ny`x norm zakonodatel`stva o bankrotstve v regulirovanii sootvetstvuyushhix pravootnoshenij // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2018. № 1. S. 59–66.

10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31.01.2011 № 1-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chastej pervoj, tret`ej i devyatoj stat`i 115, punkta 2 chasti pervoj stat`i 208 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i abzacza devyatogo punkta 1 stat`i 126 Federal`nogo zakona «O nesostoyatel`nosti (bankrotstve)» v svyazi s zhalobami zakry`togo akcionernogo obshhestva «Nedvizhimost`-M», obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Solomatinskoe xlebopriemnoe predpriyatie» i grazhdanki L.I. Kostarevoj».

11. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 15 avgusta 2018 goda po delu № A63-23041/2017.

12. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 15.02.2019 № 304-E`S18-4037(4).

13. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Ural`skogo okruga ot 23.12.2019 po delu № A50-4189/2019.

14. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 13.12.2018 po delu № A38-4153/2018.

15. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Ural`skogo okruga ot 15.12.2014 po delu № A50-1004/2014.

16. Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Ural`skogo okruga ot 10.12.2019 po delu № A50-2223/2019.

Проведем оценку имущества для любых целей:

✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
✓ Движимого и недвижимого имущества
✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Абоян А.А.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Анализ проблем применения в уголовном судопроизводстве России такого способа альтернативного урегулирования споров, как медиация, а также места института медиации в системе уголовного процесса Российской Федерации.

Методология: В статье использованы сравнительно-правовой и формально-логический методы исследования.

Результаты: Обоснована нецелесообразность и невозможность внедрения в уголовное судопроизводство Российской Федерации процедуры медиации на данном этапе развития. Проведён сравнительно-правовой анализ института медиации с закрепленными в УК РФ институтами освобождения от уголовной ответственности. Дан критический анализ данных.

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Возможность внедрения такого альтернативного способа ведения судопроизводства по уголовным делам, как медиация, широко обсуждается в научной литературе: имеются как сторонники, так и противники нового института. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в феврале 2020 года обсуждал представление законопроекта, расширяющего возможности медиации в уголовном процессе, в свете чего актуальность исследования возрастает.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, уголовные правоотношения, процедура примирения сторон, процедура медиации.

Aboyan A.A

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE MEDIATION PROCEDURE IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: Analysis of the problems of using alternative dispute resolution methods such as mediation in Russian criminal proceedings, as well as the place of mediation in the criminal procedure system of the Russian Federation.

Methodology: Used in the article comparative-legal and formal-logical methods of research.

Results: The article substantiates the inexpediency and impossibility of introducing mediation procedures in the criminal proceedings of the Russian Federation at this stage of development. A comparative legal analysis of the Institute of mediation with the institutions of exemption from criminal liability established in the criminal code of the Russian Federation is carried out. A critical analysis of the data is given.

Novelty/**originality**/**value:** The possibility of introducing such an alternative method of conducting criminal proceedings as mediation is widely discussed in the scientific literature: there are both supporters and opponents of the new institution. In February 2020, the presidential Council for the development of civil society and human rights discussed the submission of a draft law that expands the possibilities of mediation in criminal proceedings, in light of which the relevance of the study increases.

Keywords: criminal law, criminal procedure, criminal matter, the procedure of reconciliation of the parties, the mediation process.

На сегодняшний день в российском юридическом сообществе достаточно много внимания уделяется различным способам альтернативного урегулирования споров, одним из которых является процедура медиации. Данная процедура в последние годы получила особое развитие как на международной арене, так и в Российской Федерации. Определённый акцент на возможности внедрения медиативных технологий в сферу уголовного законодательства делается в судейском, экспертном и академическом сообществе [1, с. 15].

Авторы определяют медиацию как процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особых процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора, а также как внесудебное урегулирование споров между субъектами при участии незаинтересованной стороны [2, с. 34–37]. Представляется, что медиацию в уголовном судопроизводстве можно определить как способ урегулирования конфликта, заключающийся в выработке взаимовыгодного соглашения между сторонами возникшего правоотношения с помощью привлечения независимого от участников уголовного судопроизводства посредника (медиатора) [6, с. 226].

Стоит отметить, что одной из отличительных особенностей процедуры медиации является то, что данная модель разрешения споров основана не на конфронтации, а на поиске консенсуса, то есть стороны спорного отношения не противо-

борствуют, а ищут взаимовыгодное решение. Процедура медиации не ставит своей целью выявить «виновную» сторону, она ставит своей целью достижение соглашения по всем спорным вопросам, которое будет максимально взаимовыгодным для каждой из двух сторон конфликта и сможет удовлетворить интересы обеих. А медиатор, как независимый посредник между сторонами спора, исходит из того, что каждый из участников возникшего спора прав со своей субъективной точки зрения, поэтому основополагающей целью медиации является выработка наиболее взаимоприемлемого решения.

На сегодняшний день в теории уголовного права существует проблема соотношения института примирения сторон и института медиации. По мнению ряда авторов, медиация является разновидностью примирения сторон [3, с. 118–120]. Данная точка зрения представляется ошибочной: указанная выше черта позволяет не отождествлять между собой процедуры примирения сторон и медиации. Прекращение уголовного дела на основании примирения сторон представляет собой некую «индульгенцию» за совершенное преступление при наличии определенных условий, при которых обвиняемое лицо признаёт свою вину, чего не представляется возможным говорить о процедуре медиации, суть которой сводится к полностью противоположному, а именно – к отсутствию виновной в конфликте стороны.

Ещё одна отличительная черта процедуры медиации кроется в следующем. Если основными действующими лицами «традиционного» уголовного процесса выступают государство и лицо, совершившее преступление, то в рамках медиации на первый план в качестве сторон в уголовном деле выступают потерпевший и правонарушитель. Как известно, любое совершенное преступление посягает не только на конкретного (непосредственного) потерпевшего (при его наличии) или его интерес, но и на общественные отношения – сложившуюся в обществе систему ценностей и связей [5, с. 181], которую каждое правовое государство призвано охранять и защищать. При совершении преступлений всегда нарушается публичный интерес, включающий в себя интерес государства в охране правопорядка и защиту прав и свобод личности. Особого внимания требует тот факт, что в процедуре примирения сторон государство играет ключевую роль, поскольку именно за судом остаётся право освобождения виновного от уголовной ответственности на основании примирения сторон возникшего конфликта (исключением являются уголовные дела частного обвинения, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, которые подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым), что свидетельствует об учёте публичного интереса. Отличие процедуры медиации в этом аспекте заключается в том, что она представляет собой совершенно иной механизм, в котором интерес государства не учитывается вовсе.

Из сказанного выше исходит, что применение процедуры медиации в уголовном судопроизводстве концептуально невозможно ввиду ряда причин.

Во-первых, процедура медиации всегда направлена на удовлетворение интересов двух сторон. Как известно, государство в лице органов государственной власти, должностных лиц и суда всегда выступает непосредственным участником уголовного правоотношения и в какой-то степени третьей стороной возникшего конфликта, чей публичный интерес всегда нарушается при совершении преступлений. Выше было отмечено, что целью медиации является достижение консенсуса между потерпевшей стороной и лицом, совершившим противоправное деяние, однако о каком консенсусе может идти речь в таких ситуациях, ведь, по сути, при удовлетворении интересов двух сторон всегда страдают интересы третьей – в данном случае государства. Применение процедуры медиации при таком расположении дел представляется невозможным, поскольку не происходит учёта мнения третьей стороны возникшего правоотношения, то есть государства.

Во-вторых, как отмечалось ранее, процедура медиации предполагает, что каждый из участников правоотношения является в своем контексте правым. Однако как можно говорить о верности позиции лица, совершившего преступление? Как в данном случае представляется возможным достижение такой цели уголовного преследования, как исправление лица, совершившего преступление, если мы потенциально допускаем совершенное им деяние частично верным, а его – в определённой степени правым? Применение процедуры медиации не дает ответов на эти вопросы.

В-третьих, представляется, что при внедрении процедуры медиации в уголовный процесс Российской Федерации она займёт один ряд с иными основаниями освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим возникает иной вопрос: если теоретическое различие двух вышеупомянутых процедур понятно, то в чём тогда будет проявляться практическое различие результатов проведения процедуры медиации и процедуры примирения сторон, если по сути оба институ-

та будут рассматриваться как основания для освобождения от уголовной ответственности? На наш взгляд, это является ещё одной проблемой применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве, свидетельствующей о нецелесообразности её внедрения в уголовный процесс Российской Федерации.

Наконец, в-четвёртых, особого внимания требует вопрос регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве России такого участника уголовного процесса, как медиатор. Вполне логично, что для реализации им своих основных функции в процедуре медиации он должен обладать определённой информацией, в частности, быть ознакомленным с материалами уголовного дела. На сегодняшний день это представляется невозможным, поскольку такой участник в УПК РФ не закреплён.

Однако особый интерес представляют существующие иные точки зрения о месте процедуры медиации в системе уголовного судопроизводства. В частности, в соответствии с одной из них достижение соглашения между правонарушителем и жертвой не является самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности, а представляет собой одно из смягчающих обстоятельств, которое может учитываться судом при вынесении приговора [4, с. 52]. Юридические последствия данного положения заключаются в том, что суд имеет основания для уменьшения размера наказания для правонарушителя. Впрочем, на наш взгляд, такой подход не применим как в уголовном судопроизводстве России, так и в целом в уголовных процессах иных стран, поскольку он нарушает один из принципов процедуры медиации – удовлетворение интересов одной из сторон, а именно лица, совершившего противоправное общественное деяние, и отсутствие виновной в споре стороны.

Наряду с вышеуказанным проблемами внедрения процедуры медиации в уголовное судопроизводство России, следует отметить, что распространение такого рода практики в нашей стране требует принятия комплекса мер организационного характера для реализации вышеназванного, в том числе изменения действующего законодательства, которое предусматривает применение процедуры медиации исключительно в гражданском судопроизводстве, административном судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах.

Во-первых, встаёт вопрос об оплате труда медиаторов. Предположим, что расходы должны нести стороны возникшего конфликта: в этой ситуации расходы на медиацию между несовершеннолетними преступником и потерпевшим не могут быть отнесены за счет сторон конфликта, медиация для них должна быть бесплатной. Ситуация исключительная, но всё же: речь идёт либо о прямой оплате труда медиатора со стороны государства, либо о частичной поддержке государством юридических лиц, специализирующихся на проведении медиации.

Во-вторых, в качестве основных проблем в теории называется недостаточный уровень подготовки медиаторов. Поскольку институт медиации относительно нов для распространения в сфере уголовных правоотношений, потребуется достаточно много времени для того, чтобы деятельность медиаторов стала практикоориентированной и эффективной для использования процедуры медиации в качестве альтернативного способа разрешения конфликтов в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, на основании вышесказанного представляется нецелесообразным и невозможным применение процедуры медиации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации на сегодняшний день.

Всё же, если предположить потенциальную возможность внедрения института медиации в уголовное право и уголовный процесс России, то следует отметить, что потребуется совершенно иная модель медиации, не характерная в чистом виде для данной процедуры, «деформированная» и в какой-то степени специфическая. На наш взгляд, модель медиации, применимая в уголовном процессе российской правовой системы, должна быть ориентирована лишь на определённый круг субъектов – правонарушителей, в частности, на несовершеннолетних, поскольку достигнутый в результате медиации консенсус представляет собой наиболее «мягкую» меру воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя, которая будет эффективна именно для воспитательного воздействия на него, чего нельзя сказать по отношению к иным лицам, совершающим преступления, которые представляют собой уже сформировавшуюся личность, не подвергающуюся каким-либо мерам воспитательного воздействия. Кроме того, если введение данного института в уголовный процесс Российской Федерации когда-либо станет возможным, то следует существенно ограничить круг тех составов преступлений, в которых проведение процедуры медиации будет допустимо, поскольку нельзя позволить, чтобы потенциальные преступники имели возможность чисто гипотетически считать

действия преступников в какой-либо степени правильными, это посеет своего рода хаос в уголовном праве в целом. И немаловажно в случае внедрения медиации в уголовное судопроизводство нашей страны продумать двухступенчатый механизм реализации медиации, в ходе которого будет осуществляться учёт публичного интереса.

Однако на сегодняшний день уголовное судопроизводство в нашей стране не испытывает острой потребности во введении медиативных процедур. Как отмечают некоторые авторы [7, с. 131–135], уголовный процесс в России ещё не исчерпал собственные механизмы урегулирования правоотношений.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 15.
2. Гуськова А.П., Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 34.
3. Дубровин В.В. Медиация в уголовном судопроизводстве России // Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях. М., 2017. С. 118.
4. Зудов Ю.В. Медиация по уголовным делам и перспективы ее развития в России // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 52.
5. Лопашенко Д.В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 181.
6. Редько Р.А. Медиация в уголовном процессе // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. М., 2019. С. 226.
7. Савченко А.Н., Уренева О.В. Медиация в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2015. № 25 (380). С. 175.

References (transliterated)

1. Arutyunyan A.A. Mediaciya v ugolovnom processe. M.: Infotropik Media, 2013. S. 15.
2. Gus`kova A.P., Matkina D.V. Mediaciya v ugolovnom processe // Rossijskij sud`ya. 2009. № 2. S. 34.
3. Dubrovin V.V. Mediaciya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Problemy` i perspektivy` yurisprudencii v sovremenny`x usloviyax. M., 2017. S. 118.
4. Zudov Yu.V. Mediaciya po ugolovny`m delam i perspektivy` ee razvitiya v Rossii // Monitoring pravoprimeneniya. 2016. № 4 (21). S. 52.
5. Lopashenko D.V. Sootnoshenie chastnogo i publichnogo v ugolovnom prave: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2018. S. 181.
6. Red`ko R.A. Mediaciya v ugolovnom processe // Teoreticheskie aspekty` yurisprudencii i voprosy` pravoprimeneniya. M., 2019. S. 226.
7. Savchenko A.N., Ureneva O.V. Mediaciya v ugolovnom processe // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2015. № 25 (380). S. 175.

EURASIAN LEGAL PORTAL
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Арзуманян Д.А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АДВОКАТА И НОТАРИУСА В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, А ТАКЖЕ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

Цель: Создание упрощенного механизма взаимодействия адвоката и нотариуса в рамках осуществления квалифицированной юридической помощи лицам, находящимся под стражей (а также лицам, отбывающим наказание в следственном изоляторе).

Методология: Использовались сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: Адвокат, выступая стороной и гарантом защиты прав и свобод своего доверителя, обязан исполнять свои обязанности разумно и добросовестно. Одним из механизмов правозащитной деятельности в отношении закрепления и фиксации юридически значимых обстоятельств является обращение к нотариусу за совершением нотариального действия. Ввиду существующих многочисленных правоприменительных проблем, связанных с организацией свидания нотариуса с лицом, находящимся под стражей, а также лицом, отбывающим наказание в следственном изоляторе, автором предлагается возможность «первичного» установления адвокатом волеизъявления лица, а также юридически значимых обстоятельств, а также упростить порядок оказания нотариусом квалифицированной юридической помощи путем осуществления разового выезда с готовым документом, подписание которого будет возможно лишь после полноценной и всеобъемлющей проверки волеизъявления и обстоятельств дела заявителя.

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку впервые в российском правоведении обоснована и выявлена связь нотариуса и адвоката в рамках осуществления правозащитной деятельности в отношении лиц, находящихся под стражей, а также лиц, отбывающих наказание в следственном изоляторе.

Ключевые слова: адвокатура, нотариат, правозащитная деятельность, лицо, находящееся под стражей, лицо, отбывающее наказание в следственном изоляторе.

Arzumanian D.A.

INTERACTION BETWEEN ADVOCATE AND NOTARIES IN THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS ACTIVITIES IN RELATION TO PERSONS IN CUSTODY, AS WELL AS PERSONS SERVING A SENTENCE IN A DETENTION CENTER

Purpose: Proposing solutions to the law enforcement problem of providing qualified legal assistance by lawyers and notaries to persons in custody (as well as persons serving a sentence in a pre-trial detention facility).

Methodology: Comparative-legal and formal-legal methods were used.

Results: The lawyer acting as a party and guarantor of the protection of rights and freedoms of his principal must perform his duties reasonably and in good faith. One of the mechanisms of human rights activities in relation to the fixation and fixation of legally significant circumstances is the application to a notary for a notarial action. In view of numerous law enforcement problems connected with the organization of notary's visit to the person who is in custody and the person serving his sentence in the detention center, the author suggests the possibility of «primary» establishment of will of the person and legally significant circumstances by the notary. to simplify the procedure of qualified legal assistance by notary, implementing one-time visit with a ready document which will be signed only after a full and comprehensive check of the will. This procedure will simplify the procedure of rendering qualified legal assistance by a notary, carrying out a single visit with a ready-made document, signing of which will be possible only after a full and comprehensive verification of the will and circumstances of the case of the applicant.

Novelty/**originality**/**value**: The article has a high scientific value, since for the first time in Russian jurisprudence the connection between notary and lawyer has been substantiated and revealed in the framework of the implementation of human rights activities in relation to persons in custody, as well as persons serving sentences in a pre-trial detention center.

Keywords: Bar, notary public, human rights activities, person in custody, person serving a sentence in a detention center.

Важным вопросом взаимодействия адвоката и нотариуса является оказание квалифицированной юридической помощи лицам, находящимся под стражей (а также лицам, отбывающим наказание в следственном изоляторе).

В юридическом литературе закрепилось расширительное толкование: лицо, признанное обвиняемым (подозреваемым), в рамках реализации конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи вправе требовать свидания с нотариусом для совершения нотариального действия [4, с. 56–65].

6 августа 2018 года было заключено Соглашение о взаимодействии между Управлением

Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве и Московской городской нотариальной палатой (далее – Соглашение). В 2019 г. заключено аналогичное соглашение с Магаданской областной нотариальной палатой, Ивановской областной нотариальной палатой, Приморской краевой нотариальной палатой.

Основное место в Соглашении занял вопрос совершения нотариусами нотариальных действий в следственных изоляторах города Москвы. В его рамках затрагиваются основные организационные и процедурные вопросы предоставления нотариальных услуг лицам, находящимся под стражей, а также лицам, отбывающим наказание в следственном изоляторе.

В Соглашении предусмотрено право нотариуса совершать нотариальные действия в любом из следственных изоляторов Москвы. Нотариус вправе совершить нотариальное действие по заявлению лица, находящегося под стражей, либо его представителя (адвоката).

Организация свидания нотариуса с заявителем требует соблюдения определенной процедуры. Оно возможно лишь с санкции уполномоченного органа (суда, в производстве которого находится дело, либо дознавателя / следователя).

Соглашение устанавливает график посещения нотариусами следственных изоляторов – еженедельно по вторникам (за исключением праздничных дней).

При поступлении заявления с просьбой о совершении нотариального действия от заявителя нотариус направляет ответственному должностному лицу отдела специального учета следственного изолятора сообщение об организации свидания. Также в сообщении указывается обязанность проверки наличия волеизъявления лица на свидание с нотариусом, в случае подтверждения которого уполномоченный орган назначает предполагаемую дату и время для совершения нотариального действия.

Соглашение содержит основания для отказа в совершении нотариусом нотариального действия:

– отсутствие у лица, содержащегося под стражей, документа, удостоверяющего личность;

– непредставление официального разрешения уполномоченного органа на организацию свидания (в случаях, если ее необходимость предусмотрена законом). Изучение правоприменительной практики позволило сделать вывод, что данное основание является наиболее распространенным в правоприменительной практике адвоката и нотариуса. Отсутствие перечня обстоятельств, препятствующих выдаче разрешения уполномоченным органом на свидание, провоцирует широкое усмотрение и превышение полномочий административного органа по выдуманным причинам. В частности, администрация следственного изолятора ссылается на отсутствие правовых норм, регулирующих порядок обеспечения допуска нотариуса к заявителю, а также помещений, позволяющих обеспечить сохранение тайны совершения нотариального действия, тем самым злоупотребляя полномочиями [5, с. 44–46];

– непредставление нотариусу документов и сведений, необходимых для совершения нотариального действия;

– при наличии у лица, содержащегося под стражей, заболевания, опасного для жизни или здоровья нотариуса.

Нотариус обязан иметь при себе документ, подтверждающий его полномочия (нотариально заверенная копия), и документ, удостоверяющий личность. Временно исполняющий обязанности нотариуса предъявляет также приказ территориального органа Министерства юстиции о наделении такого лица полномочиями.

Ответственное должностное лицо следственного изолятора сопровождает нотариуса, содействует в получении документа, удостоверяющего личность лица, содержащегося под стражей, а также обеспечивает личную безопасность нотариуса.

На практике возникают ситуации, когда следователь настаивает на своем присутствии в рамках совершения нотариального действия, мотивируя свою позицию необходимостью исключения возможности удостоверения нотариусом документа, позволяющего избежать ареста на имущество и другие ценности, принадлежащие лицу.

Основываясь на статье 5 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариусу необходимо разъяснить следователю и иным лицам о гарантиях нотариальной деятельности и тайне совершения нотариального действия, попросив покинуть помещение. Перед совершением нотариального действия нотариус общается с заявителем, устанавливает волеизъявление лица и существенные обстоятельства его вопроса, удостоверяется в правоспособности и дееспособности лица. Затем направляется в нотариальную контору для подготовки документа. Повторный выезд к заявителю возможен только через неделю, что вызывает множество проблем на практике. За такой промежуток времени могут возникнуть обстоятельства, не позволяющие совершить нотариальное действие, вплоть до отсутствия у лица волеизъявления заявителя на совершение нотариального действия.

Основная цель адвокатской деятельности – защита прав и свобод своего доверителя. Для исполнения своих обязанностей и разрешения спорных ситуаций, возникающих на практике, нами предлагается законодательное закрепление механизма взаимодействия адвоката и нотариуса в рамках правозащитной деятельности в отношении лиц, находящихся под стражей, а также лиц, отбывающих наказание в следственном изоляторе.

Адвокат общается с доверителем, оказывая квалифицированную юридическую помощь и помогая определиться с фактами, подлежащими юридическому закреплению. После установления всех обстоятельств дела адвокат передает всю полученную информацию нотариусу. Для того чтобы нотариус был уверен в том, что его изъяснения доверителя зафиксированы адвокатом верно, нами предлагается возможность фиксирования информации в письменном виде (путем подписания протокола фиксации информации сторонами) или, с согласия доверителя, записи разговора на аудионоситель (диктофон).

Удостоверившись в обстоятельствах дела и определив вид нотариального действия, которое подлежит совершению, нотариус готовит документ, проставляя на нем специальный QR-код. В соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 года, вступившим в силу 29 декабря 2020 года, специальная маркировка является неотъемлемой частью большинства документов. Данное нововведение связано с дополнительной защитой от подделок нотариальных документов. Каждый QR-код содержит информацию об основных реквизитах документа: сведениях о заявителе (представителе), виде нотариального действия, регистрационном номере, ФИО нотариуса, его нотариальном округе.

Простановка маркировки является сложной и привязывает нотариуса к рабочему месту. Она выводится на бумажном носителе исключительно после сохранения документа в Едином информационном реестре нотариата.

Заявитель ходатайствует о свидании с нотариусом, который посещает следственный изолятор с готовым документом и после общения с заявителем, проверки волеизъявления и установления всех обстоятельств совершает нотариальное действие.

Указанные нововведения в Соглашении позволят упростить процедуру совершения нотариальных действий в отношении лиц, находящихся под стражей, а также лиц, отбывающих наказание в следственном изоляторе, а также предоставят адвокату возможность обращения к большему количеству механизмов защиты прав и свобод своего доверителя.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.С., Александрова И.А. Особый порядок привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и освобождения от таковой // Уголовный процесс. 2017. № 6.

2. Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 111–123.

3. Галушкин А.А., Грудцына Л.Ю. Современные проблемы и тенденции адвокатуры. М.: РУДН, 2015.

4. Демина Н. В. Формирование и развитие нотариата в контексте эволюции государственности России: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.

5. Положение о соглашении об оказании юридической помощи // Адвокатская палата Челябинской области. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.advokat74.com/documents/90/1119.html.

6. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в России: история развития и современное состояние: монография. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2016.

7. Репин В.С. Настольная книга нотариуса (теория и практика). М.: Юрид. лит., 1994.

8. Рудич В.В. Судебные позиции по вопросу заключения под стражу лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности //Научный вестник Омской академии МВД России. Омск, 2015.

References (transliterated)

1. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Osoby`j poryadok privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel`skoj i inoj e`konomicheskoj deyatel`nosti i osvobozhdeniya ot takovoj // Ugolovny`j process. 2017. № 6.

2. Vershinin A.P. Sposoby` zashhity` grazhdanskix prav v sude. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. S. 111–123.

3. Galushkin A.A., Grudcyna L.Yu. Sovremenny`e problemy` i tendencii advokatury`. M.: RUDN, 2015.

4. Demina N. V. Formirovanie i razvitie notariata v kontekste e`volyucii gosudarstvennosti Rossii: istoriko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2010.

5. Polozhenie o soglashenii ob okazanii yuridicheskoj pomoshhi // Advokatskaya palata Chelyabinskoj oblasti. 2015 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.advokat74.com/documents/90/1119.html.

6. Ragulin A.V. Professional`ny`e prava advokata-zashhitnika v Rossii: istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie: monografiya. 2-e izd., stereotip. M.: FLINTA, 2016.

7. Repin V.S. Nastol`naya kniga notariusa (teoriya i praktika). M.: Yurid. lit., 1994.

8. Rudich V.V. Sudebny`e pozicii po voprosu zaklyucheniya pod strazhu licz, sovershivshix prestupleniya v sfere predprinimatel`skoj deyatel`nosti // Nauchny`ĭ vestnik Omskoĭ akademii MVD Rossii. Omsk, 2015.

Султанов А.Р.

ИСК О ПРИЗНАНИИ ОТСУТСТВИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ – УСТАНОВЛЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ФАКТА?

Цель: Исследование такого способа защиты, как признание задолженности отсутствующей, с материально правовой и процессуальной точек зрения.

Методология: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В статье проанализированы дореволюционные труды и труды советских и российских процессуалистов, допускавших использование такого способа защиты, как признание задолженности отсутствующей. Такой иск является иском о признании, и принудительная сила судебного решения по иску о признании не требует исполнительных действий, но связывает участников спора. Подача такого иска направлена на установление отрицательного факта. Бремя доказывания по данному иску возлагается на ответчика. В статье осуществлен анализ правоприменительной практики, показаны существующие проблемы при применении данного способа защиты. На основе этого анализа доказана эффективность такого способа защиты.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку специальному исследованию данный способ защиты не подвергался. Однако данный способ иногда является единственным эффективным средством защиты.

Ключевые слова: иск о признании, доказывание отрицательного факта, эффективный способ защиты, банкротство.

Sultanov A.R.

A CLAIM FOR RECOGNIZING THE ABSENCE OF DEBT – ESTABLISHING A NEGATIVE FACT?

Purpose: Study of such a method of protection as recognition of the debt as absent, from the substantive legal and procedural points of view.

Methodology: Historical and legal and formal legal methods were used.

Results: The article analyzes the pre-revolutionary works and the works of Soviet and Russian proceduralists who allowed the use of this method of protection. Such a claim is a claim for recognition and the enforceability of a judgment on a claim for recognition does not require enforcement action, but binds the parties to the dispute. The filing of such a claim is aimed at establishing a negative fact. The burden of proof in this claim lies with the defendant. The article analyzes the law enforcement practice and shows the existing problems in the application of this method of protection. Based on this analysis, the effectiveness of this method of protection is proved.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific and practical value, since this method of protection has not been subjected to special research. However, this method is sometimes the only effective remedy.

Keywords: a claim for recognition, proof of a negative fact, an effective method of protection, bankruptcy.

Происхождение в российском праве «исков о признании» можно в определенной степени связать с преюдициальными исками римского права [1]. Дореволюционным процессуалистам было известно, что «к спорам о праве гражданском относятся и иски о признании существования или несуществования юридического отношения, коль скоро истец, в данное время, имеет законный интерес в подтверждение сего отношения судом» [2]. То есть иски о признании негативного факта не являются изобретением XXI века, а имели место еще в XIX веке.

При рассмотрении иска о признании негативного факта крайне интересно распределение бремени доказывания, поскольку бремя доказывания в данных делах возлагается на сторону, утверждающую о наличии задолженности. Возможно, именно поэтому некоторые коллеги полагают, что иногда единственным эффективным средством защиты будет подача иска о признании кредитной задолженности отсутствующей [3].

Действительно, когда у тебя отсутствует задолженность, но другая сторона заявляет о ее наличии, то бремя доказывания ложится на доказывающую сторону, поскольку доказывание отрицательного факта по общему правилу признается невозможным. В практике судов общей юрисдикции иски о безденежности займа формулируются как иски о признании задолженности отсутствующей [4].

Возможность заявления иска о признании задолженности отсутствующей соответствует требованиям ст. 12 ГК РФ, в соответствии с которой защита гражданских прав осуществляется путем пресечения действий, создающих угрозу нарушения прав, а также путем признания права и прекращения правоотношения. Признание задолженности отсутствующей вносит правовую определенность в отношения сторон и может устранить пребывание под угрозой возможности предъявления требования задолженности при ее отсутствии и избавить от «статуса должника».

Для реализации некоторых гражданских прав наличие задолженности может быть препятствием.

В судах общей юрисдикции уже достаточно давно рассматриваются иски о признании задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг отсутствующей, обязании отозвать информацию о задолженности (Апелляционное определение Московского городского суда от 04.12.2012 по делу № 11-27208). Также заявление исков о признании задолженности отсутствующей достаточно часто применятся в кредитных отношениях.

В Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 января 2013 г. № 11524/12 были сформулированы следующие правовые позиции, которые воспроизводятся в судебных актах и в настоящее время: «Исходя из объективной невозможности доказывания факта отсутствия правоотношений между сторонами, суду на основании статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации необходимо делать вывод о возложении бремени доказывания обратного (наличие какого-либо правового основания) на ответчика».

После ликвидации ВАС РФ судебная практика в данной части осталась неизменной. В Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 октября 2015 г. № 305-КГ15-5805 также отражена идея о невозможности возложения бремени доказывания отрицательного факта: «Доказывая нелегитимность решения третейского суда, конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства «prima facie», подтвердив существенность сомнений в наличии долга, поскольку в противном случае на него налагалось бы бремя доказывания отрицательных фактов, что недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения».

Судебная практика также при распределении бремени доказывания указывает, что, «Исходя из объективной невозможности доказывания факта отсутствия правоотношений между сторонами, суду на основании статьи 65 АПК РФ необходимо делать вывод о возложении бремени доказывания обратного (наличие какого-либо правового основания для обогащения за счет потерпевшего) на ответчика (трансформация отрицательного факта для истца в положительный для ответчика)» (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 марта 2018 г. № Ф03-532/18 по делу № А59-834/2017; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 сентября 2020 года № Ф03-3637/2020; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26 августа 2020 г. по делу № А49-13605/2018, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2020 по делу А40-171950/2019 и многие другие).

Уже сложилась судебная практика рассмотрения исков о признании отсутствующей задолженности по договору энергоснабжения (Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2017 г. № 310-ЭС17-17037; Определение Верховного Суда РФ от 30 октября 2017 г. № 304-ЭС17-15967), в области арендных отношений (Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2018 г. № 307-ЭС18-15171).

Такой способ защиты права, как признание отсутствующей обязанности, применяется и в банкротных делах (Определение Верховного Суда РФ от 2 июля 2018 г. № 308-ЭС18-3841).

Существует также практика, где при рассмотрении вопроса о применении последствий недействительной сделки суд применяет такой способ защиты участника сделки, как признание отсутствующей обязанности. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 21 декабря 2015 г. № 309-ЭС14-5788 отражено: «…оспариваемые сделки признаны недействительными, применены последствия их недействительности в виде признания отсутствующей обязанности должника…».

Иски о признании в большинстве своем не направлены на совершение исполнительных действий, как отмечает С.А. Синицын, именно по причине отсутствия принудительной силы исполнения решения суда возможность применения иска о признании долгое время отвергалась советской судебной практикой [5]. Однако нельзя утверждать, что они не обладают принудительной силой. Как отмечают российские процессуалисты, и современные, и дореволюционные, принудительный характер решений исков о признании заключается в том, что оно само по себе связывает стороны, обязывает к определенному поведению, вытекающему из наличия или отсутствия спорного правоотношения [6]. Как писал М.А. Гурвич, «Иском о признании истец добивается подтверждения, т. е. установления определенности правоотношений, в случае оспаривания их существования или содержания, либо объема, в частности, их количественной стороны» [7]. «Исками о признании могут быть признаны лишь такие обращения к суду, которые направлены на установление определенности (только определенности) в вопросе о существовании или отсутствии известного правоотношения» [8], данный иск может быть соединен в один с иском о присуждении [9]. Причем иск о признании может успешно

применяться и для пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, а также и для защиты уже нарушенного права [10].

Доктринальное обоснование признания права отсутствующим как негативного иска о признании представлено в работах Р.С. Бевзенко [11], М.И. Брагинского, В.В. Витрянского [12].

В нашей собственной практике [13] мы столкнулись с ситуацией, когда конкурсные управляющие трех компаний, находящихся в процедуре банкротства, заявили ряд необоснованных требований, пытаясь в обособленных спорах рассматривать требования о признании сделок недействительными и применении последствий некоторых сделок, которые представляли собой части взаимосвязанных сделок. То есть была угроза рассмотрения частей сделок, а не в их единстве и взаимосвязи.

Заявленные встречные иски в банкротных делах не были приняты по мотиву того, что подача встречных исков в банкротных делах не предусмотрена. На наш взгляд, такое утверждение несколько не соответствует положениям АПК РФ, но, занимаясь долгое время проблематикой встречных исков [14–17], мы вынуждены были осознать, что суды вообще не любят принимать встречных исков и не любят никаких осложнений процесса. Безусловно, проблема встречных исков в банкротных делах требует отдельного исследования, и, выстраивая защиту, мы намеревались даже оспаривать неконституционность такого толкования, как ограничивающего нас эффективного средства защиты. Быть может, мы еще вернемся к этой теме, а здесь мы позволим себе ограничиться констатацией того факта, что проверочная инстанция не нашла нарушений закона при возвращении встречных исков в банкротных делах.

Полагаем, что отказ в принятии встречного иска – это предложение заявить иск в обычном порядке, иной подход означал бы отказ в судебной защите. Соответственно, отказ судьи, рассматривающего спор, в обособленном споре принять встречный иск означает признание права заявителя на подачу самостоятельного иска не в процедуре банкротства. Это можно рассматривать как своего рода отказ в собственной юрисдикции рассмотрения дела в банкротном деле. Даже если признать такой отказ ошибочным (однако при наличии обязательности вступившего в законную силу судебного акта его законность презюмируется), лица, которые настаивали на отказе в принятии встречного иска, не вправе в последующем утверждать, что заявление самостоятельного иска может нарушить их право на рассмотрение дела в том суде тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ), а именно только в банкротном деле.

Нечто подобное можно найти в трудах российских процессуалистов. Так Е.В. Васьковский писал, что «в действительности образ действий истца и ответчика может быть результатом не сознательного желания подчинить данное дело юрисдикции определенного суда, а просто ошибки или небрежности, если, например, истец обратился с иском в известный суд, ошибочно думая, что ответчик живет в округе этого суда, а ответчик пропустил срок на заявление отвода по небрежности. Следовательно, иск делается подсудным данному суду не потому, что состоялось молчаливое соглашение между сторонами, а потому, что ответчик не воспользовался предоставленным ему правом отвода» [18].

Полагаем, что те лица, которые возражали против принятия встречного иска, теряют право заявлять о непосудности дела другому судье в силу принципа эстоппеля [19]. Нормативной базой для применения принципа эстоппеля в процессуальном праве (процессуальный эстоппель) является часть 2 статьи 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Принцип эстоппеля предполагает утрату лицом права ссылаться на какие-либо обстоятельства в рамках гражданско-правового спора, если данная позиция существенно противоречит его предшествующему поведению, а также правилу venire contra factum proprium (никто не может противоречить собственному предыдущему поведению). Основным критерием их применения является непоследовательное, непредсказуемое поведение участника гражданского правоотношения. Принцип эстоппеля (estoppel) выражается в лишении стороны права ссылаться на какие-либо факты или отрицать их, исходя из ранее сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне. Иными словами, это общий запрет на противоречивое поведение сторон (в данном принципе был выражен подход, известный римскому праву: Allegans contraria non audiendus est – Тот, кто делает противоречивые заявления, не может быть услышан). Судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 8, 9 АПК РФ). При этом лица, участвующие в деле, должны пользоваться принадлежащими ими процессуальными правами добросовестно и не допускать злоупотребления ими (часть 2 статьи 41 АПК РФ). В силу статьи 1 ГК РФ при установлении, осущест-

влении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3), никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4) [20, 23].

Полагаем, что в настоящее время арбитражный суд, в который подано исковое заявление, признается компетентным, если ответчик не воспользовался правом заявить ходатайство о передаче дела в другой суд по надлежащей подсудности и обжаловать отказ в передаче по подсудности (ранее такой возможности не было) [21], несовершение указанных действий влечет за собой потерю права на возражение (эстоппель) в отношении подсудности спора (постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.02.2012 № 13104/11 и от 23.04.2013 № 1649/13).

Тем более, что спор был искусственно разбит на части, и эти раздробленные части одного дела рассматривались в отдельных трех банкротствах.

При таких обстоятельствах, на наш взгляд, единственным эффективным средством защиты была подача иска о признании задолженности отсутствующей ко всем лицам, участвовавшим в сделках, с заявлением всех обстоятельств, имеющих отношение к данным сделкам.

Подача такого иска показала правильность избранного способа защиты, поскольку фактически ни один из ответчиков даже не стал доказывать наличие задолженности, поскольку, рассматривая все элементы взаимосвязанных сделок в их совокупности, было очевидно, что они правом требования задолженности не обладают.

Арбитражный суд исковые заявления удовлетворил и решением от 17 июня 2020 года по делу № А65-22440/2019 признал задолженность истца перед ответчиками отсутствующей. Суд согласился с возможностью использования такого способа защиты, как заявление иска о признании задолженности отсутствующей, процитировав правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 04.07.2019 № 305-ЭС18-22976, согласно которой указанный способ защиты носит превентивный характер, направлен на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий.

В дальнейшем Ответчики данное решение не оспорили, а апелляция жалоба третьего лица была отклонена. Фактически наличие задолженности не доказывалось, а лишь ставилось под сомнение наличие такого способа защиты.

Суд апелляционной инстанции в Постановлении 24 сентября 2020 года отметил, что «Целью судебной защиты в данном случае является внесение правовой определенности в отношения сторон спора, а потому вывод о том, является ли избранный истцом способ защиты надлежащим применительно к статье 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьям 11, 12 ГК РФ, следует оценивать таким образом, насколько действия ответчиков создают существенные препятствия истцу для реализации его гражданских прав и (или) возлагают на него необоснованные обязанности. По результатам такой оценки суд первой инстанции пришел к выводу о том, что охраняемые законом интересы истца требуют судебного вмешательства на существующей стадии правоотношения, и, соответственно, выбранный способ защиты прав истца являлся в данном случае правомерным. Доводы заявителя жалобы о неисполнимости данного решения не могут быть приняты во внимание, поскольку таким исполнением, в сущности, является подчинение действий ответчиков судебному акту, которым констатирована правота истца в отношении объема его обязательства перед ответчиками».

Полагаем, что такой подход в полной мере соответствует российской процессуальной доктрине, расценивающей иск о признании как иск о судебном подтверждении правоотношения [2]. Иск о признании задолженности отсутствующей является иском об установлении отрицательного факта, и хотя он может быть очень неудобен для ответчиков, он все же не гадкий утенок российской юриспруденции, а эффективный способ внесения правовой определенности в отношения сторон. И иногда он является единственным эффективным способом защитить свои права.

Пристатейный библиографический список

1. Султанов А.Р. Можно ли предъявить в суде требование о признании незаконными действий коммерческих организаций // Арбитражная практика. 2010. № 12. С. 44–49.

2. Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. XIII.

3. Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М., 2016.

4. Гражданское право: в 2 т.: учебник. Т. 2. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Б.М. Гонгало. М., 2018.

5. Синицын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., 2015.

6. Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс. Саратов, 1998. С. 179.

7. Тютрюмов И.М. Устав гражданского судопроизводства с законодательными мотивами, разъяснени-

ями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. СПб., 1912. С. 1744.

8. Гурвич М.А. Учение об иске (состав, виды). М., 1981. С. 13.

9. Гурвич М.А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., 1961. С. 66.

10. Иск в гражданском судопроизводстве: сб. / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева; под ред. О.В. Исаенковой. (Автор главы 2 «Иски о признании, иски о присуждении, преобразовательные иски», главы 3 «Виды исков» – А.А. Демичев). М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Бевзенко Р.С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 4–30; № 6. С. 5–29; 2012. № 1. С. 4–34.

12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1998. С. 153.

13. Султанов А.Р. Иск о признании отсутствия задолженности как способ защиты // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И.В. Воронцовой. Казань, 2020. С. 225–229.

14. Султанов А.Р. Кому можно заявить встречный иск или толкование, ограничивающие средства защиты // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 225–246.

15. Султанов А.Р. Недопустимость подачи нескольких встречных исков – идол театра? // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 104–126.

16. Султанов А.Р. Подача второго встречного иска с точки зрения научной доктрины и АПК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 6. С. 116–125.

17. Султанов А.Р. Встречный иск при рассмотрении споров, вытекающих из публичных правоотношений // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 130–141.

18. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 154.

19. Султанов А.Р. Проблема судебных актов, вынесенных с нарушением подсудности и подведомственности // Вестник ФАС Северо-Кавказского округа. 2010. № 1. С. 140–153.

20. Постановление АС Уральского округа от 24.09.2018 по делу А50-17959/2016.

21. Султанов А.Р. Манипуляции с подсудностью // Закон. 2008. № 9. С. 103–119.

22. Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 45.

23. Постановление АС Уральского округа от 11.07.2019 А60-28990/2018.

References (transliterated)

1. Sultanov A.R. Mozhno li pred``yavit` v sude trebovanie o priznanii nezakonny`mi dejstvij kommercheskix organizacij // Arbitrazhnaya praktika. 2010. № 12. S. 44–49.

2. Gordon V.M. Iski o priznanii. Yaroslavl`, 1906. S. XIII.

3. By`chkov A.I. Aktual`ny`e problemy` sudebnogo razbiratel`stva. M., 2016.

4. Grazhdanskoe pravo: v 2 t.: uchebnik. T. 2. 3-e izd., pererab. i dop. / pod red. B.M. Gongalo. M., 2018.

5. Sinicyn S.A. Iskovaya zashhita veshhny`x prav v rossijskom i zarubezhnom grazhdanskom prave: aktual`ny`e problemy`. M., 2015.

6. Vikut M.A., Zajcev I.M. Grazhdanskij process. Saratov, 1998. S. 179.

7. Tyutryumov I.M. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva s zakonodatel`ny`mi motivami, raz``yasneniyami Pravitel`stvuyushhego Senata i kommentariyami russkix yuristov. SPb., 1912. S. 1744.

8. Gurvich M.A. Uchenie ob iske (sostav, vidy`). M., 1981. S. 13.

9. Gurvich M.A. Presekatel`ny`e sroki v sovetskom grazhdanskom prave. M., 1961. S. 66.

10. Isk v grazhdanskom sudoproizvodstve: sb. / O.V. Isaenkova, A.A. Demichev, T.V. Solov`eva, N.N. Tkacheva; pod red. O.V. Isaenkovoj. (Avtor glavy` 2 «Iski o priznanii, iski o prisuzhdenii, preobrazovatel`ny`e iski», glavy` 3 «Vidy` iskov» – A.A. Demichev). M., 2009. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

11. Bevzenko R.S. Gosudarstvennaya registraciya prav na nedvizhimoe imushhestvo: problemy` i puti resheniya // Vestnik grazhdanskogo prava. 2011. № 5. S. 4–30; № 6. S. 5–29; 2012. № 1. S. 4–34.

12. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo: Obshhie polozheniya. M., 1998. S. 153.

13. Sultanov A.R. Isk o priznanii otsutstviya zadolzhennosti kak sposob zashhity` // Transformaciya i cifrovizaciya pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij v sovremenny`x realiyax i usloviyax pandemii: kollektivnaya monografiya / pod red. I.V. Voronczovoj. Kazan`, 2020. S. 225–229.

14. Sultanov A.R. Komu mozhno zayavit` vstrechny`j isk ili tolkovanie, ogranichivayushhie sredstva zashhity` // Vestnik grazhdanskogo processa. 2017. № 6. S. 225–246.

15. Sultanov A.R. Nedopustimost` podachi neskol`kix vstrechny`x iskov – idol teatra? // Vestnik grazhdanskogo processa. 2015. № 2. S. 104–126.

16. Sultanov A.R. Podacha vtorogo vstrechnogo iska s tochki zreniya nauchnoj doktriny` i APK RF // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2015. № 6. S. 116–125.

17. Sultanov A.R. Vstrechny`j isk pri rassmotrenii sporov, vy`tekayushhix iz publichny`x pravootnoshenij // Vestnik grazhdanskogo processa. 2016. № 3. S. 130–141.

18. Vas`kovskij E.V. Uchebnik grazhdanskogo processa. M., 2003. S. 154.

19. Sultanov A.R. Problema sudebny`x aktov, vy`nesenny`x s narusheniem podsudnosti i podvedomstvennosti // Vestnik FAS Severo-Kavkazskogo okruga. 2010. № 1. S. 140–153.

20. Postanovlenie AS Ural`skogo okruga ot 24.09.2018 po delu A50-17959/2016.

21. Sultanov A.R. Manipulyacii s podsudnost`yu // Zakon. 2008. № 9. S. 103–119.

22. Gordon V.M. Iski o priznanii. Yaroslavl`, 1906. S. 45.

23. Postanovlenie AS Ural`skogo okruga ot 11.07.2019 A60-28990/2018.

Оленев А.Б.

ПРАВО АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПРИМЕНЯТЬ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ

Цель: Исследование вопросов регламентации применения адвокатом-защитником технических средств в рамках осуществления профессиональной деятельности.

Методология: Использовались формально-юридический метод и метод включенного наблюдения.

Результаты: Сделан вывод о том, что в целях обеспечения права адвоката-защитника на использование технических средств требуется дополнение ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прямым указанием на то, что адвокат вправе «при осуществлении адвокатской деятельности применять технические средства.».

Новизна/**оригинальность**/**ценность**: Статья обладает определенной научной ценностью, поскольку является современной попыткой рассмотреть важный для адвокатской деятельности вопрос.

Ключевые слова: адвокат, адвокат-защитник, права адвоката.

Olenev A.B.

THE RIGHT OF A DEFENSE LAWYER TO USE TECHNICAL MEANS IN THE COURSE OF ACTIONS CARRIED OUT IN THE FRAMEWORK OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

Purpose: To study the issues of regulating the use of technical means by a defense lawyer in the framework of their professional activities.

Methodology: The formal legal method and the method of participant observation were used.

Results: It was concluded that in order to ensure the right of a defense lawyer to use technical means, an addition and part 3 of Art. 6 of the Federal Law «On advocacy and the advocacy profession in the Russian Federation» with a direct indication that a lawyer has the right «to use technical means when carrying out advocacy».

Novelty/**originality**/**value**: The article has a certain scientific value, since it is a modern attempt to consider an issue important for advocacy.

Keywords: advocate, defense lawyer, lawyer's rights.

А.В. Рагулин обоснованно отмечает, что право адвоката-защитника на использование технических средств при производстве по уголовному делу является особо важным профессиональным правом, поскольку оно позволяет фиксировать значимую для стороны защиты процессуальную информацию, контролировать деятельность лиц, осуществляющих производство по делу, представлять объективные доказательства процессуальных нарушений и злоупотреблений, допускаемых этими лицами [18].

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат-защитник вправе фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну.

Несмотря на то, что право адвоката-защитника применять технические средства в ходе совершения действий, осуществляемых в рамках профессиональной деятельности, в том числе в рамках следственных действий, специально не прописано в ст. 53 УПК РФ, согласно п. 1 ч. 11 ст. 53 УПК РФ адвокат вправе использовать иные, не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты.

В ч. 2 ст. 166 УПК РФ указывается на то, что при производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. При этом в положениях данной нормы не указывается, что применять их вправе только следователь и не вправе применять адвокат- защитник.

На основании положений п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 241 УПК РФ адвокат-защитник вправе применять технические средства и в ходе судебного рассмотрения уголовного дела или каких-либо вопросов, возникающих в рамках досудебного производства по уголовному делу. Согласно ч. 5 ст. 241 УПК РФ лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись; проведение фотографирования, видеозаписи и (или) киносъемки допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании.

Отметим, что на основании приведенных выше положений закона технические средства адвокат вправе применять не только во время участия в процессуальных действиях, но и вне их, например для получения или отправки документов в электронном виде. Это стало особо актуальным ввиду пандемии коронавирусной инфекции.

Между тем следует обратить внимание на то, что право адвоката на использование технических средств при ознакомлении с материалами дел, по данным общественных объединений адвокатов, неоднократно нарушалось как органами следствия, так и судом. Так, Гильдия Российских адвокатов в принятых Рекомендациях о принятии мер по предупреждению нарушений профессиональных прав адвокатов в условиях действия особых правовых режимов, установленных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) [19], отмечает, что адвокаты в значительном числе случаев лишались возможности знакомиться с материалами дел до начала судебного заседания. Было отмечено, что в большинстве судов адвокатов пропускали в помещение суда по заранее заготовленным спискам, формируемым непосредственно перед судебным заседанием, либо только одновременно со следователями, обращающимися в суд с ходатайствами об избрании или продлении срока действия мер пресечения. Вследствие этого адвокаты без установленных законом оснований ограничивались в возможности подать жалобы, ходатайства и заявления, на практике имелись факты полного приостановления принятия судами документов в электронном виде, что не только искусственно препятствовало осуществлению профессиональной деятельности адвокатов в дистанционном формате, но и при необходимости срочной отправки корреспонденции подвергало опасности жизнь и здоровье адвоката, рискующего быть зараженным в переполненном посетителями почтовом отделении. Почтовые отделения при этом в значительном количестве временно приостановили прием корреспонденции, что создало дополнительные технические сложности при выполнении адвокатами своих профессиональных обязанностей. В связи с этим в Рекомендациях ГРА было обращено внимание на необходимость обратиться в Верховный Суд Российской Федерации с предложением обязать суды непрерывно осуществлять прием документов, поданных с помощью технических средств в электронном виде, а также с предложением о принятии организационных действий, направленных на возобновление приема адвокатов сотрудниками суда для ознакомления с материалами дел, рассматриваемых судами в период действия особых правовых режимов, без ограничения в допуске и по времени, в специальных помещениях, отвечающих требованиям санитарно-эпидемиологической безопасности [19].

Анализ результатов научных исследований [16, 18] и материалов, посвященных проблемам адвокатской деятельности [1], показывает, что основные проблемы в адвокатской деятельности, при отсутствии влияния на нее ситуации пандемии, возникают у адвокатов в связи с невозможностью применять технические средства для фиксации хода и результатов следственных действий. В судах до пандемии таких проблем, встречающихся в значительном количестве, не выявлено.

Позиция следственных органов, не позволяющих осуществлять применение технических средств, в последнее время стала находить поддержку у суда, либо суды фактически начали уклоняться от функции разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в рамках расследования уголовных дел.

Так, подзащитный пожаловался адвокату Г. на давление со стороны следователя в ходе внепроцессуального общения, после чего она письменно уведомила следователя о том, что намерена вести аудиозаписи следственных действий. В тот же день следователь вынес письменный отказ в использовании диктофона, обосновав запрет нормами УПК о полномочиях следователя и общими правилами производства следственных действий. По его мнению, решение об использовании средств аудиофиксации относится к компетенции следствия, а не защиты.

Адвокат обжаловала запрет в порядке статьи 125 УПК в Краснодарском гарнизонном военном суде. Первая инстанция встала на сторону следователя, признав запрет следователя законным, но адвокат подала апелляционную жалобу.

В итоге суд апелляционной инстанции отменил постановление, вынесенное первой инстанцией, однако при этом прекратил производство по делу. В постановлении суд апелляционной инстанции указал, что в порядке ст. 125 УПК могут быть оспорены лишь те действия должностных лиц, которые «порождают выходящие за рамки уголовно-процессуальных отношений последствия» и могут нарушить конституционные права адвоката и подзащитного. Вопреки мнению защитника, суд счёл, что запрет на использование диктофона таких последствий не порождает.

Вместо аудиофиксации суд предложил адвокату и обвиняемому реализовывать право на защиту путём внесения письменных замечаний в протоколы следственных действий.

При этом суд указал, что «утверждение автора апелляционной жалобы о том, что фактический запрет следователя на использование защитником технических средств аудиозаписи при производстве следственных действий нарушает гарантированное Конституцией право обвиняе-

мого защищаться любыми способами, не запрещенными законом, суд находит несостоятельным», однако при этом суд детально не пояснил, по какой причине он пришел к такому выводу [5].

В то же время адвокаты получили возможность надеяться, что вскоре в УПК РФ появятся подготовленные в 2018 г. рабочей группой «Развитие адвокатуры» Общероссийского гражданского форума под руководством А.В. Рагулина и В.В. Клювганта [2-8] поправки, прямо предоставляющие адвокату-защитнику право на применение технических средств в ходе следственных действий.

Так, в проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)», представленном Министерством юстиции Российской Федерации к общественному обсуждению 1 сентября 2020 г. [9, 10, 12], предложено п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, регламентирующей полномочия адвоката-защитника, изложить в следующей редакции: «6) знакомиться с документами, составленными до возбуждения уголовного дела с участием лица, в интересах которого выступает защитник, в ходе предварительного расследования знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, с постановлением о создании следственной (следственно-оперативной) группы, с протоколами следственных и иных процессуальных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, с которыми был ознакомлен либо должен был быть ознакомлен подозреваемый, обвиняемый и которые составлены в результате следственных и иных процессуальных действий, которые могут быть им обжалованы в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, выписывать из них любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии протоколов следственных действий и иных процессуальных решений, в том числе с помощью технических средств, до окончания предварительного расследования, а также вправе получать заверенные копии этих документов», а часть первую предложено дополнить пунктом 6.1 следующего содержания: «6.1) осуществлять аудио-, видеозапись следственного действия с участием подозреваемого, обвиняемого».

Наряду с этим, часть шестую статьи 166 УПК РФ предложено дополнить предложением следующего содержания: «При ознакомлении с протоколом участник следственного действия может выписывать из него любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии, в том числе с помощью технических средств», часть 4 статьи 189 предложено изложить в следующей редакции: «4. Допрос производится с обязательным проведением аудио- и (или) видеозаписи, материалы которой приобщаются к протоколу допроса и хранятся при уголовном деле». Аналогичное предложение о внесении изменений в ст. 192 УПК РФ имеется и применительно к очной ставке.

Однако на практике выявляется и другая тревожная тенденция: адвокатам запрещают не только пользоваться техническими средствами в рамках следственных действий, но и устанавливают такой запрет вне их рамок, вне рамок уголовного или иного процесса, что вступает в прямое противоречие с положениями п. 6 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ее взаимосвязи с положениями п. 7 ст. 6 закона, согласно которой адвокат вправе совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Так, к адвокату Д. были предъявлены претензии в форме искового заявления от регионального управления ФСИН за использование диктофона в разговоре с сотрудниками ФСИН на территории возле учреждения системы ФСИН [14], а адвокат Ж. был на основании протокола, составленного сотрудниками УФССП, привлечен по решению суда к административной ответственности по ст. 17.3 КоАП («Неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов») и оштрафован на 500 рублей за то, что он осуществил фотографирование в помещении суда [13].

Недобросовестные сотрудники правоохранительных органов нередко применяют административные способы ограничения прав адвоката на использование технических средств. Так, в Саратовской области ГУ МВД России по Саратовской области установило в Инструкции, предназначенной для служебного пользования, фактический запрет проносить адвокатам мобильный телефон в отделы полиции [17], в результате чего адвокаты, использовавшие телефоны в качестве технических средств, фактически утратили возможность их использования при производстве следственных действий и для фиксации иной информации, находясь в отделах полиции.

К счастью, суды в этом вопросе поддержали адвокатское сообщество.

Адвокат К. обратился в Саратовский областной суд с административным иском и просил признать данные пункты Инструкции недействующими.

Суд в решении указал, что из материалов дела следует, что К., имеющий статус адвоката, неоднократно посещал ГУ МВД РФ по Саратовской области, УМВД России по городу Саратову, СУ УМВД России по городу Саратову в качестве адвоката для проведения следственных действий, к нему предъявлялись требования о сдаче на хранение мобильных средств со ссылкой на оспариваемую Инструкцию, в связи с чем административный истец является субъектом отношений, регулируемых названным нормативным правовым актом.

Суд указал, что поскольку Инструкция распространяет свое действие на всех граждан, прибывающих с различными целями, устанавливает общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц, в том числе и на адвокатов, рассчитана на неоднократное применение, суд пришел к выводу, что в указанной части Инструкция содержит нормативные правовые положения, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, в связи с чем она подлежала официальному опубликованию, однако данные правила не были соблюдены УМВД по Саратовской области.

Далее суд, со ссылками на положения части 2 статьи 48 Конституции РФ, Международный пакт о гражданских и политических правах (подпункт «b» пункта 3 статьи 14), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (подпункты «b», «c» пункта 3 статьи 6), нормы УПК РФ (часть 1 статьи 16, пункт 11 части 1 статьи 53, пункт 1 части 3 статьи 86) указал, что существенным и неотъемлемым элементом права на помощь адвоката (защитника) является не только предоставление возможности содержащемуся под стражей обвиняемому (подозреваемому) непосредственного общения со своим защитником, но и возможности последнего оказать квалифицированную юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому) всеми средствами и способами, не запрещенными законом, и подчеркнул, что данное право служит для этих лиц гарантией осуществления других закрепленных в Конституции РФ прав – на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1), на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), на судебную защиту (статья 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3) – и находится во взаимосвязи с ними.

Суд отметил, что в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации, и указал, что, согласно подпункту 6 пункта 3 части 6 Закона № 63-ФЗ, адвокат вправе фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну, и подчеркнул, что в соответствии с пунктом 7 части 1 статьи 53 УПК РФ адвокат вправе снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, а также отметил, что аналогичные положения содержат ст. 54 ГПК РФ, ст. 56 КАС РФ, ст. 25.5 КоАП РФ.

Суд также отметил, что адвокату в целях оказания им квалифицированной юридической помощи разрешено использование технических средств фиксации (в рассматриваемом случае мобильный телефон являлся для истца техническим средством фиксации), каких-либо ограничений в их использовании законом не предусмотрено, а оспариваемые положения Инструкции не учитывают требования процессуального законодательства, регулирующего полномочия защитника, представителя, который вправе снимать за свой счет копии с материалов, в том числе с помощью технических средств, осуществлять свидания с лицом, которому требуется оказание квалифицированной защиты.

Суд установил, что, являясь ведомственным нормативным актом, Инструкция, по существу, допускает регулирование конституционного права на помощь адвоката (защитника), и при таких обстоятельствах суд заключил, что административное исковое заявление К. подлежит удовлетворению [11]. К сожалению в настоящее время решение суда отменено, ожидается новое рассмотрение дела.

Нам представляется, что во избежание аналогичных массовых нарушений прав адвокатов в будущем, как в Саратовской области, так и в других субъектах Российской Федерации, в целях обеспечения права адвоката-защитника на использование технических средств, наряду с обозначенными выше изменениями УПК РФ, требуется дополнение и ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» именно

прямым указанием на то, что адвокат вправе «при осуществлении адвокатской деятельности применять технические средства».

Пристатейный библиографический список

1. https://advstreet.ru.
2. https://civil-forum.ru/anons/30-maya-kruglyy-stol-obespechenie-neobkhodimykh-garantiy-advokatskoy-deyatelnosti.html?sphrase_id=7950.
3. https://civil-forum.ru/forums/2017/news/programma_ogf_2017_kruglyy_stol_advokatura_kak_institut_zashchity_prav_cheloveka.html?sphrase_id=7950.
4. https://civil-forum.ru/forums/2018/discuss/razvitie-advokatury-/.
5. https://civil-forum.ru/news/advokaty-vadim-klyuvgant-i-andrey-ragulin-o-zakonoproekte-ob-ukrepleniigarantiy-nezavisimosti-advok.html?sphrase_id=7950.
6. https://civil-forum.ru/news/eksperty-razrabatyvayut-izmeneniya-v-zakonodatelstvo-rasshiryayushchie-prava-advokatov.html?sphrase_id=7950.
7. https://civil-forum.ru/news/minyust-rf-podderzhivaet-predlozheniya-ekspertov-gruppy-razvitie-advokatury.html?sphrase_id=7950.
8. https://civil-forum.ru/news/predstaviteli-minyusta-i-verkhovnogo-suda-podderzhali-initsiativy-advokatskogo-soobshchestva.html?sphrase_id=7950.
9. https://legal.report/minjust-predlozhil-popravki-v-uk-i-upk-dajushhie-advokatam-besprecedentnye-prava-i-garantii/.
10. https://minjust.gov.ru/ru/events/48076/.
11. Архив Саратовского областного суда, дело № 3а-1029/2020.
12. https://pravo.ru/news/225326/.
13. Адвокат оштрафован за фотосъёмку нарушений охраны суда [Электронный ресурс]. URL: https://advstreet.ru/news/advokat-oshtrafovan-za-fotosyemku-narusheniy-okhrany-suda/.
14. Адвоката обвинили в использовании диктофона возле больницы ФСИН [Электронный ресурс]. URL: https://advstreet.ru/news/advokata-obvinili-v-ispolzovanii-diktofona-vozle-bolnitsy-fsin/.
15. Апелляция не увидела нарушения в запрете адвокату использовать диктофон [Электронный ресурс]. URL: https://advstreet.ru/news/apellyatsiya-ne-uvidela-narusheniya-v-zaprete-advokatu-ispolzovat-diktofon/.
16. Бардин Л. Право на аудиозапись // Адвокатская газета. 2010. № 17.
17. О свободном доступе адвоката в следственные органы с техническими средствами [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/news/fpa/o-svobodnom-dostupe-advokata-v-sledstvennye-organy-s-tekhnicheskimi-sredstvami-/.
18. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на использование технических средств: проблемные вопросы реализации и пути их решения // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2 (25). С. 8–12.
19. Рекомендации о принятии мер по предупреждению нарушений профессиональных прав адвокатов в условиях действия особых правовых режимов, установленных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) // Евразийская адвокатура. 2020. № 2 (45). С. 63–79.

References (transliterated)

1. https://advstreet.ru.
2. https://civil-forum.ru/anons/30-maya-kruglyy-stol-obespechenie-neobkhodimykh-garantiy-advokatskoy-deyatelnosti.html?sphrase_id=7950.
3. https://civil-forum.ru/forums/2017/news/programma_ogf_2017_kruglyy_stol_advokatura_kak_institut_zashchity_prav_cheloveka.html?sphrase_id=7950.
4. https://civil-forum.ru/forums/2018/discuss/razvitie-advokatury-/.
5. https://civil-forum.ru/news/advokaty-vadim-klyuvgant-i-andrey-ragulin-o-zakonoproekte-ob-ukrepleniigarantiy-nezavisimosti-advok.html?sphrase_id=7950.
6. https://civil-forum.ru/news/eksperty-razrabatyvayut-izmeneniya-v-zakonodatelstvo-rasshiryayushchie-prava-advokatov.html?sphrase_id=7950.
7. https://civil-forum.ru/news/minyust-rf-podderzhivaet-predlozheniya-ekspertov-gruppy-razvitie-advokatury.html?sphrase_id=7950.
8. https://civil-forum.ru/news/predstaviteli-minyusta-i-verkhovnogo-suda-podderzhali-initsiativy-advokatskogo-soobshchestva.html?sphrase_id=7950.
9. https://legal.report/minjust-predlozhil-popravki-v-uk-i-upk-dajushhie-advokatam-besprecedentnye-prava-i-garantii/.
10. https://minjust.gov.ru/ru/events/48076/.
11. Arxiv Saratovskogo oblastnogo suda, delo № 3a-1029/2020.
12. https://pravo.ru/news/225326/.
13. Advokat oshtrafovan za fotos``yomku narusheniy oxrany` suda [E`lektronny`j resurs]. URL: https://advstreet.ru/news/advokat-oshtrafovan-za-fotosyemku-narusheniy-okhrany-suda/.
14. Advokata obvinili v ispol`zovanii diktofona vozle bol`nicy FSIN [E`lektronny`j resurs]. URL: https://advstreet.ru/news/advokata-obvinili-v-ispolzovanii-diktofona-vozle-bolnitsy-fsin/.
15. Apellyaciya ne uvidela narusheniya v zaprete advokatu ispol`zovat` diktofon [E`lektronny`j resurs]. URL: https://advstreet.ru/news/apellyatsiya-ne-uvidela-narusheniya-v-zaprete-advokatu-ispolzovat-diktofon/.
16. Bardin L. Pravo na audiozapis` // Advokatskaya gazeta. 2010. № 17.
17. O svobodnom dostupe advokata v sledstvenny`e organy` s texnicheskimi sredstvami [E`lektronny`j resurs]. URL: https://fparf.ru/news/fpa/o-svobodnom-dostupe-advokata-v-sledstvennye-organy-s-tekhnicheskimi-sredstvami-/.
18. Ragulin A.V. Pravo advokata-zashhitnika na ispol`zovanie texnicheskix sredstv: problemny`e voprosy` realizacii i puti ix resheniya // Ucheny`e trudy` rossijskoj akademii advokatury` i notariata. 2012. № 2 (25). S. 8–12.
19. Rekomendacii o prinyatii mer po preduprezhdeniyu narushenij professional`ny`x prav advokatov v usloviyax dejstviya osoby`x pravovy`x rezhimov, ustanovlenny`x v svyazi s rasprostraneniem novoj koronavirusnoj infekcii (2019-nCoV) // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 2 (45). S. 63–79.

Проскурина Д.С., Хохлова М.И., Сафин Н.И.

СМЕРТОНОСНЫЕ АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЙ: БУДУЩЕЕ ВОЕННОЙ ИНДУСТРИИ ИЛИ УГРОЗА ПАДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА?

Цель: Рассмотрение актуальности норм международного гуманитарного права в контексте вызовов, которые возникают при создании смертоносных автоматизированных систем (САС). Исследование подходов к пониманию САС и возможных проблем, возникающих в сущностном, этическом и регулятивном аспектах исследования.

Методология: В процессе исследования были использованы сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также анализ и синтез.

Результаты: На основании проведенного исследования авторы пришли к выводу о том, что экспериментировать с возможностями САС третьего поколения в целях их потенциального регулирования – рискованный и малообдуманный шаг. Авторы полагают, что наиболее релевантным решением будет урегулирование САС методом прямого полного и императивного запрета, аналогичного тому, что на данный момент существует в отношении производства и применения химического оружия.

Новизна/оригинальность/ценность: В данный момент военные технологии развиваются стремительным образом, по всему миру ученые-юристы задают все больше вопросов по поводу правового регулирования искусственного интеллекта и не находят на них ответов. Потенциальному правовому регулированию такого рода систем применительно к военным действиям, где любая ошибка «мыслящей» машины может стоить человеческой жизни, необходимо уделить как можно больше внимания.

Ключевые слова: смертоносные автономные системы, международное гуманитарное право, искусственный интеллект, роботы-убийцы, военные действия, ответственность.

Proskurina D.S., Khokhlova M.I., Safin N.I.

LETHAL AUTONOMOUS WEAPONS SYSTEMS: THE FUTURE OF THE MILITARY INDUSTRY OR THE THREAT OF THE FALL OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW?

Purpose: To examine the relevance of international humanitarian law in the context of the challenges that arise in the creation of deadly automated systems (SAS). Investigation of approaches to understanding ASC and possible problems arising in the essential, ethical and regulatory aspects of research.

Methodology: Comparative legal, formal legal methods, as well as analysis and synthesis were used in the research process.

Results: On the basis of the conducted research, the authors came to the conclusion that experimenting with the capabilities of the third generation CAS in order to potentially regulate them is a risky and little thought-out step. The authors believe that the most relevant solution would be to settle the SAS by a direct, complete and mandatory ban, similar to what currently exists with regard to the production and use of chemical weapons.

Novelty/originality/value: At the moment, military technologies are developing rapidly, all over the world, legal scholars ask more and more questions about the legal regulation of artificial intelligence and do not find answers to them. The potential legal regulation of such systems in relation to military operations, where any mistake of the «thinking» machine can cost human life, needs to be given as much attention as possible.

Keywords: lethal autonomous systems, international humanitarian law, artificial intelligence, killer robots, military action, responsibility.

«Необходимо заняться этой проблемой прежде, чем сама проблема займется человечеством», – поставим этот постулат во главу угла, ведь его неоспоримость в данном исследовании является абсолютной и бесспорной. Действительно, стремление научно-технического прогресса к развитию и плавающая стабильность во внешнеполитических отношениях развитых стран приводят мировое общество к некому состязательному процессу по созданию все более совершенных боевых орудий. Пиком данного процесса стало появление проектов полностью автономных боевых роботов и, безусловно, вопросов, напрямую связанных с сочетанием международного права (в частности МГП) и существования такого рода технологий на поле боя. Несмотря на относительную новизну, данный вопрос уже является дискуссионным. В связи с реализацией Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, с 2014 г. обсуждается перспектива регулирования использования САС. Мы рассмотрим данный вопрос с точки зрения трех выделенных нами аспектов: сущностного, этического и регулятивного.

Сущностная проблематика

Наиболее часто в отношении подобного рода систем специалисты употребляют такие термины, как смертоносные автономные системы (САС), боевые автономные роботизированные системы (БАРС) или же робототехнические комплексы (РТК). Однако в данный момент перед нами не стоит вопрос высокопарной терминологии, поэтому остановим свой выбор на первом понятийном конструкте – САС.

В первую очередь для нас важно определить, чем являются рассматриваемые устройства по своему функционалу в настоящее время и во что их планируется превратить в ближайшей перспективе.

В самом простом понимании под автономным оружием можно подразумевать любую боевую систему, которая в той или иной степени работает без человеческого вмешательства – в воздухе, на море или на земле.

Интересно, что, с точки зрения Международного Комитета Красного Креста (МККК) – организации, которая стоит у истоков защиты МГП, любое оружие может быть смертоносным, поэтому МККК предпочитает употреблять термин «автономное / автоматическое оружие» без упоминания его смертоносных свойств. Однако в контексте данного исследования мы не можем согласиться с таким подходом и не принимать во внимание именно «смертоносность» автономного оружия, ведь в этом качестве, по нашему мнению, в большей степени кроется проблематика данного исследования. Ни для кого не будет открытием тот факт, что роботы в военном деле могут использоваться в самых разных целях, в том числе в качестве транспорта и т. д. Нас же интересуют именно возможность применения ими силы и необратимость последствий ее применения.

Представляется необходимым определять САС как оружие, которое способно самостоятельно обнаружить, идентифицировать и поразить цель. Таким образом, в центре внимания находятся так называемые критические функции оружия: определение, отслеживание, выбор и поражение цели [1; 14].

Почему же данная проблема так актуальна сейчас? Ведь беспилотная авиация применялась и в первую, и во вторую мировые войны, а в послевоенный период на вооружении армий мира появилось множество боевых автономных систем в самых разных сферах (в частности ПВО, охрана границ). Дело в том, что тогда вопрос об утрате человеческого контроля над применением силы и о возможных последствиях не стоял.

На данный же момент вопрос о степени автономности САС является одним из основных разногласий в данной области.

Российские военные эксперты создали классификацию, в соответствии с которой САС подразделяются на следующие виды:

– боевые роботы 1-го поколения с программным и дистанционным управлением, способные функционировать только в организованной среде (например, боевые беспилотные летательные аппараты, которые полностью управляются человеком с земли);

– боевые роботы 2-го поколения – адаптивные, имеющие своего рода «органы чувств» и способные функционировать в заранее неизвестных условиях, т. е. приспосабливаться к изменениям обстановки (частично управляются человеком при взлете, заправке и загрузке боеприпасов и иной необходимости, допускают человеческое вмешательство);

– боевые роботы 3-го поколения – интеллектуальные, имеют систему управления с элементами искусственного интеллекта (созданы пока лишь в виде лабораторных макетов) [1; 13; 14].

Естественно, можно тешить себя иллюзиями, живя в мире, где боевые роботы 3-го поколения – лишь плод смешливой научной мысли, однако существуют факты, которые вынуждают к вернуться к суровой реальности. Несмотря на то, что полностью автономные боевые роботы пока не являются полноценными участниками военных действий, прототипы такого вооружения давно разработаны. Миротворческая общественная организация Pax (Мир) [2] указывает на несколько реально существующих моделей оружия, способных работать на земле, под водой и в воздухе в автономном режиме без прямого управления человеком:

– наземный стационарный робот SGR-A1, оснащен гранатометом и автоматом, разработан южнокорейской компанией для контроля границы с Северной Кореей. Благодаря инфракрасным датчикам и программе распознавания движений робот может отслеживать злоумышленников и открыть по ним огонь как в автоматическом, так и в управляемом режиме [11];

– израильская разработка «Гарпия» – ракета, выпускаемая с наземного транспортного средства. Автоматически обнаруживает, атакует и уничтожает вражеские радиолокационные излучатели. Может проводить в воздухе до 9 часов в поисках цели;

– беспилотный стелс самолет «Нерон», разрабатываемый Францией, может находиться в авто-

номном режиме более 3 часов, предназначен для обнаружения и разведки наземных целей. Способен автоматически атаковать, самостоятельно устанавливая цели.

Позиция МККК по рассматриваемой проблеме неоднозначна. Эксперты не призывают полностью запретить развитие таких технологий ввиду отсутствия полной и достоверной информации об их возможностях [3]. Им видится, что создание такого вида вооружения внесет изменения в саму парадигму ведения военных действий и применения военных технологий, от чего нельзя отказываться на стадии прогнозирования. Однако мы полагаем, что ждать исчерпывающей информации о возможностях таких автономных интеллектуальных роботов может оказаться чрезмерно рискованным решением, ведь если речь идет о чем-либо неподвластном воле человека, то исследование возможностей такой системы может привести к катастрофическим последствиям для человечества. Данную позицию также поддерживает эксперт ООН К. Хайнс [4], который в своем докладе проводит мысль о введении моратория на «производство, сборку, передачу, приобретение, внедрение и использование автономных боевых роботов» до принятия специального механизма правового регулирования на международном уровне [5].

Проблема степени «интеллектуальности» смертоносной системы – этический аспект

Одной из ведущих проблем данной темы является вопрос о соблюдении САС уже устоявшихся норм международного права, в частности МГП.

Для соблюдения устоявшихся норм и принципов МГП необходимо, чтобы машины могли адекватно «оценивать» обстановку, стремительно реагировать на ее изменения и действовать, исходя из специфики обстоятельств. Международный Суд ООН вывел фундаментальный универсальный принцип, применимый для всех видов вооружений: воля государства в использовании вооружений не безгранична. На этом принципе Суд основывает два правила: 1) правило проведения различия – заключается в том, что гражданские лица не должны стать объектом нападения, а оружие, которое не в состоянии отличить комбатанта от некомбатанта, должно быть под запретом; 2) правило пропорциональности – запрету должно быть подвергнуто оружие, вызывающее ненужное страдание и наносящее больший урон, чем того требует достижение военных целей [6].

Будет ли способен интеллект робота провести должное различие между комбатантом и некомбатантом?

Казалось бы, основной постулат ясен: оружие, обладающее неизбирательным действием, согласно международному праву, запрещено. Следовательно, если САС квалифицировать в качестве такового, то их использование подпадает под данный запрет.

Но проблема не является столь односложной. Потенциально допустим вариант, при котором робота можно технически обучить способности отличать гражданское лицо от комбатанта по внешним признакам, но остается вопрос о возможности запрограммировать распознавание более сложных случаев, например когда комбатант сложил оружие и не способен принимать участие в военных действиях либо когда гражданское лицо принимает непосредственное участие в военных действиях.

Каким образом автоматический алгоритм сможет отличить мирного гражданина от военного, в случае если первый держит в руках оружие или используется в качестве живого щита, будучи заложником?

Для нас очевидно, что наличие интеллектуального фактора у неодушевлённой машины даже в самом идеальном его проявлении не сможет вобрать в себя эмоциональный аспект человеческой личности.

Проблема программирования состоит в том, что машину нужно обучить не способности видеть знаки отличия и эмблемы, а способности оценить поведение и поступки человека в конкретной ситуации.

На данный момент было предложено два весьма сомнительных пути преодоления данной проблемы.

Первый – написание алгоритма, согласно которому в случае возникновения у машины «сомнения» сила применяться не будет. Однако в этом случае ставится под сомнение концепция третьего поколения САС, способных действовать самостоятельно на основании исключительно собственных убеждений и понимания происходящего.

Второй – боевые автономные системы могли бы пройти тест на проведение различия. Так, в алгоритме робота будет записана программа, позволяющая поражать цель только после выстрела или атаки потенциального противника [7]. На наш взгляд, такой подход также сомнителен, ведь в этом случае эффективность боевого робота будет фактически обречена и нивелирована ожиданиями атаки противоборствующей стороны.

Таким образом, некоторые инженеры предлагают оставить оператора в контуре управления

САС, чтобы в случае необходимости он смог их деактивировать либо преобразовывать дальнейшие задачи на расстоянии. Думается, что данное решение является наиболее релевантным, несмотря на фактическое допущение того, что САС второго поколения могут быть более эффективны и применимы, нежели САС третьего поколения, к которым с каждым годом появляется все больше вопросов. Следующий из которых – вопрос ответственности.

Вопрос ответственности – регулятивный аспект

Кто будет нести ответственность в случае совершения неправомерных действий САС? Полагаем, что при разработке механизма привлечения к ответственности за действия САС следует иметь в виду, что контроль человека может быть установлен на различных стадиях: при создании и тестировании системы; в процессе принятия командующим или оператором решения об активации системы; в процессе операции, направленной на выбор и нападение на цель [12].

Исходя из этого, в юридической литературе называется несколько возможных субъектов преступлений: инженеры, участвующие в их разработке; программисты, закладывающие определенный алгоритм действий; изготовитель, осуществляющий сборку роботов; оператор, который привел оружие в действие, либо же командующий, который отдал приказ о приведении в действие [8]. Однако нам представляется весьма ироничным факт, что, ведя возвышенные дискуссии о «самообучаемых машинах», «мыслящих роботах», ученая мысль так и не смогла придумать регулятивный механизм несения ответственности непосредственно тем «актором», чья вина неоспорима, а причинно-следственная связь между действием и последствиями – пряма. Разрабатывать проекты регулирования и привлечения к ответственности лиц, непосредственно связанных с созданием такого рода «акторов», представляется нам противоречивым в контексте прогнозируемых умений САС. Нам видится, что в описываемом исследовании проблематика представляет собой некий груз на одной из чаш весов всем известной Фемиды, а амбиции стран, стремящихся к разработке и применению САС 3-го поколения, – противовес данному грузу. Рассуждая в таком ключе, мы считаем, что на данный момент нет решения лучшего, чем запрет создания и использования САС (в концепции их 3-го поколения) так же, как сегодня запрещено производство и применение химического оружия [9].

Однажды уступив контроль над решением, кому жить, а кому умирать, неодушевленной машине, человек может навсегда попрощаться с мирным небом над головой. Машина не способна осознать ни ценность человеческой жизни, ни значимость ее потери [10].

Пристатейный библиографический список

1. Козюлин В.Б., Ефимов А.Р. Новый Бонд – машина с лицензией на убийство // Индекс безопасности. 2016. № 1. С. 37–60.

2. Do killer robots exist? [Электронный ресурс]. URL: https://www.paxforpeace.nl/media/files/pax-booklet-killer-robots-what-are-they-and-what-are-the-concerns.pdf.

3. Автономные системы вооружений: серьезные последствия для будущего войны // Сайт MKKK. 2016. 6 мая [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/ru/document/avtonomnye-sistemyvooruzheniy-cereznye-posledstviya-dlya-budushchego-voyny.

4. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, A/HRC/23/47 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf.

5. Поволоцкий Г. Автономные боевые роботы – будет ли новая гонка вооружений? // Международная жизнь. 2015. 19 августа [Электронный ресурс]. URL: https://interaffairs.ru/news/show/13621.

6. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1992–1996. Нью-Йорк, 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1992-1996-ru.pdf.

7. Искусственный интеллект превзошел военных пилотов. 29.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://nplus1.ru/news/2016/06/29/Daisy-Bell.

8. Making the Case: The Dangers of Killer Robots and the Need for a Preemptive Ban // Human Rights Watch, International Human Rights Clinic. 2016. 9 Dec. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hrw.org/report/2016/12/09/making-case/dangers-killer-robots-and-need-preemptiveban.

9. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (принята 13 января 1993 г.).

10. Сычев В. Кто-то должен воевать // N+1 [Электронный ресурс]. URL: https://nplus1.ru/material/2018/09/05/war-robots-laws.

11. Петрова Д.А., Гайворонская Я.В., Мамычев А.Ю. Смертоносные автономные системы: этические, юридические, политические проблемы и перспективы их решения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 4. С. 33–41.

12. Скуратова А.Ю., Королькова Е.Е. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 22–30.

13. Макаренко С.И. Робототехнические комплексы

военного назначения – современное состояние и перспективы развития // Системы управления, связи и безопасности. 2016. № 2. С. 73–132.

14. Автономные системы вооружений: решения об убийстве или уничтожении целей – ответственность людей // Сайт МККК. 2016. 11 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.icrc.org/ru/document/avtonomnye-sistemy-vooruzheniy-resheniya-ob-ubiystve-iliunichtozhenii-celey-otvetstvennost.

References (transliterated)

1. Kozyulin V.B., Efimov A.R. Novy`j Bond – mashina s licenziej na ubijstvo // Indeks bezopasnosti. 2016. № 1. S. 37–60.

2. Do killer robots exist? [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.paxforpeace.nl/media/files/pax-booklet-killer-robots-what-are-they-and-what-are-the-concerns.pdf.

3. Avtonomny`e sistemy` vooruzhenij: ser`ezny`e posledstviya dlya budushhego vojny` // Sajt MKKK. 2016. 6 maya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.icrc.org/ru/document/avtonomnye-sistemyvooruzheniy-cereznye-posledstviya-dlya-budushchego-voyny.

4. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, A/HRC/23/47 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf.

5. Povoloczkij G. Avtonomny`e boevy`e roboty` – budet li novaya gonka vooruzhenij? // Mezhdunarodnaya zhizn`. 2015. 19 avgusta [E`lektronny`j resurs]. URL: https://interaffairs.ru/news/show/13621.

6. Konsul`tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda OON ot 8 iyulya 1996 g. po voprosu o zakonnosti ugrozy` yaderny`m oruzhiem ili ego primeneniya // Kratkoe izlozhenie reshenij, konsul`tativny`x zaklyuchenij i postanovlenij Mezhdunarodnogo Suda. 1992–1996. N`yu-Jork, 1998 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-1992-1996-ru.pdf.

7. Iskusstvenny`j intellekt prevzoshel voenny`x pilotov. 29.06.2016 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://nplus1.ru/news/2016/06/29/Daisy-Bell.

8. Making the Case: The Dangers of Killer Robots and the Need for a Preemptive Ban // Human Rights Watch, International Human Rights Clinic. 2016. 9 Dec. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.hrw.org/report/2016/12/09/making-case/dangers-killer-robots-and-need-preemptiveban.

9. Konvenciya o zapreshhenii razrabotki, proizvodstva, nakopleniya i primeneniya ximicheskogo oruzhiya i o ego unichtozhenii (prinyata 13 yanvarya 1993 g.).

10. Sy`chev V. Kto-to dolzhen voevat` // N+1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://nplus1.ru/material/2018/09/05/war-robots-laws.

11. Petrova D.A., Gajvoronskaya Ya.V., Mamy`chev A.Yu. Smertonosny`e avtonomny`e sistemy`: e`ticheskie, yuridicheskie, politicheskie problemy` i perspektivy` ix resheniya // Territoriya novy`x vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i servisa. 2019. T. 11. № 4. S. 33–41.

12. Skuratova A.Yu., Korol`kova E.E. Smertonosny`e avtonomny`e sistemy` vooruzhenij: problemy` mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2019. № 1 (124). S. 22–30.

13. Makarenko S.I. Robototexnicheskie kompleksy` voennogo naznacheniya – sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya // Sistemy` upravleniya, svyazi i bezopasnosti. 2016. № 2. S. 73–132.

14. Avtonomny`e sistemy` vooruzhenij: resheniya ob ubijstve ili unichtozhenii celej – otvetstvennost` lyudej // Sajt MKKK. 2016. 11 aprelya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.icrc.org/ru/document/avtonomnye-sistemy-vooruzheniy-resheniya-ob-ubiystve-iliunichtozhenii-celey-otvetstvennost.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА «РУССКИЙ ДОМ»

Русский дом» является юридической и имеет богатый опыт оказания юридических услуг в России и в Азии. офисах «Русского дома», расположенных в основных финансовых центрах РФ, Европы и Азии, работает свыше 100 юристов. Офис фирмы «Русский дом» был открыт в Москве в 2005 г. В московском офисе работает 15 юристов, в том числе 4 партнера, 2 из которых являются гражданами Российской Федерации. Помимо российских специалистов в московском офисе работают юристы из Италии, Люксембурга, Швейцарии, Китайской народной республики, Японии, Южной Кореи, Саудовской Аравии, ОАЭ. Специалисты московского офиса имеют уникальный опыт работы во всех сферах финансового, корпоративного, административного, налогового и международного частного права России, Италии, Люксембурга, КНР, Южной Кореи, Японии. Уже более 10 лет в фирме существует специальный отдел, который занимается судебными и арбитражными разбирательствами. Одними из основных достоинств «Русского дома» являются наличие богатого опыта заключения коммерческих сделок в Российской Федерации и глубокое понимание российской правовой системы, которые дополняются обширным международным опытом фирмы. «Русский дом» является одной из немногих юридических фирм, которая предоставляет весь комплекс юридических услуг своим клиентам.

«Русский дом» имеет богатый опыт консультирования по любым вопросам всех отраслей права.

Юридическая фирма «РУССКИЙ ДОМ Международные Юристы»
Тел. +7(495) 211 41 88 +7 903 109 71 50
mt@rhlawi.com , www.rhlawi.ru , www.rhlawi.com

Гармаев Ю.П.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОМПЛАЕНС: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ

Цель: Обоснование необходимости содержательного, междисциплинарного наполнения антикоррупционных комплаенс-программ в компаниях частного сектора экономики.

Методология: Использованы аналитический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и просветительский подход.

Результаты: Доказано, что в рамках создания междисциплинарной концепции антикоррупционного комплаенса в России составляющей этой концепции являются достижения наук криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, включая специально адаптированные знания из криминалистических характеристик и частных методик расследования различных коррупционных преступлений, в том числе совершаемых в коммерческих организациях.

Новизна/оригинальность/ценность: Впервые приводятся доводы в пользу того, что антикоррупционные комплаенс-программы могут быть эффективно реализованы при помощи опытных адвокатов, специализирующихся на защите и представительстве по уголовным делам о должностных и коррупционных преступлениях, антикриминальной защите бизнеса.

Ключевые слова: антикоррупционный комплаенс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, коррупционные риски, междисциплинарный подход, противодействие коррупции, адвокат-защитник, незаконное уголовное преследование, защита от обвинения.

Garmaev Y.P.

ANTI-CORRUPTION COMPLIANCE: CRIMINALISTIC AND OPERATIONAL SEARCH ASPECTS

Purpose: Justification of the need for a meaningful, interdisciplinary filling of anti-corruption compliance programs in companies in the private sector of the economy.

Methodology: Analytical, formal legal, comparative legal methods and educational approach were used.

Results: It is proved that within the framework of the creation of an interdisciplinary concept of anti-corruption compliance in Russia, a component of this concept is the achievements of the sciences of forensic science and operational-search activity, including specially adapted knowledge from forensic characteristics and private methods of investigation of various corruption crimes, including those committed in commercial organizations.

Novelty/originality/value: For the first time, arguments are made in favor of the fact that anti-corruption compliance programs can be effectively implemented with the help of experienced lawyers specializing in defense and representation in criminal cases of official and corruption crimes, anti-criminal protection of business.

Keywords: anti-corruption compliance, criminalistic, operational-search activities, corruption risks, interdisciplinary approach, anti-corruption, defense lawyer, illegal criminal prosecution, defense from prosecution.

В конце XX – начале XXI века все бóльшая роль в предупреждении коррупции и некоторых других видов противоправной деятельности стала отводиться бизнес-сообществу. В компаниях негосударственного сектора экономики всего мира началось постепенное внедрение антикоррупционного комплаенса. Данный процесс не оставил в стороне и российские, в первую очередь крупные, компании [8, с. 7].

По мнению Э.А. Иванова, антикоррупционный комплаенс представляет собой процесс управления, который позволяет определять применимые правовые нормы, выявлять и оценивать коррупционные риски, создавать локальные нормы организации с учетом этических принципов, а затем принимать меры, направленные на соблюдение организацией и взаимодействующими с ней лицами правовых норм, локальных норм организации и профилактику коррупционных рисков [12, с. 15].

В монографии «Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты» нами (мной и моими соавторами Э.А. Ивановым и С.А. Маркунцовым) обосновывается тезис о том, что одним из недостатков развития антикоррупционного комплаенса как на научном, так и на практическом уровне является сведение его к набору формальных управленческих стандартов и процедур. То есть форма преобладает над сущностью, содержанием. Антикоррупционный комплаенс рассматривается как один из элементов корпоративного управления и не более того. При этом роль антикоррупционного комплаенса как эффективного механизма предупреждения коррупционных преступлений отходит на второй план. Для устранения названного

недостатка необходимо содержательное наполнение антикоррупционных комплаенс-программ и обучение сотрудников компаний, нацеленное на предотвращение коррупционных деяний. Необходимо создание междисциплинарной концепции антикоррупционного комплаенса, основанной на использовании достижений наук международного права, уголовного права, криминологии, а также криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Остановимся кратко на вкладе двух последних наук в концепцию [8, с. 8].

Частью 1 ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» в России установлена обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции. Соответственно, исходя из требований закона, уполномоченные подразделения и лица (любых организаций) должны знать, сами информировать и просвещать руководство и весь коллектив, как минимум, по поводу того:

– какими бывают коррупционные преступления и иные правонарушения применительно к деятельности их организации, как их отличать от правомерного поведения;

– какими бывают типичные проявления конфликта интересов, подделки документов применительно к их организации, сфере ее деятельности и деятельности контрагентов.

Но это лишь самый общий и неполный перечень необходимых знаний и компетенций, если исходить только из требований названного закона. Более полный перечень знаний и компетенций позволяет сформировать анализ иных нормативных правовых актов. Например, к числу основных задач органов внутреннего контроля некредитных финансовых организаций (НФО) относится разработка внутренних документов, направленных, в том числе, на:

– противодействие коммерческому подкупу и коррупции;

– противодействие мошенничеству (внешнему и внутреннему);

– выявление конфликта интересов и управление им в деятельности НФО;

– информирование и обучение работников НФО в отношении регуляторного риска (т. е. риска возникновения убытков из-за несоблюдения требований законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов и нормативных актов Банка России, стандартов саморегулируемых организаций, внутренних документов НФО; см. Концепцию ниже), а также значения функции внутреннего контроля в НФО (п. 3.4.3 Концепции [16]).

От органов внутреннего контроля НФО требуется также принятие мер по противодействию коррупции в целом, включая, но не ограничиваясь политикой нетерпимости в отношении подарков и представительских расходов (п. 5.3).

Чтобы успешно решать эти задачи, органы управления НФО, как и любой иной организации, структурные подразделения и должностные лица, выполняющие функции в рамках системы внутреннего контроля, должны по крайней мере знать, как обычно совершается коммерческий подкуп, внешнее и внутреннее мошенничество применительно к НФО, как дарятся неправомерные подарки и осуществляются неприемлемые «представительские расходы». Только на основе этих знаний можно эффективно осуществлять информирование и обучение работников НФО.

Все эти знания носят междисциплинарный характер и относятся к предметной области целого ряда юридических наук антикриминального цикла: уголовного права, криминологии, криминалистики, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. К сожалению, все эти науки в настоящее время чрезмерно обособились по отношению друг к другу. Усугубляется пресловутый «разрыв между теорией и практикой», межотраслевых исследований крайне мало. Применительно к антикоррупционному комплаенсу таковых исследований нет вообще.

Кроме того, из перечисленных нормативных положений вытекает, что уполномоченные подразделения и лица компаний должны обладать знаниями, умениями и навыками в части эффективного применения современных методик антикоррупционного просвещения. Проще говоря, мало знать, например, что такое коррупционные преступления, иные правонарушения. Нужно знать, какие из этих и иных преступных посягательств наиболее актуальны в контексте антикоррупционного комплаенса, как они выявляются и раскрываются и, главное, как их эффективно предотвратить в компании. В то же время нужно уметь учить всему этому других людей, вообще не обладающих юридическими познаниями.

Представляется очевидным, что подавляющее большинство руководителей и уполномоченных сотрудников компаний по определению не обладают, да и не могут обладать столь широким спектром междисциплинарных знаний, умений и тем более личным профессиональным опытом. Антикоррупционные просветительские занятия, проводимые сотрудниками правоохранительных органов и учеными, преподавателями юридических вузов, имеют свои особенности. Первые,

хорошо зная антикоррупционную практику на местном уровне, как правило, не утруждают себя советами, полезными для бизнеса, и изложением материала доступным языком. Вторые, хорошо ориентируясь в теоретических положениях, не всегда обладают надлежащим практическим опытом и прикладными знаниями. С доступностью языка тоже бывают проблемы.

В этой связи недооцененными представляются услуги опытных адвокатов, специализирующихся на защите и представительстве по уголовным делам о должностных и коррупционных преступлениях, антикриминальной защите бизнеса. Такие специалисты хорошо мотивированы к проведению антикоррупционных мероприятий и комплаенс-процедур, обладают надлежащим опытом, знаниями и, как правило, хорошо понимают важность доступного изложения столь сложного материала [1]. Данная статья во многом является теоретической основой для их подготовки к работе в рамках антикоррупционного комплаенса.

Основные криминалистические и оперативно-розыскные источники для антикоррупционного комплаенса

Итак, проведем краткий обзор криминалистических и оперативно-розыскных источников для формирования содержательной стороны антикоррупционного комплаенса.

В традиционной структуре науки криминалистики существует завершающий – четвертый – раздел под названием «Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений». В этом разделе одной из наиболее разработанных является группа методик расследования преступных коррупционных посягательств [2; 3; 6; 22; 24; 26]. Речь идет о методиках, посвященных отдельным видам коррупционной преступности, исходя как из уголовно-правовой квалификации (расследование взяточничества, коммерческого подкупа и т.п.), так и, например, из сфер деятельности: методика расследования коррупционных преступлений в сфере закупок, в правоохранительных органах, в коммерческих организациях и т. п. Каждая из этих методик состоит из двух частей:

– криминалистическая характеристика соответствующей преступной деятельности: данные о типичных субъектах, способах, следах, обстановке преступлений и других элементах;

– собственно рекомендации по их выявлению, расследованию и предупреждению (то же самое можно сказать об оперативно-розыскных методиках – менее развитой, но от того не менее полезной научной категории).

Примерно аналогичную структуру имеют и так называемые оперативно-розыскные методики. Они включают оперативно-розыскную характеристику преступлений и собственно методические рекомендации. Если кратко, то, в отличие от методик криминалистических, в оперативно-розыскных разработках связующим звеном между элементами является агентурно-оперативный аспект [19]. Значительная часть оперативно-розыскных методик носит секретный характер. Они менее разработаны, чем криминалистические методики, хотя сходны по содержанию. Для целей антикоррупционного комплаенса, вероятно, должны использоваться как первые, так и вторые.

Обе части криминалистических методик – характеристика преступлений и собственно методика их расследования – ценнейший и пока совершенно невостребованный источник, кладезь полезной информации для содержательной стороны антикоррупционного комплаенса. Однако источник этот вряд ли получится использовать непосредственно. Причина проста. Соответствующие разработки адресованы профессиональным участникам уголовного процесса со стороны обвинения – прежде всего оперативным сотрудникам и следователям. Этот источник информации, вернее его содержание, подлежит глубокой переработке и адаптации криминалистами-разработчиками для целей:

– профессиональной подготовки уполномоченных подразделений и лиц, например компаенс-офицеров;

– организации и проведения профилактических мероприятий для менеджмента и сотрудников организаций.

Переработанный и адаптированный по специальным методологическим правилам контент может информировать указанные целевые аудитории о следующем:

– как совершаются коррупционные преступления в целом и в бизнес-секторе в частности. При этом недопустимо представлять эти сведения в качестве неких «инструкций по совершению преступлений и уклонению от уголовной ответственности». Информация излагается в этом разделе в контексте того, какими могут быть попытки вовлечения добросовестных сотрудников в преступную деятельность; каковы негативные последствия преступной деятельности для этих лиц и всей организации;

– какие типичные заблуждения существуют применительно к коррупционной преступной деятельности, а также применительно к работе правоохранительной системы; чем вредны эти за-

блуждения и как их преодолеть, развенчать. Например, многие ошибочно считают, что запись переговоров, произведенная до возбуждения уголовного дела и без судебного решения, не может иметь доказательственного значения;

– как выявляются, раскрываются и расследуются преступные посягательства в контексте: а) неотвратимости уголовного преследования; б) негативных последствий, которые повлечет оно (уголовное преследование) для компании и конкретного менеджера, сотрудника; в) средств и методов защиты от незаконных и / или некомпетентных действий отдельных сотрудников правоохранительных органов.

Последний пункт нуждается в дополнительных пояснениях. Предотвращение коррупционных преступлений требует исследования уголовно-правовых рисков, в том числе необоснованных. Так, П.С. Яни и Н.В. Прохоров, цитируя А.Э. Жалинского, указывают: «В целом необоснованность риска означает возможность: а) применения уголовно-правовой нормы без законного фактического основания; б) расширительного толкования нормы; в) неправильной уголовно-правовой оценки деяния; г) незаконного или несправедливого наказания... При этом к уголовно-правовым факторам риска относятся те, которые дают возможность принятия незаконного и несправедливого решения, но не связаны напрямую с открытым нарушением предписаний уголовного закона [10; 27]. Авторы как специалисты в области уголовного права ограничились предметом лишь этой науки. Задача создания междисциплинарной концепции антикоррупционного комплаенса позволяет шире взглянуть на проблему и рассмотреть, в том числе, криминалистические и оперативно-розыскные факторы риска. Речь идет, например, о рисках проведения против менеджмента и сотрудников компании незаконных оперативно-розыскных мероприятий, применения провокаций, фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности и т. п.

В контексте необоснованных рисков сотрудникам уполномоченных подразделений организаций и их руководителям важно изучать и глубоко понимать сущность и содержание феномена так называемого «обвинительного уклона» как ментальной установки и разновидности неправомерных действий отдельных сотрудников полиции, иных правоохранительных органов и суда.

Итак, содержательная сторона антикоррупционного комплаенса должна включать достаточно распространенные закономерности необоснованного уголовного преследования (а также незаконных оперативно-розыскных мероприятий), следственных и судебных ошибок, неправомерных действий конкурентов в рыночной среде, а также клеветы со стороны недобросовестных лиц и СМИ. Все эти риски актуальны для менеджмента (прежде всего) и сотрудников компаний и, соответственно, должны быть эффективно минимизированы.

В жестком современном мире необходимо учитывать, что в России, как и во многих иных, в том числе развитых, странах, организации и их сотрудники, включая иностранные компании, могут быть обвинены в коррупции в целях их дискредитации и выдавливания с рынка.

Как верно отметил Э.А. Иванов, на фоне мирового экономического кризиса экстратерриториальное применение антикоррупционного законодательства (прежде всего, США и Великобритании) к иностранным компаниям может не только способствовать международной борьбе с коррупцией, но и использоваться заинтересованными странами в качестве эффективного метода пополнения бюджетов. В этой связи риски экстратерриториального применения к российским компаниям иностранного антикоррупционного законодательства будут возрастать [8, с. 60–61]. Иными словами, пресловутый обвинительный уклон может проявляться не только на национальном, но и на международном уровне.

Таким образом, принимаемые компаниями антикоррупционные политики должны учитывать и ситуации необоснованных рисков, для чего не только максимально соответствовать требованиям законодательства государств, в которых компания ведет свой бизнес, но и обеспечивать должный уровень защиты от незаконного и необоснованного уголовного и иного преследования.

Однако считаем недопустимым прямо или косвенно поддерживать формирование негативного имиджа сотрудников правоохранительных органов. Ошибки и нарушения закона случаются в любой профессиональной деятельности. Факты незаконного и необоснованного привлечения к уголовной и иной юридической ответственности физических лиц и компаний имеются как в России, так и в иных, в том числе в экономически развитых странах мира [28; 29].

Сотрудничество с правоохранительными и иными государственными органами также является одним из элементов антикоррупционного комплаенса. В частности, своевременное информирование правоохранительных органов, а также подразделений собственной безопасности различных организаций, может позволить защитить

компанию от вымогательства и иных противоправных действий, предотвратить серьезные негативные последствия для конкретной компании, ее руководителей и сотрудников.

В России эти и многие иные обстоятельства могут быть учтены судом как смягчающие ответственность в рамках дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 КоАП РФ [4].

Все эти сведения междисциплинарного характера должны формулироваться и излагаться, транслироваться не в традиционном (для ученых-юристов и правоприменителей), а в принципиально ином – просветительском – формате, кратком и доступном для сотрудников уполномоченных подразделений и должностных лиц организаций, а также для широких слоев населения. В методологическом контексте данный формат есть результат применения специфического исследовательского подхода, в рамках которого сложная и объемная по содержанию информация после некоего теоретико-методологического обоснования излагается упрощенно и кратко с учетом типовых задач «целевой аудитории».

Криминалистическая и оперативно-розыскная характеристика коррупционных преступлений в контексте антикоррупционного комплаенса

Как верно заметил Э.А. Иванов, обобщая мировые антикоррупционные практики, нередко в процессе применения компанией соответствующей комплаенс-программы выясняется, что описанные в ней политики и процедуры не учитывают существующие в той или иной стране коррупционные риски, модели и схемы совершения коррупционных преступлений и правонарушений. Основные этические принципы и ценности компании должны быть сформулированы понятным гражданам языком с учетом их социальных и культурных особенностей. Только в этом случае антикоррупционная комплаенс-программа имеет перспективу получить поддержку сотрудников и реально начать работать в различных странах [8, с. 63].

В Российской Федерации, в отличие от множества иных стран, задача описания коррупционных рисков, способов и иных элементов моделей преступной коррупционной деятельности в определенном смысле упрощается в результате активного развития ряда наук антикриминального цикла, разрабатывающих эти модели в рамках самостоятельных теорий и учений. Так, одной из таких теорий в криминалистике является частная теория криминалистической характеристики преступлений (в большинстве экономически развитых стран мира в криминалистике как в науке не уделяется должного внимания методикам расследования преступлений и, соответственно, их криминалистической характеристике).

Одно из множества определений криминалистической характеристики (далее – КХ или КХП) гласит: «Это система сведений (информации) о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида (группы), отражающая закономерные связи между ними, способствующая диагностике следственных ситуаций, определению направлений расследования, выдвижению и проверке следственных версий для решения конкретных задач расследования» [18, с. 501].

Опуская все дискуссии, отметим, что в науке нет единства ни по поводу понятия, ни по поводу структуры типовой КХП. Вместе с тем большинство авторов-криминалистов включают в нее в качестве элементов:

1. Сведения о распространенности преступного деяния;

2. Данные о личности типичного преступника, а если есть потерпевшие, то и о них;

3. Данные о типичных способах преступления;

4. Данные о типичных следах и следовых картинах, иные данные, имеющие значение для расследования отдельных видов и групп преступлений [5, с. 221–224; 9, с. 330–331].

По поводу оперативно-розыскной характеристики преступлений (далее – ОРХ или ОРХП) подходы к определению ее понятия также весьма разнообразны. Так, А.В. Никитин понимает под ней информационную модель, построенную на основе обобщения данных о признаках уголовно-правового, криминологического, криминалистического и оперативно-розыскного характера (где агентурно-оперативный аспект является связующим звеном) определенной категории преступлений и предназначенную для разработки наиболее эффективного комплекса приемов и методов оперативно-розыскной деятельности по противодействию этим преступлениям [21, с. 62].

Вновь опуская научные дискуссии, отметим, что обобщение данных из многочисленных диссертационных и иных монографических работ [15; 17] показывает, что чаще всего в структуру ОРХП включаются:

– динамика и общие характеристики преступности, при необходимости и региональный ее компонент;

– особенности квалификации соответствующего вида преступления;

– способы преступлений, включая подготовку, совершение и сокрытие, их следы;

– предмет преступного посягательства, потерпевшие (если есть);

– обстановка совершения преступлений, рассматриваемая как в широком, так и в узком смысле;

– особенности личности типичного преступника, его мотивы и цели, организованные формы преступности данного вида и др. [7].

За исключением уголовного права, где структуру характеристики можно считать устоявшейся (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), представители наук антикриминального цикла высказываются по поводу поливариантности структур КХП и ОРХП. Например, В.Г. Неклюдов отмечает: «Система сведений, составляющих содержание ОРХП, не может быть представлена универсальной и статистической структурой, пригодной для всех видов преступлений и абсолютной во временном отношении» [20, с. 14]. С этой позицией следует согласиться и ее можно считать устоявшейся в науке.

Простое формальное сопоставление элементов типовых структур уголовно-правовой, криминалистической, криминологической и оперативно-розыскной характеристик указывает на их явное сходство. Тот же вывод можно сделать о содержании некоторых сходных элементов отраслевых характеристик. При этом наибольшее сходство в общем содержании и в сущности отдельных элементов наблюдается между криминалистической и оперативно-розыскной характеристиками преступлений. Однако специфика ОРД, кроме прочего, заключается в применении преимущественно негласных форм и методов, которые в минимальной степени учитываются в криминалистике и игнорируются в уголовном праве и криминологии. «То, что принято в литературе по теории ОРД рассматривать как «характеристику сил и средств», при углубленном подходе оказывается своеобразным массивом информации, отражающим возможности агентуры, оперативников по негласному получению информации, в том числе и характеристику их разведывательных возможностей» [25, с. 616]. Особое место в ОРД занимают проблемы совершенствования работы с лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим ОРД, и особенно оперативно-розыскное обеспечение их безопасности при решении задач ОРД [23, с. 57].

Итак, уголовное право, криминология, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность изучают одни и те же явления, а именно – преступления и лиц, их совершивших. Однако каждая наука изучает эти явления с позиции «собственных интересов», под различным углом зрения, в зависимости от направленности каждой из них.

Для решения комплекса задач, связанных с разработкой и внедрением программ подготовки и повышения квалификации сотрудников, отвечающих за антикоррупционный комплаенс, а также методик антикоррупционного обучения остальных сотрудников компаний, необходимо применять обозначенный выше подход, заключающийся в переработке достаточно сложной, профессионально изложенной (для юристов-криминалистов) и объемной информации в краткой и упрощенной форме. Иными словами, содержательные элементы антикоррупционого комплаенса в части криминалистической и оперативно-розыскной характеристик преступлений должны быть изложены доступным языком и с учетом специфического адресата. Этот адресат стремится получить, прежде всего, прикладные рекомендации, причем особого свойства. В отличие от следователей и оперативных сотрудников (а также прокуроров и судей), которым прежде всего адресуется все существующее криминалистическое и оперативно-розыскное научное знание, перед руководством и сотрудниками компаний не стоят задачи выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений, наказания виновных. Их задачи носят профилактический характер, а инструментарий в известной мере специфичен, что в обязательном порядке должно быть учтено разработчиками содержательной стороны антикоррупционного комплаенса.

Например, любой управленец в коммерческой или иной организации даже интуитивно понимает, что получать незаконное вознаграждение («откат») опасно. Некоторые понимают, что это не просто противоправно, а преступно – запрещено ч. 5–8 ст. 204 УК РФ (составы получения коммерческого подкупа). Однако мало кто из управленцев знает, что преступным является и злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ). Например, тот же управленец остережется получать коммерческий подкуп, но не всегда проявит должную осмотрительность в следующей криминальной ситуации.

Генеральный директор ООО заключает сделку от имени организации на условиях, заранее невыгодных, по заниженным или по завышенным ценам, зачастую без согласования с участниками ООО, с контрагентами, которые подконтрольны ему лично. В результате ООО терпит убытки, а контрагенты и / или сам генеральный директор –

имущественную выгоду [13; 14; 11]. Предположим, что следователи и оперативные сотрудники не выявили и не доказали коммерческий подкуп в действиях генерального директора. Возможно, он и не совершал этого преступления. Но, вероятно, он, не осознавая этого, при прочих равных условиях совершил злоупотребление полномочиями – ст. 201 УК РФ. Правоохранители основным направлением расследования выберут доказывание этого преступления и множества эпизодов, ему подобных.

Чтобы успешно профилактировать эти и подобные преступления, органы управления, структурные подразделения и должностные лица, выполняющие функции в рамках системы антикоррупционного комплаенса, во взаимодействии с опытными адвокатами с соответствующей специализацией должны проводить антикоррупционные просветительские мероприятия, разъясняя доступным языком криминалистическую характеристику коррупционных преступлений, а также средства и методы их эффективного выявления и расследования в контексте, как уже отмечалось, неотвратимости наказания, демонстрации негативных последствий уголовного преследования, а также возможностей защиты от незаконных и / или некомпетентных действий отдельных сотрудников правоохранительных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Адвокатское бюро «Criminal Defense Firm» (уголовная защита). г. Москва [Электронный ресурс]. URL: https://www.criminaldefense.ru/ru/.
2. Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений): науч.-практич. пособ. М.: Эксмо, 2009.
3. Башмаков И.С. Особенности первоначального этапа расследования коррупционных преступлений, совершаемых представителями органов местной власти. М.: Юрлитинформ, 2007.
4. Бейкер Макензи, 2019. Отчет о результатах исследования практики применения ст. 19.28 КоАП РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.bakermckenzie.com/ru/insight/publications/2019/11/corporate-anti-corruption-enforcement.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: Проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
6. Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuaj.net/node/2490.
7. Гармаев Ю.П., Гаджиев В.Э. Теоретические основы формирования оперативно-розыскной характеристики преступлений и ее разграничение со смежными научными категориями // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: матлы III Всерос. науч.-практ. конференции (21.11.2014). Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ. 2015. С. 27–36.
8. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2020.
9. Герасимов И.Ф. Общие положения методики расследования преступлений: Криминалистика: учебник для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994.
10. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
11. Злоупотребление полномочиями. Ст. 201 УК РФ // Официальный сайт специализированной коллегии адвокатов «ЭкКорп-Защита», г. Москва [Электронный ресурс]. URL: https://prestuplenia.net/articles/authorities.html.
12. Иванов Э.А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС. М.: Юриспруденция, 2015.
13. Кассационное определение Ростовского областного суда по делу № 22-9035 от 28.10.2010.
14. Кассационное определение Ростовского областного суда по делу № 22-6998 от 19.09.2012.
15. Коварин Д.А. Оперативно-розыскное противодействие корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым в сфере экономики: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005.
16. Концепция организации системы внутреннего контроля для некредитных финансовых организаций (утв. Банком России). 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/27671/inf_note_oct_3117.pdf.
17. Коробейников В.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с вымогательством: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.
18. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2014.
19. Мазунин Я.М., Кудрявицкий А.С. О соотношении понятий криминалистической и оперативно-розыскной методик // Оперативник (сыщик). 2010. № 3. С. 51–55.
20. Неклюдов В.Г. Общие положения предупреждения оперативными аппаратами органов внутренних дел массовых беспорядков на почве межнациональных конфликтов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: Изд-во МВШМ МВД России, 1992.
21. Никитин А.В. Оперативно-розыскное противодействие корыстным и корыстно-насильственным преступлениям против собственности: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007.
22. Организация и методика расследования взяточничества: метод. пособ. / Е.А. Миронова, А.В. Бриллиантов, Н.А. Гаража, С.П. Кушниренко и др. М., 2001.
23. Павличенко Н.В. Охрана конфиденциального сотрудничества: проблемы систематизации норм права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 2 (8).
24. Смахтин Е.В., Христинина Е.В. Расследование получения взятки в системе высшего образования:

криминалистические аспекты и некоторые вопросы квалификации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.

25. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2010.

26. Халиков А.Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект): монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

27. Яни П.С., Прохоров Н.В. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере: содержательный элемент // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 54–57.

28. Cruz J.M. Police Misconduct and Political Legitimacy in Central America // Journal of Latin American Studies. 2015. № 47(2), P. 251–283.

29. Stinson P.M.Sr., Liederbach J., Buerger M., Steven L. & Brewer Jr. To protect and collect: a nationwide study of profit-motivated police crime. Criminal Justice Studies // A Critical Journal of Crime, Law and Society. 2018. № 31 (3). P. 310–331.

References (transliterated)

1. Advokatskoe byuro «Criminal Defense Firm» (ugolovnaya zashhita). g. Moskva [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.criminaldefense.ru/ru/.

2. Baev O.Ya. Osnovy` metodiki ugolovnogo presledovaniya i professional`noj zashhity` ot nego (na primere ugolovno-processual`nogo issledovaniya dolzhnostny`x i sluzhebny`x prestuplenij): nauch.-praktich. posob. M.: E`ksmo, 2009.

3. Bashmakov I.S. Osobennosti pervonachal`nogo e`tapa rassledovaniya korrupcionny`x prestuplenij, sovershaemy`x predstavitelyami organov mestnoj vlasti. M.: Yurlitinform, 2007.

4. Bejker Makenzi, 2019. Otchet o rezul`tatax issledovaniya praktiki primeneniya st. 19.28 KoAP RF [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.bakermckenzie.com/ru/insight/publications/2019/11/corporate-anti-corruption-enforcement.

5. Belkin R.S. Kriminalistika: Problemy` segodnyashnego dnya. Zlobodnevny`e voprosy` rossijskoj kriminalistiki. M., 2001.

6. Garmaev Yu.P. Osnovy` metodiki rassledovaniya korrupcionny`x prestuplenij [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.iuaj.net/node/2490.

7. Garmaev Yu.P., Gadzhiev V.E`. Teoreticheskie osnovy` formirovaniya operativno-rozy`sknoj xarakteristiki prestuplenij i ee razgranichenie so smezhny`mi nauchny`mi kategoriyami // Aktual`ny`e voprosy` teorii i praktiki operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: mat-ly` III Vseros. nauch.-prakt. konferencii (21.11.2014). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD RF. 2015. S. 27–36.

8. Garmaev Yu.P., Ivanov E`.A., Markunczov S.A. Antikorrupcionny`j komplaens v Rossijskoj Federacii: mezhdisciplinarny`e aspekty`: monografiya. M.: ID Yurisprudenciya, 2020.

9. Gerasimov I.F. Obshhie polozheniya metodiki rassledovaniya prestuplenij: Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / pod red. I.F. Gerasimova, L.Ya. Drapkina. M., 1994.

10. Zhalinskij A.E`. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental`ny`j analiz. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2009.

11. Zloupotreblenie polnomochiyami. St. 201 UK RF // Oficial`ny`j sajt specializirovannoj kollegii advokatov «E`kKorp-Zashhita», g. Moskva [E`lektronny`j resurs]. URL: https://prestuplenia.net/articles/authorities.html.

12. Ivanov E`.A. Antikorrupcionny`j komplaens-kontrol` v stranax BRIKS. M.: Yurisprudenciya, 2015.

13. Kassacionnoe opredelenie Rostovskogo oblastnogo suda po delu № 22-9035 ot 28.10.2010.

14. Kassacionnoe opredelenie Rostovskogo oblastnogo suda po delu № 22-6998 ot 19.09.2012.

15. Kovarin D.A. Operativno-rozy`sknoe protivodejstvie kory`stno-nasil`stvenny`m prestupleniyam, sovershaemy`m v sfere e`konomiki: dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 2005.

16. Koncepciya organizacii sistemy` vnutrennego kontrolya dlya nekreditny`x finansovy`x organizacij (utv. Bankom Rossii). 2017 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/27671/inf_note_oct_3117.pdf.

17. Korobejnikov V.N. Operativno-rozy`sknoe obespechenie raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s vy`mogatel`stvom: dis. … kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2001.

18. Kriminalistika: uchebnik / pod red. E.P. Ishhenko. M.: Prospekt, 2014.

19. Mazunin Ya.M., Kudryaviczkij A.S. O sootnoshenii ponyatij kriminalisticheskoj i operativno-rozy`sknoj metodik // Operativnik (sy`shhik). 2010. № 3. S. 51–55.

20. Neklyudov V.G. Obshhie polozheniya preduprezhdeniya operativny`mi apparatami organov vnutrennix del massovy`x besporyadkov na pochve mezhnacional`ny`x konfliktov: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M.: Izd-vo MVShM MVD Rossii, 1992.

21. Nikitin A.V. Operativno-rozy`sknoe protivodejstvie kory`stny`m i kory`stno-nasil`stvenny`m prestupleniyam protiv sobstvennosti: dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 2007.

22. Organizaciya i metodika rassledovaniya vzyatochnichestva: metod. posob. / E.A. Mironova, A.V. Brilliantov, N.A. Garazha, S.P. Kushnirenko i dr. M., 2001.

23. Pavlichenko N.V. Oxrana konfidencial`nogo sotrudnichestva: problemy` sistematizacii norm prava // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2009. № 2 (8).

24. Smaxtin E.V., Xristinina E.V. Rassledovanie polucheniya vzyatki v sisteme vy`sshego obrazovaniya: kriminalisticheskie aspekty` i nekotory`e voprosy` kvalifikacii: monografiya. M.: Yurlitinform, 2018.

25. Teoriya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: uchebnik / pod red K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. M.: INFRA-M, 2010.

26. Xalikov A.N. Dolzhnostny`e prestupleniya: xarakteristika, rassledovanie, preduprezhdenie (kriminalisticheskij aspekt): monografiya. M.: Yurlitinform, 2012.

27. Yani P.S., Proxorov N.V. Antikorrupcionny`j komplaens v ugolovno-pravovoj sfere: soderzhatel`ny`j e`lement // Rossijskaya yusticiya. 2018. № 9. S. 54–57.

28. Cruz J.M. Police Misconduct and Political Legitimacy in Central America // Journal of Latin American Studies. 2015. № 47(2), P. 251–283.

29. Stinson P.M.Sr., Liederbach J., Buerger M., Steven L. & Brewer Jr. To protect and collect: a nationwide study of profit-motivated police crime. Criminal Justice Studies // A Critical Journal of Crime, Law and Society. 2018. № 31 (3). P. 310–331.

Урядов Ю.Ю.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Цель: Исследование действующих международных правовых актов и выявление проблемных вопросов в организации сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств при осуществлении противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, выявления таких доходов и последующей их конфискации.

Методология: Использовались системный и нормативно-правовой методы исследования.

Результаты: Выявлена социально-правовая закономерность возникновения необходимости в урегулировании вопросов расхождений в законодательстве различных государств по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права, направленного на борьбу с легализацией доходов, полученных преступным путем.

Новизна/оригинальность/ценность: Актуальность и ценность исследуемых в статье вопросов обусловлена важностью урегулирования нормативно-правовых коллизий, затрудняющих осуществление компетентными правоохранительными органами различных государств функций, связанных с раскрытием преступлений транснационального и (или) международного характера, установление (выявление), а также наложение ареста и последующую конфискацию денежных средств и иного имущества, полученного от такой противоправной деятельности.

Статья содержит информацию об авторском анализе сложившихся международных отношений, новизна и актуальность которого имеет научно-практическое значение для дальнейшего совершенствования международного права.

Ключевые слова: международное сотрудничество, международные договоры, конвенции, директивы, транснациональная преступность, международная преступность, легализация доходов, полученных преступным путем.

Uryadov Yu.Yu.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF COUNTERACTION TO THE LEGALIZATION OF CRIMINALLY OBTAINED INCOME

Purpose: Research of current international legal acts and identification of problematic issues in the organization of cooperation of the internal affairs bodies of the Russian Federation with the competent authorities of foreign states in the implementation of countering the legalization of proceeds from crime, identification of such proceeds and their subsequent confiscation.

Methodology: The systematic and legal research methods were used.

Results: The socio-legal pattern of the emergence of the need to resolve the issues of discrepancies in the legislation of various states on the issues of criminal and criminal procedure law, aimed at combating the legalization of proceeds from crime, is revealed.

Novelty/originality/value: The relevance and value of the issues investigated in the article is due to the importance of resolving regulatory collisions that make it difficult for the competent law enforcement agencies of various states to perform functions related to solving crimes of a transnational and (or) international nature, the establishment (detection), as well as the seizure and subsequent confiscation of funds and other property received from such illegal activities.

The article contains information about the author's analysis of the established international relations, the novelty and relevance of which are of scientific and practical importance for the further improvement of international law.

Keywords: international cooperation, international treaties, conventions, directives, transnational crime, international crime, money laundering.

Интенсивное развитие телекоммуникационных систем, позволяющее денежным средствам в виде финансовой информации практически мгновенно перемещаться в любую точку мира, ставит перед компетентными органами правоохранительной системы Российской Федерации приоритетный вопрос организации и, прежде всего, исполнения реальных мероприятий, направленных на борьбу с отмыванием денег, полученных в качестве результата от совершенных противоправных действий.

При этом такие финансовые ресурсы, попадающие в международную банковскую систему, из-за тайного характера своего происхождения затрудняют в первую очередь процессы определения их источников и в последующем в большинстве случаев не позволяют произвести суммарный «подсчет» общей суммы прошедших «отмывание» и легализацию денежных средств.

Как следует из официальной статистической информации, предоставленной Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам

и преступности, предполагаемая теоретически рассчитанная сумма легализованных денежных средств в мире только за один год составляет от 2 до 5 % мирового валового внутреннего продукта, что в приблизительном пересчете составляет сумму в пределах от 0,8 до 2 трлн долл. США [1].

Несмотря на то, что предельный разбег таких расчетов значителен, даже минимальное его значение определяет важность и приоритетность в решении проблемы мировым сообществом, так как эти суммы в некоторых случаях превышают реальные значения всего валового внутреннего продукта многих государств на мировой арене.

Согласно исследованиям «Рейтинга стран и территорий по размеру валового внутреннего продукта» (The World Bank: Gross Domestic Product 2020), проведенным Группой Всемирного банка (The World Bank Group), из исследуемых по показателю валового внутреннего продукта в глобальном рейтинге 203 стран и территорий мира подтвержденная оценка экономики только 17 стран превышает минимальный порог 0,8 трлн долл. США, при этом показатели валового внутреннего продукта в экономике только 8 стран превышают порог в 2 трлн долл. США. (Соединенные Штаты Америки, Китай, Япония, Германия, Индия, Великобритания, Франция и Италия). Валовой внутренний продукт экономики России составляет 1,7 трлн долл. США [2].

Указанные обстоятельства подтверждают серьезность и важность такой проблемы, которая осознается международным сообществом как необходимость совместного противодействия легализации преступных доходов, как правило, способствующих развитию организованной преступности, торговле оружием, людьми и наркотиками, а также коррупции.

С этой целью разработан ряд международных правовых актов, устанавливающих обязательства стран-участников в вопросах криминализации непосредственно самой легализации преступных доходов, создания национальных инструментов по ее предупреждению, выявлению и расследованию выявленных преступлений данного направления, а также в вопросах организации всестороннего международного сотрудничества в указанной сфере. Так, практически впервые на международном уровне непосредственное понимание терминов и обязательств, касающихся криминализации легализации («отмывания») доходов, полученных преступных путем, закреплено в 1988 году Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция 1988 г.) [3].

В статье 1 указанного международного правового акта вводятся важные для криминализации данного вида преступлений определения доходов, собственности и их конфискации. При этом статьей 3 определено, что одной из мер борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, является противодействие легализации преступных доходов от такого вида преступной деятельности. Кроме этого, данной статьей также впервые определяется ответственность за совершение вышеуказанных правонарушений в виде применения таких санкций, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штрафные санкции и конфискация.

Впоследствии указанная проблематика нашла свое отражение при подписании в 1990 году в Страсбурге Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (далее – Страсбургская конвенция 1990 г.) [4], в пункте 1 статьи 6 которой использовались понятия легализации доходов от преступной деятельности, в целом аналогичные формулировкам Венской конвенции 1988 г.

Однако пунктом 2 статьи 6 Страсбургской конвенции 1990 г. определены уже новые дополнительные положения, направленные на противодействие легализации преступных доходов, которые разрешают ряд практических вопросов, связанных с возникшими проблемами двойного наказания, расследования преступлений международного характера и доказывания вины: «не имеет значения, подпадает ли основное преступление под уголовную юрисдикцию стороны», «может быть предусмотрено, что преступления, указанные в этом пункте, не применяются к лицам, совершившим основное преступление», и «об осведомленности, намерении или мотивах, необходимых в качестве элементов преступления, предусмотренного в этом пункте, можно сделать вывод на основании объективных реальных обстоятельств».

В свою очередь любое преступление, по результатам которого получена экономическая (финансовая или материальная) выгода, впоследствии подлежащая «отмыванию» в качестве объекта легализации, Страсбургской конвенцией 1990 г. впервые определено как «основное преступление».

Кроме этого, в пункте 3 статьи 6 указанного международного правового акта предусматривается, что каждая сторона стран-участниц в каждом конкретном случае может принимать такие меры, какие она сочтет необходимыми в рамках

действующего внутреннего законодательства, чтобы квалифицировать согласно ее внутреннему законодательству в качестве преступлений все или некоторые действия, указанные в пункте 1 статьи 6 Страсбургской конвенции 1990 г., в случае осведомленности преступника о нелегальности полученного дохода и наличия у преступника умысла на совершение противоправных действий, а именно: «должен был предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем», «действовал с целью получения выгоды», а также «действовал с целью способствовать продолжению преступной деятельности».

При этом по сравнению с Венской конвенцией 1988 г., определяющей основные направления деятельности по межгосударственному противодействию незаконному обороту наркотиков, круг предикатных преступлений, в результате которых получены незаконные доходы, Страсбургской конвенцией 1990 г. значительно расширен.

В свою очередь, апробированный Венской конвенцией 1988 г. комплексный подход к проблеме противодействия легализации доходов, полученных в качестве результата от преступной деятельности, впоследствии также неоднократно использовался в иных международных правовых актах, таких как Страсбургская Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. [5] (Страсбургская конвенция 1999 г.), Нью-Йоркская Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая в 2000 году на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН согласно Резолюции № 55/25 (Нью-Йоркская конвенция 2000 г.) [6], а также Нью-Йоркская Конвенция ООН против коррупции, принятая в 2003 году на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН согласно Резолюции № 58/4 (Нью-Йоркская конвенция 2003 г.) [7].

При этом, используя первичное определение легализации преступных доходов, указанные конвенции Совета Европы и ООН, в отличие от Венской конвенции 1988 г., определяют основные направления противодействия преступлениям, связанным с транснациональной организованной преступностью и коррупцией.

Но в Нью-Йоркских конвенциях 2000 и 2003 гг. уже содержатся ключевые положения об основных правонарушениях, включающих преступления, которые совершены как в пределах, так и за пределами юрисдикции соответствующего государства-участника.

Причем согласно и статье 6 Нью-Йоркской конвенции 2003 г., и статье 23 Нью-Йоркской конвенции 2003 г., преступные посягательства должны быть равнозначными по криминализации во всех юрисдикциях государств-участников, а именно: совершенные за пределами юрисдикции какого-либо государства-участника, они представляют собой основные правонарушения только в тех случаях, когда такие деяния в соответствии с внутренним законодательством государства, в котором они совершены, являются уголовно наказуемыми и также являются уголовно наказуемыми деяниями согласно внутреннему законодательству иного государства-участника, в котором осуществляется или применяется настоящая статья, как если бы они были совершены в нем.

Указанные конвенции относят легализацию (отмывание) преступных доходов к преступлениям международного характера и содержат схожие формулировки превентивных мер по предупреждению легализации доходов, полученных преступным путем. Однако Нью-Йоркская конвенция 2003 г. дополнена уже более современными механизмами такого предупреждения, в ней также исследуются вопросы об установлении требований к финансовым организациям и учреждениям, в том числе и осуществляющим операции по переводу денежных средств, и определена методология регулирования, учета и надзора в отношении банков и небанковских финансовых учреждений.

Также государствам-участникам предписано, не создавая каких-либо препятствий перемещению законного капитала, осуществлять мероприятия по выявлению перемещения наличных денежных средств и соответствующих оборотных инструментов через их границы и по контролю за таким перемещением, которые заключаются в установлении требований к физическим лицам и коммерческим организациям по информированию о трансграничных переводах значительных объемов наличных денежных средств и передачах соответствующих оборотных инструментов.

Но в Нью-Йоркской конвенции 2003 г. в качестве дополнительного инструмента противодействия легализации преступных доходов уже предусматриваются мероприятия, направленные на выявление и последующее возвращение активов.

Так, с целью осуществления антикоррупционных мер государства-участники получили право требовать от финансовых учреждений, на которые распространяется их юрисдикция, обязательное осуществление проверочных мероприятий, направленных на установление личности клиентов, в том числе и, в меру допустимого, личности собственников – бенефициаров депо-

нированных на счетах больших объемов средств, а также по счетам, которые открываются или открыты лицами, наделенными значительными публичными полномочиями, членами их семей или тесно связанными с ними партнерами (или от их имени) [8]. При этом указанные меры контроля не могут рассматриваться как препятствующие или запрещающие финансовым учреждениям осуществлять финансово-хозяйственные операции с любым законным клиентом, а направлены исключительно на выявление подозрительных или сомнительных операций для последующего предоставления полученной информации компетентным органам.

К важным международным актам, содержащим информацию о рекомендуемых к исполнению превентивных мерах, направленных на совершенствование инструментов противодействия легализации преступных доходов, необходимо также отнести Варшавскую Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма, принятую в 2005 году (Варшавская конвенция 2005 г.) [9], которая по своему содержанию фактически является расширенным вариантом Страсбургской конвенции 1990 г.

При этом в Варшавской конвенции 2005 г. впервые вводятся определение и расширенные полномочия специального органа – подразделения финансовой разведки, а также исследуются вопросы практического осуществления мероприятий, направленных на выявление, арест, выемку и конфискацию доходов, полученных как результат преступных действий.

Кроме этого, в дополнение к специальным полномочиям и приемам расследования Варшавской конвенцией 2005 г. каждому государству-участнику предписывается разработать внутренние законодательные акты с целью осуществления мероприятий по установлению того (с соблюдением ограничений в распространении информации), является ли физическое или юридическое лицо владельцем или бенефициар – собственником одного или более счетов в любом банке на его территории, и получать все данные о выявленных счетах, о финансовых контрагентах (отправителях или получателях денежных средств) по этим счетам с «подозрительными сделками, а также по осуществлению функций мониторинга банковских операций.

В Варшавской конвенции 2005 г. также разрешается спорный, но практичный вопрос о необходимости наличия для уголовного преследования лица за легализацию преступных доходов приговора по предикатному преступлению, т. е. чтобы предшествующий приговор за основное преступление не являлся предварительным условием для вынесения приговора за легализацию доходов от указанного преступления.

Международное сотрудничество, направленное на противодействие легализации преступных доходов, в последние десятилетия также осуществляется на региональных (территориальных) уровнях.

Так, в рамках заседания Совета глав государств Содружества Независимых Государств (СНГ), состоявшегося в Душанбе в 2007 году, представителями Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана подписан Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма [10], направленный на совершенствование правовой основы по указанному направлению и сотрудничества в этой сфере, который, в свою очередь, послужил предпосылкой и основанием для подписания в 2011 году в Москве Договора о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза [11].

При этом перечисленные в упомянутых конвенциях формы международного сотрудничества находят дальнейшее развитие и в различных двусторонних межправительственных соглашениях по территории СНГ.

Также необходимо отметить развитие отношений в противодействии легализации преступных доходов на территории Европейского союза. Евросоюз создан в 1993 году на основе Европейского экономического сообщества (ЕЭС), включает в настоящее время 27 европейских государств (Великобритания вышла из состава союза 31 января 2020 г.), нацелен на региональную интеграцию и является международным образованием, сочетающим признаки международной организации (межгосударственности) и государства (надгосударственности), но юридически не является ни тем, ни другим [12, 13].

При этом европейское законодательство по вопросам противодействия легализации преступных доходов основано на положениях четырех директив о борьбе с отмыванием денег: Директива ЕЭС 1991 года № 91/308/ЕЕС (Первая директива) [14], Директива ЕС 2001 года № 2001/97/ЕС

(Вторая директива) [15], Директива ЕС № 2005/60/ЕС (Третья директива) [14] и Директива ЕС № 2015/849/ЕС (Четвертая директива) [16].

Уже в Первой директиве, как и ранее в Венской конвенции 1988 года, было сформулировано определение отмывания денег, но только в качестве результата преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Также были определены первичные механизмы предотвращения использования финансовой системы для этих целей, предусматривалась обязанность идентификации финансовыми и кредитными учреждениями клиентов, хранения документов, информирования компетентных органов о выявленных сомнительных финансовых операциях и фактах легализации доходов, полученных преступным путем, а также сформулированы мероприятия по обеспечению внутреннего контроля.

В свою очередь, во Второй директиве указывалось на организацию противодействия легализации денег, полученных в качестве результата более широкого круга совершенных преступлений, а также значительно расширен круг субъектов контроля, и в него включены целый ряд учреждений (организации) с видами деятельности нефинансового характера.

При этом в положения Третьей директивы уже более комплексно включены все существующие и действующие международные правовые инструменты, исследующие направление противодействия незаконной легализации доходов, полученных преступным путем, в том числе соответствующее законодательство ЕС и основные международные стандарты противодействия легализации преступных доходов, которые содержатся в 40-й и 9-й Рекомендациях межправительственной Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) [17, 18].

Действие Третьей директивы в части возложенных обязательств по идентификации клиентов и выгодоприобретателей и информированию о подозрительных сделках в подразделения финансовой разведки (компетентные органы), помимо субъектов хозяйствования финансово-экономического сектора, уже более широко распространяется также на иных субъектов, таких как нотариальные конторы и отдельные нотариусы, юридические фирмы и отдельные юристы, аудиторские компании и отдельные бухгалтера, агентства и отдельно взятые агенты по организации сделок с недвижимостью, трастовые компании и доверительные общества, субъекты хозяйствования, оказывающие услуги в сфере игорного бизнеса (казино и т. п.), а также иные юридические и физические лица, деятельность которых связана с оказанием услуг, выполнением работ и поставкой товаров в адрес предприятий, но в части осуществления операций, финансовые расчеты за которые осуществляются наличными, но в сумме, превышающей 15 тыс. евро.

В настоящее время Третья директива утратила силу, поскольку 25 июня 2015 г. заменена Четвертой директивой, действие которой в вопросах предотвращения легализации преступных доходов и финансирования терроризма не только распространяется на территории всех 27 государств – членов Европейского Союза, но и направлено на сближение законодательства еще семи стран – кандидатов по вступлению в Европейский Союз (Албания, Северная Македония, Сербия, Турция, Черногория, Босния и Герцеговина) [16].

В свою очередь, следует отметить, что при создании по инициативе стран «большой семерки» (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция и Япония) в 1989 году группы ФАТФ первая редакция 40 ее рекомендаций была подготовлена уже в 1990 году [17].

При этом указанные рекомендации группой ФАТФ пересматривались дважды (в 1996 и 2003 годах), в настоящее время они включают в себя положения, касающиеся криминализации легализации преступных доходов, предварительных мер и конфискации легализованной собственности [17].

Но по настоящее время основным проблемным вопросом является правоприменение приведенных выше положений, так как, имплементируя положения всех ранее указанных конвенций, директив и договоров в вопросах организации противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и осуществляя мероприятия, направленные на исполнение вышеуказанных рекомендаций ФАТФ, государства-участники этих международных правовых актов по-разному подошли к вопросу криминализации деяний, связанных непосредственно с «отмыванием» таких доходов.

В ряде случаев с целью избежания двойного уголовного наказания некоторые страны отказались от криминализации деяний, направленных на легализацию доходов, полученных в качестве результата преступной деятельности, что в свою очередь и является проблемным вопросом по результатам данного исследования и, как следствие, требует дополнительной проработки, так как исключает возможность использования компетентными органами правоохранительной системы Российской Федерации ряда эффективных ры-

чагов воздействия и противодействия указанной преступной деятельности в рамках юрисдикции Российской Федерации и на международном уровне в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Информационное сообщение «Money-Laundering and Globalization» («Отмывание денег и глобализация») // United Nations Office on Drugs and Crime (Управление ООН по наркотикам и преступности) [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/globalization.html.
2. Рейтинг стран и территорий по размеру валового внутреннего продукта (The World Bank: Gross Domestic Product 2020): Информационное сообщение // Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. URL: https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988, ратифицирована постановлением Верховного Совета СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-1) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900535.
4. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141) (заключена в г. Страсбурге 08.11.1990, ратифицирована Федеральным законом РФ от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1901938.
5. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999, ратифицирована Федеральным законом РФ от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901788603.
6. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирована Федеральным законом РФ от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL:http://docs.cntd.ru/document/901815431.
7. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирована Федеральным законом РФ от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtm.
8. Литвиненко А.Н., Ковалева Е.Ю. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем: учеб. пособ. в схемах. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004. С. 62.
9. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансирования терроризма (CETS № 198) (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005, ратифицирована Федеральным законом РФ от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901944951.
10. Информация об итогах заседания Совета глав государств СНГ (г. Душанбе, 5 октября 2007 г.) // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: http://cis.minsk.by/page/show?id=10308.
11. Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза (Подписан в г. Москве 19 декабря 2011 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123791.
12. https://investments.academic.ru/940/Европейский_союз.
13. https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/86465/Европейское экономическое сообщество.
14. Директива ЕЭС «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег» (91/308/ЕЭС) от 10 июня 1991 г. // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901934981.
15. Директива 2001/97/ЕС Европейского парламента и Совета от 4 декабря 2001 года о внесении поправок в директиву 91/308/ЕЕС Совета о предупреждении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств // Международная сеть информации о борьбе с отмыванием денег / International Money Laundering Information Network [Электронный ресурс]. URL: https://www.imolin.org/pdf/imolin/overviewr.pdf.
16. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/849 от 20 мая 2015 г. «О предотвращении использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма, об изменении Регламента (ЕС) 648/2012 Европейского Парламента и Совета ЕС и об отмене Директивы 2005/60/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС и Директивы 2006/70/ЕС Европейской Комиссии» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_союз.
17. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег [Электронный ресурс]. URL: https://eurasiangroup.org/ru.
18. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: пер. с англ. М.: Вече, 2012. С. 176.

References (transliterated)

1. Informacionnoe soobshhenie «Money-Laundering and Globalization» («Otmy`vanie deneg i globalizaciya») // United Nations Office on Drugs and Crime (Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/globalization.html.

2. Rejting stran i territorij po razmeru valovogo vnutrennego produkta (The World Bank: Gross Domestic Product 2020): Informacionnoe soobshhenie // Gumanitarny`j portal [E`lektronny`j resurs]. URL: https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info.

3. Konvenciya Organizacii Ob``edinenny`x Nacij o bor`be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskix sredstv i psixotropny`x veshhestv (zaklyuchena v g. Vene 20.12.1988, ratificirovana postanovleniem Verxovnogo Soveta SSSR ot 9 oktyabrya 1990 g. № 1711-1) // Konsorcium kodeks. E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900535.

4. Konvenciya ob otmy`vanii, vy`yavlenii, iz``yatii i konfiskacii doxodov ot prestupnoj deyatel`nosti (ETS № 141) (zaklyuchena v g. Strasburge 08.11.1990, ratificirovana Federal`ny`m zakonom RF ot 28 maya 2001 g. № 62-FZ) // Konsorcium kodeks. E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1901938.

5. Konvenciya ob ugolovnoj otvetstvennosti za korrupciyu (ETS № 173) (zaklyuchena v g. Strasburge 27.01.1999, ratificirovana Federal`ny`m zakonom RF ot 25 iyulya 2006 g. № 125-FZ) // Konsorcium kodeks. E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901788603.

6. Konvenciya protiv transnacional`noj organizovannoj prestupnosti (prinyata v g. N`yu-Jorke 15.11.2000 Rezolyuciej 55/25 na 62-m plenarnom zasedanii 55-j sessii General`noj Assamblei OON, ratificirovana Federal`ny`m zakonom RF ot 26 aprelya 2004 g. № 26-FZ) // Konsorcium kodeks. E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii [E`lektronny`j resurs]. URL:http://docs.cntd.ru/document/901815431.

7. Konvenciya protiv transnacional`noj organizovannoj prestupnosti (prinyata v g. N`yu-Jorke 31.10.2003 Rezolyuciej 58/4 na 58-j sessii General`noj Assamblei OON, ratificirovana Federal`ny`m zakonom RF ot 8 marta 2006 g. № 40-FZ) // Organizaciya Ob``edinenny`x Nacij [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtm.

8. Litvinenko A.N., Kovaleva E.Yu. Legalizaciya (otmy`vanie) doxodov, poluchenny`x prestupny`m putem: ucheb. posob. v sxemax. SPb.: Znanie, IVE`SE`P, 2004. S. 62.

9. Konvenciya Soveta Evropy` ob otmy`vanii, vy`yavlenii, iz``yatii, konfiskacii doxodov ot prestupnoj deyatel`nosti i finansirovaniya terrorizma (CETS № 198) (Zaklyuchena v g. Varshave 16.05.2005, ratificirovana Federal`ny`m zakonom RF ot 26 aprelya 2004 g. № 26-FZ) // Konsorcium kodeks. E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901944951.

10. Informaciya ob itogax zasedaniya Soveta glav gosudarstv SNG (g. Dushanbe, 5 oktyabrya 2007 g.) // Ispolnitel`ny`j komitet Sodruzhestva Nezavisimy`x Gosudarstv [E`lektronny`j resurs]. URL: http://cis.minsk.by/page/show?id=10308.

11. Dogovor o protivodejstvii legalizacii (otmy`vaniyu) doxodov, poluchenny`x prestupny`m putem, i finansirovaniyu terrorizma pri peremeshhenii nalichny`x denezhny`x sredstv i (ili) denezhny`x instrumentov cherez tamozhennuyu graniczu Tamozhennogo soyuza (Podpisan v g. Moskve 19 dekabrya 2011 g.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus» [E`lektron ny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123791.

12. https://investments.academic.ru/940/Evropejskij_soyuz.

13. https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/86465/Evropejskoe e`konomicheskoe soobshhestvo.

14. Direktiva EE`S «O predotvrashhenii ispol`zovaniya finansovoj sistemy` dlya celej otmy`vaniya deneg» (91/308/EE`S) ot 10 iyunya 1991 g. // Konsorcium kodeks. E`lektronny`j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901934981.

15. Direktiva 2001/97/ES Evropejskogo parlamenta i Soveta ot 4 dekabrya 2001 goda o vnesenii popravok v direktivu 91/308/EES Soveta o preduprezhdenii ispol`zovaniya finansovoj sistemy` v celyax otmy`vaniya denezhny`x sredstv // Mezhdunarodnaya set` informacii o bor`be s otmy`vaniem deneg / International Money Laundering Information Network [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.imolin.org/pdf/imolin/overviewr.pdf.

16. Direktiva Evropejskogo Parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza 2015/849 ot 20 maya 2015 g. «O predotvrashhenii ispol`zovaniya finansovoj sistemy` dlya celej otmy`vaniya deneg ili finansirovaniya terrorizma, ob izmenenii Reglamenta (ES) 648/2012 Evropejskogo Parlamenta i Soveta ES i ob otmene Direktivy` 2005/60/EC Evropejskogo Parlamenta i Soveta ES i Direktivy` 2006/70/EC Evropejskoj Komissii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Evropejskij_soyuz.

17. Gruppa razrabotki finansovy`x mer bor`by` s otmy`vaniem deneg [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eurasiangroup.org/ru.

18. Rekomendacii FATF. Mezhdunarodny`e standarty` po protivodejstviyu otmy`vaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya: per. s angl. M.: Veche, 2012. S. 176.

Абдуллин Р.Р.

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Цель: Исследовать особенности деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций в Российской Федерации и показать пути их дальнейшего развития.

Методология: Использованы методы системно-структурного, сравнительно-правового и статистического анализа, формально-логические, общенаучные и частнонаучные методы научного познания.

Результаты: Тема исследования актуальна вследствие того, что в условиях продолжающегося совершенствования судопроизводства в Российской Федерации обострились проблемы уровня судебно-экспертной деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций. На основе обзора различных научных подходов ученых и практики производства судебных экспертиз, проводимых негосударственными судебно-экспертными организациями, доказана необходимость проведения ряда мер по повышению уровня организационного, научно-методического обеспечения экспертных исследований, проводимых негосударственными судебно-экспертными организациями.

Рассмотрены вопросы по внедрению новейших экспертных технологий, аккредитации судебно-экспертных организаций (лабораторий) в соответствии с международным стандартом ISO/IEC 17025 и разработке и утверждению межгосударственных стандартов по судебной экспертизе.

Результаты исследования можно использовать в деятельности судебно-экспертных организаций, в ходе проведения обучения и курсов повышения квалификации судебных экспертов.

Рекомендации по интеграции методологических основ экспертных исследований в ходе международного сотрудничества судебно-экспертных организаций позволят усовершенствовать судебно-экспертную деятельность, что, в конечном счете, приведет к повышению качества судебных экспертиз и судопроизводства в целом.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть проблемы отдельных направлений деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и предложить пути их решения.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, эксперт, негосударственные судебно-экспертные организации, стандартизация, методы, экспертиза.

Abdullin R.R.

ON THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF NON-STATE FORENSIC ORGANIZATIONS IN RUSSIA

Purpose: To study the features of the activities of non-governmental forensic organizations in the Russian Federation and show the ways of their further development.

Methodology: The research uses methods of system-structural, comparative-legal and statistical analysis, formal-logical, General scientific and private scientific methods of scientific knowledge.

Results: The research topic is relevant because the problems of the level of forensic activity of non-governmental forensic organizations have become more acute in the context of the ongoing improvement of judicial proceedings in the Russian Federation. Based on the review of various scientific approaches of scientists and the practice of conducting forensic examinations conducted by non-state forensic organizations, the need for a number of measures to improve the level of organizational, scientific and methodological support for expert research conducted by non-state forensic organizations is proved.

Issues related to the introduction of the latest expert technologies, accreditation of forensic organizations (laboratories) in accordance with the international standard ISO/IEC 17025, and the development and approval of interstate standards for forensic expertise were considered.

The results of the study can be used in the activities of forensic organizations, in the course of training and advanced training courses for forensic experts.

Recommendations on the integration of the methodological foundations of expert research in the course of international cooperation of forensic organizations will improve forensic activities, which, ultimately, will lead to an increase in the quality of forensic examinations and legal proceedings in general.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, since it is one of the first attempts to consider the problems of certain areas of activity of non-governmental forensic organizations and suggest ways to solve them.

Keywords: forensic activity, expert, non-governmental forensic organizations, standardization, methods, expertise.

В условиях продолжающейся судебной реформы, нацеленной на демократизацию правосудия, усиление состязательности судопроизводства, возросли требования к процессу формирования доказательственной базы. Одним из путей повышения уровня судопроизводства является совершенствование «судебно-экспертной деятельности – системы действий (или деятельность) судебного эксперта и руководителя государственной или негосударственной судебно-экспертной организации, иных экспертов из числа сведущих лиц по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, выполняемых по поручению лица или органа, ее назначившего» [1, с. 40].

Научный анализ современной следственной, судебной и адвокатской практики, проводимый учеными, свидетельствует о том, что «в судебно-экспертной деятельности имеются значительные проблемы правового, научно-методического, кадрового, материально-технического и организационного характера» [2, с. 3; 3, с. 390], наиболее острыми из которых являются следующие:

– проблемы назначения и производства судебных экспертиз новых родов и видов;

– проблемы классификации судебных экспертиз (сейчас 13 классов);

– «проблемы проверки и апробации конкретных экспертных методик – результатов деятельности эксперта, который разрабатывает новую или адаптирует уже имеющуюся типовую экспертную методику» [4, с. 44];

– «недоступность значительной части ведомственных экспертных методик для широкого ознакомления, что является препятствием для объективной оценки заключений эксперта следователем и судом» [4, с. 45].

– проблемы профессиональной подготовки судебных экспертов («владение экспертами знаниями методов, средств и технологий судебно-экспертной деятельности; умение их применения в конкретных экспертных ситуациях; навыки использования всего усвоенного комплекса знаний и умений в повседневной экспертной работе» [5, с. 42]);

– продолжительные сроки проведения отдельных родов (видов) судебных экспертиз (например, «сроки проведения судебных компьютерно-технических, фоноскопических, лингвистических, бухгалтерских судебных экспертиз составляют более одного, нередко – более шести месяцев» [6, с. 367]) и т. д.

Следует отметить, что все эти и многие другие проблемы присущи (а некоторые из них – гипертрофированно проявлены) деятельности малоизученной части судебно-экспертного сообщества – негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов. То, что в 2018 г. 65 % постановлений (определений) о назначении судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве Российской Федерации и 30,4 % постановлений в административном производстве адресованы экспертам этих судебно-экспертных организаций [12], «свидетельствует о признании негосударственных судебно-экспертных организаций и частных (вневедомственных) экспертов наряду с государственными судебно-экспертными учреждениями в качестве достаточно квалифицированных исполнителей судебных экспертиз» [7, с. 14].

Однако необходимо повысить качество производства ими судебных экспертиз. В первую очередь необходимо повысить ответственность частных судебных экспертов, прозрачность их деятельности, для чего предлагаем составить Федеральный Реестр судебных экспертов, включающий четыре раздела:

1) эксперты государственных судебно-экспертных организаций;

2) эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций;

3) эксперты, не состоящие в штатах судебно-экспертных организаций и ведущие индивидуальную судебно-экспертную деятельность;

4) сведущие лица, не зарегистрированные в качестве судебных экспертов, но имеющие значительный опыт производства судебных экспертиз.

Формирование этого Реестра судебных экспертов должно быть поручено авторитетной государственной судебно-экспертной организации (например, РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ) с участием негосударственной судебно-экспертной организации, обладающей высоким научным, методическим и, главное, кадровым профессиональным потенциалом [1].

Особое внимание при составлении вышеназванного Реестра судебных экспертов РФ и, тем более, при использовании его судьями и следователями необходимо обратить на то, что все эксперты, включенные в Реестр, обладают равными правами и обязанностями. Такое положение закреплено в деятельности многих сообществ, как, например, в адвокатской деятельности, где предписано равенство адвокатов, «вне зависимости от того, в реестр какого субъекта Российской Федерации внесены сведения о нем, … и независимо от времени приобретения статуса адвоката» [8, с. 201].

Кроме того, следует «законодательно закрепить требование об обязательности прохождения всеми судебными экспертами негосударственных и государственных судебно-экспертных организаций подготовки (или переподготовки) в установленной законодательством системе профессионального обучения судебных экспертов с последующей сдачей квалификационных экзаменов [9, с. 42].

Как совершенно правильно отмечает Ф.Г. Аминев, «в целях соблюдения единых требований к профессиональной подготовке судебных экспертов предлагаем создать единую вневедомственную Высшую федеральную квалификационную комиссию по проведению квалификационных испытаний (экзаменов) и совершенствованию профессиональной подготовки судебных экспертов с филиалами в территориальных округах Российской Федерации. При этом будут соединены ряд преимуществ подготовки экспертов государственными учреждениями (планирование и методическое обеспечение учебного процесса, наличие отдельных помещений для учебных лабораторий, большой научно-педагогический опыт подготовки экспертных кадров и т. д.) с системой подготовки негосударственными организациями (возможность быстрого внедрения новых видов судебных экспертиз, привлечения к процессу обучения видных ученых и высококвалифицированных практиков и т. д.)» [4, с. 6].

Необходимо предусмотреть, чтобы в формировании филиалов вневедомственной Высшей федеральной квалификационной комиссии участвовали авторитетные представители государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций; представители научных коллективов, разрабатывающих экспертные методики; преподаватели юридических вузов.

Крайне необходимым является участие в составе этого органа по подготовке и проведению квалификационных экзаменов, «наряду с представителями государственных судебно-экспертных организаций, и наиболее известных судебных экспертов – представителей Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)» [3, с. 392]. Союз «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)» является организацией, консолидирующей негосударственные судебно-экспертные организации Российской Федерации. Эта Палата с наибольшим количеством членов (более 2500 судебных экспертов) имеет в своем составе авторитетных ученых, экспертов-практиков с большим опытом судебно-экспертной деятельности.

Кстати, следует положительно оценить закрепление в Законе Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности» главы 4 «Палата судебных экспертов Республики Казахстан», в которой показаны возможности организационного обеспечения деятельности частных экспертов. Полагаем, было бы полезно и в проекте Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусмотреть такое положение.

Кроме проблем правового и организационного обеспечения деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций имеются серьезные проблемы научно-методического характера.

Так, негосударственным судебно-экспертным организациям необходимо овладеть новейшими методиками экспертных исследований. Например, методикой генотипоскопической экспертизы, разработанной «учеными Института биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, которые для ДНК-идентификации личности и создания геномной базы данных разработали программу с использованием однонуклеотидных замен – «снипов» (SNP – Single-Nucleotide Polymorphism) с максимальным уровнем цифровизации» [10, с. 41].

Еще одним из перспективнейших направлений деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций является производство относительно нового вида исследования – психофизиологического исследования с применением полиграфа. Вместе с тем научному сообществу и практикам следует решить вопрос о допустимости использования в качестве доказательства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (СПЭПФ). Данный вид экспертизы нуждается в длительном процессе процессуального, научно-методического признания учеными и практиками. Следует заметить, что ученые Института права и биологического факультета Башкирского государственного университета предпринимают усилия по решению этой задачи. Начиная с 2015 года ими в целях объективизации психофизиологических исследований с применением полиграфа проводятся «экспериментальные исследования на современном оборудовании (профессиональный компьютерный полиграф «Диана-4М», электроэнцефалографы с 22 датчиками показаний и др.), в ходе которых решается ряд задач, например «минимизация влияния побочных переменных на качество психофизиологического исследо-

вания с применением полиграфа» и другие. О начале признания этого вида судебной экспертизы свидетельствует тот факт, что с 2017 года в экспертно-криминалистические подразделения МВД России (в которых многие годы отвергалось само существование этой экспертизы) введены единицы экспертов-полиграфологов» [1, с. 44]. Кроме того, результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов свидетельствуют о лояльном отношении к этому виду экспертизы. Так, в результате опроса, проведенного «среди сотрудников прокуратуры Республики Башкортостан, установлено: одобряют СПФЭП 48 % опрошенных, 34 % – против СПФЭП, 18 % – затрудняются ответить» [11, с. 176].

В инструкции по проведению психофизиологической экспертизы с применением полиграфа имеются следующие основные требования:

– добровольность проверки;

– психофизиологическая готовность проверяемого;

– направление проверяемого на эту экспертизу только в течение первых пяти дней с момента обращения потерпевших (свидетелей) либо с момента задержания подозреваемого (обвиняемого).

Самой главной особенностью этого вида экспертизы является то, что «при этом психофизиологической экспертизой с применением полиграфа решаются только два основных вопроса: 1) Обладает проверяемое лицо информацией о преступном деянии; 2) Если да, то когда (во время преступного деяния или вне его) данная информация была им получена?» [1, с. 45].

Рассмотренные выше вопросы деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций являются лишь частью проблем в этой сфере. Однако реализация предложенных мер позволила бы поднять уровень судебно-экспертной деятельности и судопроизводства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Аминев Ф.Г. О проблемах производства новых видов и родов судебных экспертиз негосударственными судебно-экспертными организациями // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. Уфа: УЮИ МВД России, 2019. Т. 11. № 1. С. 40–46.

2. Аминев Ф.Г., Кучин О.С. О необходимости правовой регламентации единых методик экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. 2020. № 4. С. 3–6.

3. Аминев Ф.Г. О проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и путях их решения // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 390–393.

4. Воронин С.А. Исследование и критерии оценки заключения эксперта судом // Вестник Евразийской академии административных наук. 2017. № 3(40). С. 40–46.

5. Аминев Ф.Г. О некоторых вопросах совершенствования профессиональной подготовки и переподготовки экспертных кадров // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, МГЮУ, 17–18 января 2019 г. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 41–47.

6. Парфенова М.В., Янчуркин О.В. Реформирование судебно-экспертной деятельности в целях обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы V Международной науч.-практ. конференции. Москва, 22–23 января 2015 г. М., 2015. С. 367.

7. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский судья. 2016. № 6. С. 12–16.

8. Рагулин А.В. Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре: монографии. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019.

9. Аминев Ф.Г., Хомутов С.В. О правовом обеспечении профессиональной подготовки экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций // Вестник криминалистики. 2019. № 2 (70). С. 38–48.

10. Аминев Ф.Г. Особенности научно-методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74). С. 37–45.

11. Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф. О научно-методическом обеспечении психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. XVI. № 1. С. 175–178.

12. http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

References (transliterated)

1. Aminev F.G. O problemax proizvodstva novy`x vidov i rodov sudebny`x e`kspertiz negosudarstvenny`mi sudebno-e`kspertny`mi organizaciyami // Aktual`ny`e problemy` prava i gosudarstva v XXI veke. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2019. T. 11. № 1. S. 40–46.

2. Aminev F.G., Kuchin O.S. O neobxodimosti pravovoj reglamentacii ediny`x metodik e`kspertnoj deyatel`nosti // E`kspert-kriminalist. 2020. № 4. S. 3–6.

3. Aminev F.G. O problemax sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii i putyax ix resheniya // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2017. № 3. S. 390–393.

4. Voronin S.A. Issledovanie i kriterii ocenki zaklyucheniya e`ksperta sudom // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativny`x nauk. 2017. № 3(40). S. 40–46.

5. Aminev F.G. O nekotory`x voprosax sovershenstvovaniya professional`noj podgotovki i perepodgotovki e`kspertny`x kadrov // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy` v sovremenny`x usloviyax: materialy` VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, MGYuU, 17–18 yanvarya 2019 g. M.: RG-Press, 2019. S. 41–47.

6. Parfenova M.V., Yanchurkin O.V. Reformirovanie sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v celyax obespecheniya

prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy` v sovremenny`x usloviyax: materialy` V Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii. Moskva, 22–23 yanvarya 2015 g. M., 2015. S. 367.

7. Aminev F.G. O nekotory`x problemax sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sud`ya. 2016. № 6. S. 12–16.

8. Ragulin A.V. Traktat ob Obrashhenii 32-x, principax, diskriminacii i demokratii v rossijskoj advokature: monografii. M.: Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata, Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2019.

9. Aminev F.G., Xomutov S.V. O pravovom obespechenii professional`noj podgotovki e`kspertov negosudarstvenny`x sudebno-e`kspertny`x organizacij // Vestnik kriminalistiki. 2019. № 2 (70). S. 38–48.

10. Aminev F.G. Osobennosti nauchno-metodicheskogo i informacionnogo obespecheniya sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti // Vestnik kriminalistiki. 2020. № 2 (74). S. 37–45.

11. Aminev F.G., Aminev A.F. O nauchno-metodicheskom obespechenii psixofiziologicheskoj e`kspertizy` s primeneniem poligrafa // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoj praktiki. 2020. T. XVI. № 1. S. 175–178.

12. http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП
- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация
Срок исполнения от 1 часа
Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую
Землеустроительную
Инженерно-технологическую
Пожарно-техническую
Автотехническую
Почерковедческую
Подлинности документов
Оценочную
Товароведческую
Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейкингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электрозаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Мажинский Р.А.

ПОВТОРНОСТЬ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕЮДИЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ВОДИТЕЛЕМ, НЕ ИМЕЮЩИМ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ

Цель: Целью настоящей статьи является выявление необходимости установления уголовной ответственности за управление транспортным средством несовершеннолетним водителем, не имеющим права управления транспортным средством, совершившим повторно административное правонарушение по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ.

Методология: Используя формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования, автор проводит анализ судебной практики в рассматриваемой сфере в настоящий момент, а также определяет причины частой повторности совершения несовершеннолетними административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ.

Результаты: В результате проведенного исследования автор делает предположение о том, что частая повторность анализируемого административного правонарушения, совершенного подростками, происходит от того, что пробелы правового регулирования оставляют несовершеннолетнего фактически вне поля административной и, тем более, уголовной ответственности. Из-за преступного попустительства родителей (законных представителей) и несовершенства закона подростки чувствуют безнаказанность и совершают административные правонарушения, предусматривающие административную ответственность по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, неоднократно, тем самым угрожая правопорядку в области дорожного движения, а также жизни, здоровью, имуществу других участников дорожного движения.

Новизна/оригинальность/ценность: Автор вносит предложение о необходимости предусмотреть в уголовном законе, что повторность совершения административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ является административно-преюдициальным признаком для квалификации деяния в качестве преступления, и в случае повторности (в течение 1 года с момента привлечения к административной ответственности) необходимо привлекать несовершеннолетнего водителя транспортного средства, не имеющего права управления, к уголовной ответственности, для чего дополнить ст. 264.1 УК РФ частью 2. А также в случае отсутствия у подростка собственного источника дохода, заменить административный штраф или штраф как уголовное наказание наказанием в виде обязательных или исправительных работ, назначаемых несовершеннолетнему с учетом возраста и норм ТК РФ о регулировании труда несовершеннолетних, с учетом состояния здоровья несовершеннолетнего.

Ключевые слова: ДПС, административное правонарушение, протокол, административная ответственность, уголовная ответственность, повторность, административная преюдиция, исправительные работы, обязательные работы, регистрация транспортного средства.

Mazhinsky R.A.

REPETITION AS AN ADMINISTRATIVE AND PRE-JUDICIAL SIGN FOR ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR DRIVING A VEHICLE BY A MINOR DRIVER WHO DOES NOT HAVE THE RIGHT TO DRIVE

Purpose: The purpose of this article is to identify the need to establish criminal liability for driving a vehicle underage driver, without the right to drive a vehicle, re-committed the administrative offense under part 1 of article 12.7 KoAP of the Russian Federation.

Methodology: Using formal-legal and comparative-legal research methods, the author analyzes the judicial practice in this area at the moment, and also determines the reasons for the frequent repetition of the Commission of an administrative offense by minors under part 1 of article 12.7 of the administrative Code of the Russian Federation.

Results: As a result of the conducted research, the author makes the assumption that such a frequent repetition of the analyzed administrative offense committed by adolescents is due to the fact that the lack of legal regulation leaves the minor virtually out of the field of administrative, and even more so, criminal responsibility. Due to the criminal connivance of parents (legal representatives) and the imperfection of the law, teenagers feel impunity and commit administrative offenses that provide for administrative responsibility under part 1 of article 12.7 of the administrative Code of the Russian Federation repeatedly, thereby threatening the rule of law in the field of traffic, as well as the life, health, property of other road users.

Novelty/originality/value: The author makes a proposal on the need to provide in criminal law that the repetition of committing an administrative offense under part 1 of article 12.7 administrative code is the administrative-prejudicial basis for the characterization of an act as a crime and in case of repetition (within 1 year from the moment of bringing to administrative responsibility) is to attract a minor driver of the vehicle, not having the right of management to criminal liability, for what to add article 264.1 the criminal code part 2. And, in the absence of the teenager's own source of income to replace the administrative fine or penalty as a criminal punishment, punishment in the form of obligatory or corrective works, appointed by the minor based on age and the rules of the labour code concerning the regulation of work by minors, given the state of the health of minors.

Keywords: traffic police; administrative offense; protocol; administrative responsibility; criminal liability; repetition; administrative prejudice; correctional work, mandatory work; vehicle registration.

Любое транспортное средство (ТС), согласно ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, является источником повышенной опасности. Именно поэтому от мастерства, опыта и профессионализма водителя зависит не только его жизнь, но и жизнь, безопасность и здоровье всех участников дорожного движения. Случаи, когда за рулем оказывается подросток без удостоверения водителя, должного опыта вождения и сноровки – уже не редкость. Известны факты, когда сотрудники ДПС задерживали автомобили, управление которыми осуществляли 10-летние водители, причем ребенок совершал такое противоправное действие с согласия дедушки [1]. В основном такими правонарушителями, неправомерно управляющими именно автомобилем, являются подростки 14–17 лет [2].

Родители, приобретая своим детям, не имеющим права управления, мопеды и мотоциклы (скутеры), предоставляя возможность прокатиться на автомобиле, потренироваться основам вождения, поощряя за успешную учебу, просто чтобы те не мешали делам взрослых, сознательно толкают их на нарушение ПДД, тем самым провоцируют совершение ДТП, в том числе с тяжкими последствиями. В основной массе несовершеннолетние, особенно в летнее время, управляют мопедами и скутерами, часто не имея водительских прав, но с молчаливого согласия родителей (законных представителей), бабушек и дедушек, за что и бывают задержаны сотрудниками ДПС.

Для правильной квалификации содеянного сотрудникам ДПС, остановившим нарушителя закона, необходимо оперативно учитывать и оценивать сразу несколько факторов:

1) наличие удостоверения на право управления ТС (чтобы применить или исключить ст. 166 УК РФ, ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ);

2) наличие или отсутствие состояния опьянения несовершеннолетнего (чтобы применить или исключить ст. 12.8 Ко АП РФ);

3) возраст несовершеннолетнего, так как возможно привлечение к уголовной ответственности с 14-ти лет за некоторые транспортные преступления, а к административной – с 16-ти лет;

4) кто является собственником (владельцем) ТС (чтобы применить или исключить ст. 158 УК РФ, ст. 166 УК РФ или ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ);

5) обстоятельства, при которых несовершеннолетний оказался за рулем ТС (чтобы применить или исключить ст. 158 УК РФ, ст. 166 УК РФ или ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ);

6) наличие пассажиров в ТС (чтобы исключить совершение преступления группой лиц в соответствии с ч. 2, 3 ст. 166 УК РФ, или если собственник, находящийся в ТС, передал управление по ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ и др.).

Однако если правонарушителю не исполнилось 16 лет, и он управлял ТС, то его невозможно привлечь к административной ответственности, а если не исполнилось 14 лет, – то и к уголовной ответственности даже за угон (кражу) ТС. Усложняет задачу инспектору ДПС и необходимость выяснения дополнительных обстоятельств, таких, например, что несовершеннолетний является собственником ТС (например, если получил его в наследство, или ТС подарено или куплено родственниками, а иногда и самим несовершеннолетним). Отметим, что, согласно новым правилам государственной регистрации ТС, вступившим в силу с 1 января 2020 г. на основании Постановления Правительства РФ № 1764, утвержденного 21.12.2019, регистрация движимого имущества на несовершеннолетнего автовладельца возможна по достижении им 16-летия. До наступления этого возраста ТС можно зарегистрировать только на родителя, опекуна и т. д. По достижении собственником 16 лет государственный учет ТС на имя родителя либо опекуна автоматически прекращается, и тогда подросток вправе зарегистрировать ТС на свое имя. В течение 10 дней с момента исполнения 16 лет необходимо подать документы на регистрацию принадлежащего подростку ТС. ТС необходимо поставить на государственный учет в течение 10 дней с момента оформления права собственности. За нарушение срока постановки ТС на государственный учет предусмотрены штрафные санкции.

Наличие данного движимого имущества в собственности у несовершеннолетнего обязывает родителей соблюдать законодательные нормы и накладывает запрет на не только на их свободное распоряжение ТС, но и на пользование ТС подростком. Необходимо отметить, что помимо ответственности несовершеннолетних, совершивших правонарушение, возможно и наступление административной ответственности их родителей (законных представителей) за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию,

воспитанию, защите прав и интересов несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ) в виде предупреждения либо штрафа в размере от ста до пятисот рублей (правонарушение рассматривает комиссия по делам несовершеннолетних). Возможно, что из-за столь незначительного наказания родители продолжают пренебрегать жизнью и здоровьем детей, допуская их до управления ТС. Кроме того, родители преступно небрежно относятся к возможности причинения их детьми вреда жизни и здоровью, ущерба имуществу других лиц, которые могут пострадать, например, в результате ДТП из-за нарушения ПДД или отсутствия надлежащего опыта в управлении ТС.

Никто из родителей таких подростков также не учитывает, что в то время, когда сотрудники ДПС вынуждены выяснять обстоятельства управления ТС их несовершеннолетним ребенком, где-то в другом месте по-настоящему нужны их помощь, знания и исполнение возложенных на них государством и обществом должностных обязанностей. Поэтому можно понять определенную досаду стражей порядка, когда из-за пробелов в правовом регулировании таких деяний несовершеннолетних и их законных представителей им не удается не только защитить общество и поставить заслон неправомерным деяниям, но и выполнить все необходимые действия для привлечения к установленной государством мере ответственности в целях предупреждения совершения новых правонарушений и преступлений как самим несовершеннолетним правонарушителем, так и другими лицами. К сожалению, новые неправомерные деяния не заставляют себя ждать.

Рассмотрим пример из судебной практики. 21 июля 2016 года Татарским районным судом Новосибирской области была рассмотрена жалоба С.Е.А. и С.С.В. на два постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН) Усть-Таркского района Новосибирской области о назначении наказания по делу об административном правонарушении ч. 1 ст. 12.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ в отношении их несовершеннолетнего сына С.В.С., который был подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 500 рублей за совершение административного проступка, предусмотренного ч. 1 ст. 12.1 КоАП РФ, за то, что 13.06.2016 в 19 часов 55 минут управлял ТС – мотоциклом ИЖ Планета-4, не зарегистрированным в установленном порядке, тем самым нарушив пункт 1 ПДД РФ, а также – административному наказанию в виде административного штрафа в размере 5000 рублей за совершение административного проступка, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, за то, что 13.06.2016 в 20 часов 00 минут управлял этим же ТС, не имея прав управления данным транспортным средством, тем самым нарушив пункт 2.1.1 ПДД РФ. В связи с тем, что несовершеннолетний собственного источника дохода не имел, оба штрафа подлежали взысканию с законного представителя несовершеннолетнего, отца – С.С.В.

В судебном заседании заявитель С.С.В., как и его жена С.Е.А., доводы апелляционной жалобы поддерживали в полном объеме, поясняя, что заявитель вместе с 17-летним сыном поехали на мотоцикле за сеном, за рулем мотоцикла находился заявитель С.С.В., так как закончился бензин, заявитель С.С.В. был вынужден оставить своего несовершеннолетнего С.В.С. рядом с мотоциклом, а сам в это время отправиться домой за автомобилем, чтоб привезти бензин. Мотоцикл ИЖ Планета-4 принадлежал заявителю С.С.В., на учете в МРЭО не состоял, так как находился в неисправном состоянии, отсутствовали габариты. Несовершеннолетний С.В.С. за руль мотоцикла не садился, управлять ТС не умеет. Мотоцикл заводился без ключей, их нет, поэтому подросток, по мнению заявителя, сам завести его не мог. Отсутствовал заявитель на месте, где стоял мотоцикл и остался сын, около 15–20 минут, а когда находился дома, подъехали сотрудники ДПС на служебном автомобиле, в котором находился и сын заявителя С.В.С. Сотрудники ДПС вручили протоколы, при этом пояснив, что сын от них убегал на мотоцикле. С протоколами по ч. 1 ст. 12.1 и протоколом по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, протоколом об отстранении от управления ТС заявитель был ознакомлен, копии протоколов получал, в протоколах своего несогласия с ними не указывал, действия сотрудников ДПС также не обжаловал. На заседании КДН заявитель присутствовал вместе с женой С.Е.А.

Заседание КДН, по мнению заявителя, было проведено в соответствии с законом, замечаний на протокол КДН заявитель, его жена не приносили, видеозапись с регистратора была исследована. Также заявители указали, что их 17-летний сын никогда не привлекался к административной ответственности ни по каким правонарушениям, и последствия случившегося непредсказуемы, так как в данный момент подросток поставлен на учет в Отдел по делам несовершеннолетних. Все это, с их слов, отразилось на психике ребенка и в дальнейшем может, по мнению родителей, повлиять на его судьбу при поступлении в учебное заведение.

Допрошенный несовершеннолетний правонарушитель – сын заявителя в присутствии законных представителей доводы апелляционной жалобы поддержал в полном объеме, пояснил те же обстоятельства, что и законные представители. С протоколами по ч. 1 ст. 12.1 и протоколом по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, протоколом об отстранении от управления ТС он ознакомлен, копии протоколов получал его отец С.С.В. – его законный представитель и заявитель жалобы, в протоколах не указывал, что он с документами не согласен, действия сотрудников ДПС через законных представителей также не обжаловал. На заседании КДН присутствовал вместе с родителями – его законными представителями.

Из протокола об отстранении от управления ТС установлено, что 13.06.2016 17-летний С.В.С. управлял ТС – мотоциклом ИЖ Планета-4, не зарегистрированным в установленном порядке, что зафиксировано на видеозаписи видеорегистратора, установленного в патрульной машине ДПС. Согласно пункту 2.1.1 ПДД РФ водитель механического ТС обязан иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки водительское удостоверение или временное разрешение на право управления ТС соответствующей категории или подкатегории и регистрационные документы на данное ТС.

Субъектом рассматриваемого правонарушения являются водители ТС независимо от наличия или отсутствия у них права управления ТС.

С субъективной стороны правонарушения управление ТС, не зарегистрированным в установленном порядке, а также ТС, не прошедшим государственный технический осмотр или технический осмотр, может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Кроме того, из первого протокола об административном правонарушении установлено, что подросток указал в своих объяснениях, что «он согласен, что мотоцикл не зарегистрирован», документов о регистрации представлено не было, они отсутствуют. Из второго протокола об административном правонарушении установлено, что несовершеннолетний С.В.С. указал в своих объяснениях, что «прав не имеет, поехал сено косить», документов на право управления ТС представлено не было, они отсутствуют.

Сведений о том, что несовершеннолетний С.В.С. и его законный представитель С.С.В. не были согласны с протоколами, с действиями работников ДПС, нарушениями, допущенными при составлении протоколов, протокол КДН не содержал. Такие сведения отсутствовали и в других процессуальных документах, составленных по данному делу об административных правонарушениях, с протоколами об административных правонарушениях заявитель и его несовершеннолетний сын были ознакомлены и замечаний входе составления протоколов и после их составления не указали.

Оценивая представленные доказательства в совокупности, суд счел их достоверными, а выводы КДН Усть-Таркского района Новосибирской области при назначении наказания по делам об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 12.1 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ о том, что в действиях несовершеннолетнего С.В.С. имелись составы административных правонарушениях, суд нашел обоснованными.

По мнению суда, все указанные доказательства достоверны, допустимы, и их достаточно для того, чтобы сделать вывод о виновности несовершеннолетнего С.В.С. в совершении указанных правонарушений.

Несмотря на доводы законных представителей-заявителей о том, что их несовершеннолетний сын был привлечен к административной ответственности без достаточных оснований, существенных нарушений при составлении протокола об административных правонарушениях, по мнению суда, не было допущено, на исследованной в ходе судебного разбирательства видеозаписи незаконных действий со стороны сотрудников полиции не обнаружено, так же как и не обнаружено оказания физического или психологического воздействия на их несовершеннолетнего сына С.В.С. Таким образом, доводы заявителей не могут являться доказательствами его невиновности в совершении административного правонарушения, их суд счел несостоятельными и направленными на переоценку доказательств, исследованных КДН Усть-Таркского района Новосибирской области, имеющими целью избежать их сыном С.В.С. административной ответственности за совершенные им административные правонарушения.

Выводы КДН Усть-Таркского района Новосибирской области о составе в действиях несовершеннолетнего С.В.С. двух административных правонарушений основаны на совокупности приведенных доказательств, а также правильно применены нормы и взысканы штрафы с законного представителя, так как у подростка отсутствовал собственный источник дохода.

При таких обстоятельствах оснований для отмены всех постановлений суд не нашел и оставил их без изменения, а жалобу заявителей С.Е.А. и

С.С.В. – без удовлетворения. Решение суда вступило в законную силу со дня вынесения [3].

Целью настоящей статьи не являлась оценка правильности составления протоколов и правомерности действий сотрудников ДПС. Мы можем допустить, что определенные технические недочеты могли быть допущены, учитывая путанность показаний правонарушителя и его законных представителей – заявителей по жалобе. Однако стоит отметить, что весьма искусно заявители пытались избавить от административной ответственности своего несовершеннолетнего сына, который с их молчаливого согласия или, наоборот, активных действий нарушил нормы закона и фактически сам, лично, не понес за это никакой ответственности. Даже штраф за него выплачен родителями, причем неоднократно, так как впоследствии было установлено, что подросток повторно совершал аналогичное правонарушение на том же ТС.

Таким образом, если несовершеннолетний до 16 лет будет задержан сотрудниками ДПС за управление ТС без прав, то ему по состоянию на 2020 год не грозит… ничего. Если подростку уже исполнилось 16–17 лет, и у него отсутствует собственный источник дохода, то… тоже почти ничего. В отношении него будет составлен административный протокол, ну и, в худшем случае, его поставят на учет в Отделе по делам несовершеннолетних, т. е. сам он вряд ли будет испытывать тяготы и лишения материального наказания. Ведь штраф 30000 руб., который наложит на него КНД по итогам рассмотрения протокола, составленного на месте совершения правонарушения сотрудниками ДПС, оплатят его родители (законные представители). Кроме того, им еще придется оплатить услуги эвакуатора, так как ТС отправят на штрафстоянку. И такая ситуация может повторяться неоднократно, так как никаких более строгих санкций за повторное совершение такого правонарушения законом не предусмотрено.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным предусмотреть в уголовном законе, что повторность совершения административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ является административно-преюдициальным признаком для квалификации деяния в качестве преступления и в случае повторности (в течение 1 года с момента привлечения к административной ответственности) – для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности, для чего необходимо дополнить ее ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды), подвергнутым административному наказанию повторно за управление транспортным средством без права управления транспортным средством, – наказывается (далее – по тексту….)».

Также для того, чтобы подросток ощущал неотвратимость наказания, считаем необходимым как в КоАП РФ, так и в УК РФ предусмотреть замену административного штрафа, а также штрафа как уголовного наказания, в случае отсутствия у подростка собственного источника дохода, наказанием в виде обязательных или исправительных работ, назначаемых несовершеннолетнему с учетом возраста и норм ТК РФ о регулировании труда несовершеннолетних, с учетом состояния здоровья несовершеннолетнего. Кроме того, считаем целесообразным предусмотреть, что в случае, если несовершеннолетний имеет хронические заболевания, препятствующие исполнению этого наказания, следует отражать этот факт в базе ГИБДД и в последующем решать вопрос о возможности иметь право на управление ТС по достижении им совершеннолетия.

Пристатейный библиографический список

1. Лента новостей TVK по Красноярскому краю [Электронный ресурс]. URL: https://tvk6.ru/publications/news/55046/.

2. Сообщение пресс-службы ГУ МВД по Красноярскому краю [Электронный ресурс]. URL: https://24.мвд.рф/news/item/19797472.

3. Решение Татарского районного суда Новосибирской области № 12-47/2016 от 21 июля 2016 г. по делу № 12-47/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/.

References (transliterated)

1. Lenta novostej TVK po Krasnoyarskomu krayu [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tvk6.ru/publications/news/55046/.

2. Soobshhenie press-sluzhby` GU MVD po Krasnoyarskomu krayu [E`lektronny`j resurs]. URL: https://24.mvd.rf/news/item/19797472.

3. Reshenie Tatarskogo rajonnogo suda Novosibirskoj oblasti № 12-47/2016 ot 21 iyulya 2016 g. po delu № 12-47/2016 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/.

Булах Д.Б.

О СУДЕБНОМ ПРЕЦЕДЕНТЕ КАК ИСТОЧНИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Цель: Цель данной работы состоит в обобщенной классификации судебного прецедента с четким определением критериев и видов такого прецедента. Исходя из данной цели, стоят следующие задачи исследования:

– раскрыть понятие судебного прецедента как источника права;

– исследовать генезис и современное состояние судебного прецедента в отечественном судопроизводстве;

– выявить особенности реализации судебного прецедента в правовой системе Российской Федерации.

Методология: Методологическую основу данного исследования составляет комплекс общих методов научного познания, а также специальных методов, которые применяются в юриспруденции.

Результаты: За время проведения судебных реформ в Российской Федерации стало ясно, что внутренней структурной перестройки судебной ветви власти недостаточно для решения проблем судопроизводства, вызванных в значительной степени несовершенством норм материального и процессуального права.

Повышение качества судебной защиты прав, свобод и законных интересов лица является вопросом, который предусматривает в своем решении комплексный подход. Одной из составляющих проблемы единства судебной практики является предсказуемость закона как элемента его качества.

Новизна/оригинальность/ценность: В условиях создания и становления прогрессивных тенденций в законодательстве Российской Федерации проблематика определения судебного прецедента в отечественной правовой системе приобретает все большую актуальность и требует комплексного изучения и анализа. Поэтому, по нашему мнению, в отечественной правовой системе возможно применение судебного прецедента как источника права, а исследование этой проблемы является актуальным для отечественной юридической науки.

Ключевые слова: судебный прецедент, источники права, правовая семья, прецедент, доктрина права, судебная практика, правоприменение.

Bulakh D.B.

ABOUT THE JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF RUSSIAN LAW

Purpose: The purpose of this work is a generalized classification of a judicial precedent with a clear definition of criteria for the classification and types of such precedent. Based on this goal, the following research objectives are set:

– to reveal the concept of judicial precedent as a source of law;

– to investigate the genesis and current state of the judicial precedent in domestic legal proceedings;

– to identify the features of the implementation of the judicial precedent in the legal system of the Russian Federation.

Methodology: The methodological basis of this research is a complex of general methods of scientific knowledge, as well as special methods that are used in jurisprudence.

Results: During the course of the judicial reforms in the Russian Federation, it became clear that the internal restructuring of the judicial branch of power is not enough to solve the problems of legal proceedings, caused to a large extent by the imperfection of the norms of substantive and procedural law.

Improving the quality of judicial protection of the rights, freedoms and legal interests of a person is an issue that provides for an integrated approach to the solution. One of the components of the problem of the unity of judicial practice, the predictability of the law as an element of its quality.

Together with the main source of law - a normative legal act - legal norms are formed by law enforcement officials from other sources, which are called additional, non-traditional or authorized sources in the doctrine. The modern school of law classifies such sources as judicial precedents. The actual use of additional sources in law enforcement practice allowed some authors not only to talk about their presence, but also to begin their scientific analysis.

Novelty/originality/value: Considering all of the above, we believe that in order to create and establish progressive trends in the legislation of the Russian Federation, the problem of determining a judicial precedent in the domestic legal system is becoming increasingly important and requires comprehensive study and analysis.

Therefore, in our opinion, it is not impossible for the domestic legal system to apply judicial precedent as a source of law, and the study of this problem is relevant for domestic legal science.

Keywords: judicial precedent, sources of law, legal family, precedent, doctrine of law, judicial practice, law of application.

Наибольшее распространение судебный прецедент получил в странах с англо-американской системой права. Большинство отечественных исследователей, изучая проблемы применения в российском законодательстве судебного прецедента и вопросы соотношения положений действующих нормативно-правовых актов, доказывают необходимость законодательного закрепления

судебного прецедента как официального источника права в государстве. Тем не менее, в Российской Федерации он официально не признается источником права. В данной работе определены соотношение категорий юридического и судебного прецедента и виды существования прецедента, проанализированы сущность, признаки и виды судебного прецедента.

Изучая судебный прецедент, его место в правовой системе России и возможность введения его как официального источника права, обратимся к истокам данной доктрины, которые заложили базис становления и функционирования прецедентного права в мире.

Отметим, что прецедент в классическом английском понимании имеет четко установленное и устоявшееся правило.

В последнее время более весомое значение в развитии российского общества приобретают судебная ветвь власти и проблема участия судов в процессе формирования действенной правовой системы и эффективности ее правового регулирования. Исторически сложилось, что источниками и истоками современной отечественной правовой системы является правовая система бывшего Советского Союза, которая существенно отличается от правовых систем европейских государств.

Поэтому является чрезвычайно важным изучение инструментов правового регулирования, которые не использовались в советской правовой системе, но функционирование которых характерно для многих стран мира [5, с. 622–632].

По нашему мнению, одним из таких инструментов является судебный прецедент, изучение теоретических основ которого актуально в современных условиях становления отечественного законодательства и формирования новой системы судоустройства.

Необходимость исследования именно теоретических основ судебного прецедента определена потребностями науки и теории, которые разрабатывают фундаментальные основы для совершенствования правовой системы государства.

Наибольшее распространение судебный прецедент получил в странах с англо-американской системой права. Однако сам термин «судебный прецедент» происходит от латинского выражения, имеет неоднозначный характер и приобретает разное значение в различных правовых системах [3, с. 236].

Большинство отечественных исследователей, изучая проблемы применения в отечественном законодательстве судебного прецедента и вопросы соотношения положений действующих нормативно-правовых актов, доказывают необходимость законодательного закрепления судебного прецедента как официального источника права в государстве.

При этом, учитывая фактическую невозможность действующих законодательных актов урегулировать экономические, правовые, политические, социальные сферы общественной жизни и возникающих отношений, судебный прецедент, который создается высшими судебными органами, сегодня мог бы помочь избежать определенных пробелов.

Отметим, что по своей природе судебный прецедент в соответствии с английской классической правовой доктриной является разновидностью юридического прецедента, который выступает в виде решения органа государственной власти, целью принятия которого является формирование примера и образца для дальнейшего рассмотрения и решения аналогичных дел.

То есть принятое соответствующим органом решение административного или судебного характера, вступившее в законную силу, получает юридическую силу правовой нормы для дальнейшего применения другими административными или судебными органами по аналогичным делам. Юридический прецедент может существовать в двух видах: административный (решение административно-исполнительного органа государственной власти) и судебный (решение суда) [8, с. 200–216].

Несмотря на отсутствие единого взгляда на содержание понятия прецедента (прецедент может рассматриваться и как судебное решение, и как модель поведения, и в качестве примера и т. д.), сущность данной категории является постоянной. Традиционно ученые сводят ее к тому, что подобные дела должны решаться одинаково на основании ранее принятого решения суда.

Однако из такой доктрины вытекают вопросы сходства и его степени, так как данный критерий имеет достаточно относительный характер. Проблема заключается в том, что действительно тождественных дел с тождественными существенными обстоятельствами и фактами почти не существует.

Традиционно имеются определенные разногласия, которые в дальнейшем могут повлиять на фактическое разрешение дела. Таким образом, для прецедента главным выступает тождественность не решения дела в целом, а лишь соответствующего вопроса права, которое является существенным для вынесения решения по существу.

Учитывая это, мы можем утверждать, что нормативный характер прецедента заключается в применении судом или иным уполномоченным органом правовой нормы путем создания нового правила или через дополнения или интерпретацию нормы права, которая уже существует [2, с. 35].

Судебный прецедент понимают в двух смыслах, узком и широком. Под судебным прецедентом в узком смысле понимается ratio decidendi дела, то есть часть решения, которая содержит норму права, созданную высшим судом в процессе решения конкретного дела с пробелами или нечеткостями в правовом регулировании. В широком смысле прецедент – это решение суда в целом, которое содержит такую норму. В доктрине англо-американского права выделяют два вида прецедентного права: общее право и прецедентное право, которое интерпретирует действующие законы.

Эти два источника находятся на разных ступенях иерархии права. Определение «общее право» иногда употребляется в отношении всех судебных решений в системе, где эти решения должны иметь прецедентный характер и выступают исключительно формой определения и осуществления сути закона. Поэтому общее право является отдельным источником законотворчества, независимым от действующих законов.

Однако, несмотря на явные противоречия и разногласия в понимании некоторыми авторами судебной практики и судебного прецедента, в большинстве научных исследований эти явления и понятия рассматриваются как идентичные и взаимозаменяемые, к тому же выступают обычно под одним и тем же названием – «прецедент».

Прецедентное право характеризуется тем, что оно не имеет разделения на частное и публичное (что характерно для романо-германской правовой семьи), зато исторически сложилось разделение права на общее право и право справедливости. Также отсутствует разделение права на отрасли, а сами нормы права не имеют деления на императивные и диспозитивные. Отсутствие в англосаксонской правовой системе разделения норм на диспозитивные и императивные объясняется тем, что, в отличие от норм континентального права, которые закреплены преимущественно в законодательстве и регулируют общие случаи и отношения, судья в англосаксонской правовой системе применяет в конкретной ситуации решение, которое уже сложилось в конкретном случае, то есть учитывает имеющиеся прецеденты.

Прецеденты нижестоящих судов имеют характер подчиненности и убедительного влияния. В этом заключается сущность принципа stare decisis как общего правила применения, которое способствует устойчивости и определенности в праве. Судебные решения могут основываться на двух разновидностях принципа stare decisis: принципе подчиненности и принципе убедительности [10].

Учитывая все вышеизложенное, считаем, что в условиях создания и становления прогрессивных тенденций в законодательстве Российской Федерации проблематика определения судебного прецедента в отечественной правовой системе приобретает все большую актуальность и требует комплексного изучения и анализа [9].

Задача одинакового применения в судах должна реализовываться через введение четкого механизма кассационного пересмотра судебных решений. Сейчас этот механизм тесно связан с выполнением высшими судами таких функций, как обобщение судебной практики, осуществление анализа судебной статистики, предоставление нижестоящим судам на этой основе методической помощи и разъяснений относительно правильности применения законодательства.

Указанная конструкция обеспечения единства судебной практики через анализ обобщенных судебных ошибок требует модернизации.

В основу современного механизма достижения указанной цели в демократических странах положена не общеаналитическая работа со значительными массивами судебных дел, а судебное толкование по каждому конкретному делу.

Вместе с тем необходимо отметить, что и потребность в создании судебных прецедентов, которые дополняли бы действующие законы, в настоящее время в России существует. Это бы позволило предоставить гибкость системе источников права, повысить престиж закона (за счет его устойчивости, несменяемости в течение более длительного времени); «разгрузить» субъект законотворчества. Нормативно-правовыми прецедентами (источниками права) могли бы стать решения Конституционного Суда и Верховного Суда, вынесенные в результате рассмотрения конкретного дела, в ходе которого выявлен пробел в действующем законодательстве и возникла потребность в создании дополнительной или конкретизирующего нормы.

Такая норма должна создаваться в рамках принципов национального права, быть общеобязательной, непрерывно действующей и дополнять или конкретизировать закон, не противоречить действующему законодательству. Исходный характер могли бы приобрести и правотолкова-

ние или правоприменительные прецеденты в части, содержащей конкретизирующую или дополняющую норму.

Преимуществами такого источника права являются его способность создавать и фиксировать норму права более оперативно, чем в ходе длительного правотворческого процесса, и возможность дополнить, конкретизировать закон предписанием подзаконного характера (аналогично ведомственному нормотворчеству), заполнить пробелы в системе источников права; обеспечить таким образом урегулирование более широкого круга отношений.

В действующем законодательстве Российской Федерации должны быть четко определены круг субъектов, уполномоченных создавать нормативно-правовые прецеденты, сферы и границы, в которых они будут формироваться, юридическая сила таких актов, факультативный подзаконный характер и место в системе источников права.

Сегодня, учитывая глобальные интеграционные процессы, которые происходят в мире, мы наблюдаем сближение двух основных правовых систем. Так, в странах континентального права все большую популярность приобретают судебные решения, которые полагаются в основу уточнения и толкования положений законодательства, а в странах общего права становится актуальным законодательный путь развития права [7, с. 20–24].

С учетом проведенного нами исследования теоретических основ судебного прецедента и определенных при этом его характеристик, считаем возможным предложить следующее определение понятия судебного прецедента. Судебный прецедент – это обнародованное в установленном законом порядке решение суда, к компетенции которого относится его принятие, вступившее в законную силу, которое носит обязательный для выполнения или рекомендательный характер для его применения другими судами в ходе осуществления правосудия при решении аналогичного правового вопроса в подобных правоотношениях. Фактически судебный прецедент призван установить своеобразное правило поведения, которое должно учитываться в текущий момент времени и рассматриваться и применяться как образец в будущем, а его сущность составляет предоставление нормативного характера акту суда [4, с. 148–155].

Отличительным признаком также является возможность указания судам на конкретное судебное решение, имеющее прецедентный характер, как на источник права, на основании которого решена спорная ситуация.

Если проанализировать решение Конституционного Суда, то можно сделать вывод о его нормативном характере. С другой стороны, решение Конституционного Суда вряд ли можно считать прецедентом, поэтому любой другой суд не имеет компетенции рассматривать аналогичные дела, а для самого Конституционного Суда его собственные решения вряд ли можно считать прецедентами, поскольку аналогичные дела этим судом повторно не рассматриваются. Такие решения являются нормативными актам, хотя и особого рода.

В Российской Федерации судебный прецедент официально не признан в качестве источника права, но можно отметить, он может реализовываться в процессе принятия решений высшими судами и при принятии решения Конституционным Судом по конкретному делу, содержащему официальное толкование закона, которое определенным образом расширяет правовую норму [6, с. 20–26].

Для признания судебного прецедента источником права нужно установление в законе положений, согласно которым не только суды могли бы руководствоваться в своей деятельности решениями высших судов. Решения высших судебных органов обязательны для судов и влияют на всех участников процесса. Именно это свойство дает возможность предполагать, что они являются прецедентами. Однако их возникновение и действие не имеют прецедентного характера. Желание признать решения высших судебных инстанций источниками права привело к приравниванию этих актов к нормативно-правовым, что также невозможно. Нормативно-правовые акты – результат правотворчества, то есть деятельности компетентных органов государственной власти. Правотворческая функция должна быть законодательно закреплена за судебными органами [1, с. 5–10].

Заключение. Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод, что говорить о признании судебного прецедента как источника права в российской правовой системе в настоящее время не представляется возможным, однако говорить и об отсутствии у судов высших инстанций и Конституционного Суда правопорождающих функций также нельзя.

Считаем, что судебный прецедент как источник права не может существовать не только потому, что Российская Федерация принадлежит к романо-германской правовой семье, или потому, что это страна с особым политическим устройством, менталитетом и т. д.

Причиной этого является тот факт, что структура и полномочия различных звеньев судебной системы не позволяют, даже при желании, создавать что-то похожее на судебный прецедент. То, что предлагают считать судебным прецедентом постановление кассационной инстанции в каком-то конкретном деле, неправильно, поскольку кассационная инстанция не правомочна принимать судебное постановление, которое в дальнейшем будет эталоном для принятия решений по аналогичным делам. В России если прецедент и имеет будущее, то оно еще далеко.

Для начала необходимо создать законодательную базу для прецедента, поскольку должна быть очерчена юридическая процедура, которая определяла бы его создание. Также судебные органы должны быть наделены правопорождающими функциями в пределах своих полномочий, которые необходимы для создания судебного прецедента.

Пристатейный библиографический список

1. Богдановская И.Ю. Судебный прецедент – источник права? // Государство и право. 2019. № 12. С. 5–10.
2. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права / под науч. ред. Н.И. Матузова. Пенза, 2018. С. 35.
3. Доника Д.Д. О возможности использования правового прецедента в качестве источника права в российской правовой системе // Успехи современного естествознания. 2017. № 8.
4. Качановский Ю.В. Судебный прецедент как источник права // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 1 (14). С. 148–155.
5. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособ. М.: ТК «Велби»: Проспект, 2015. С. 622–632.
6. Первухина Л. Ф. Значение судебного прецедента в практике федеральных судов в Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск, 2015. Ч. 2. С. 20–26.
7. Пономарева К.А. Судебный прецедент как источник налогового права // Правоприменение. 2018. № 2(2). С. 20–24.
8. Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы // Юрид. наука и образование / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Белорус. гос. ун-т; Моск. гос. юрид. акад. и др. М., 2018. Вып. 1. С. 200–216.
9. Pelc K. The Politics of Precedent in International Law: A Social Network Application // American Political Science Review. 2014. Vol. 108. № 3.
10. Steinberg R. Judicial Lawmaking at the WTO: Discursive, Constitutional, and Political Constraints // The American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. № 2.

References (transliterated)

1. Bogdanovskaya I.Yu. Sudebny`j precedent – istochnik prava? // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 12. S. 5–10.
2. Guk P.A. Sudebny`j precedent kak istochnik prava / pod nauch. red. N.I. Matuzova. Penza, 2018. S. 35.
3. Donika D.D. O vozmozhnosti ispol`zovaniya pravovogo precedenta v kachestve istochnika prava v rossijskoj pravovoj sisteme // Uspexi sovremennogo estestvoznaniya. 2017. № 8.
4. Kachanovskij Yu.V. Sudebny`j precedent kak istochnik prava // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2014. № 1 (14). S. 148–155.
5. Marchenko M.N. Istochniki prava: ucheb. posob. M.: TK «Velbi»: Prospekt, 2015. S. 622–632.
6. Pervuxina L. F. Znachenie sudebnogo precedenta v praktike federal`ny`x sudov v Rossijskoj Federacii // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupnost`yu v Sibirskom regione. Krasnoyarsk, 2015. Ch. 2. S. 20–26.
7. Ponomareva K.A. Sudebny`j precedent kak istochnik nalogovogo prava // Pravoprimenenie. 2018. № 2(2). S. 20–24.
8. Yarkov V.V. Status sudebnoj praktiki v Rossii: nekotory`e voprosy` // Yurid. nauka i obrazovanie / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova; Belorus. gos. un-t; Mosk. gos. yurid. akad. i dr. M., 2018. Vy`p. 1. S. 200–216.
9. Pelc K. The Politics of Precedent in International Law: A Social Network Application // American Political Science Review. 2014. Vol. 108. № 3.
10. Steinberg R. Judicial Lawmaking at the WTO: Discursive, Constitutional, and Political Constraints // The American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. № 2.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.
2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес: ragulin88@yandex.ru, eurasian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.
3. Объем публикации – до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или возвратить его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.
4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее – аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.
5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.
6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы(в круглых скобках).
7. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.
8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.
9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.
11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.
12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.
13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.
14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.
15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. Редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

Сведения об авторах

АБДУЛЛИН Руслан Рамилевич – аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, судья Орджоникидзевского районного суда г. Уфы, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

АБОЯН Агавни Арменаковна – студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, 690922, Российская Федерация, г. Владивосток, остров Русский, п. Аякс, д. 10.

АРЗУМАНЯН Диана Альбертовна – соискатель ученой степени кандидата юридических наук Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.12.

БУЛАХ Денис Борисович – студент Юридического института Российского университета дружбы народов, 117342, Российская Федерация, г. Москва, ул. генерала Антонова, д. 5, корп. 3.

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23А.

ДОНЕЦ Сергей Петрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат, Председатель Коллегии адвокатов «Сфера», член Ревизионной комиссии Адвокатской палаты Вологодской области, 160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, д. 18.

ДУШКИНА Екатерина Юрьевна – PR-менеджер проекта Blockchain Lawyers, 123317, Российская Федерация, г. Москва, Пресненская набережная, д. 8, стр. 1.

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы, 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., 10-я линия, д. 19, литер А.

МАЖИНСКИЙ Роман Александрович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета, преподаватель Правового колледжа Российского университета транспорта, 127994, Российская Федерация, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, корп. 6.

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, тренер адвокатов и профессиональных медиаторов, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

НАУМОВ Сергей Геннадьевич – юрист, 430001, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 13.

ОЛЕНЕВ Александр Борисович – адвокат, научный сотрудник центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

ПРОСКУРИНА Дарья Сергеевна – студент Дальневосточного федерального университета, 690091, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 1050120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

САБИРЗЯНОВА Аида Азатовна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, юрист, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

САФИН Никита Игоревич – студент Дальневосточного Федерального университета, 690091, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

СУЛТАНОВ Айдар Рустэмович – начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования, 423574, Российская Федерация, г. Нижнекамск-4, а/я 45.

УРЯДОВ Юрий Юрьевич – заместитель начальника отдела, адъюнкт кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, корп. 1.

ХОХЛОВА Мария Ивановна – студент Дальневосточного федерального университета, 690091, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.

ШАВИН Василий Анатольевич – адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 603115, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4.

Information about the authors

ABDULLIN Ruslan Ramilevich – Post-graduate student of the Department of the Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, The judge of the Ordzhonikidzevsky District Court of Ufa, 450005, Russian Federation, Ufa, Dostoevsky st., 131.

ABOYAN Agavni Armenakovna – Student of the School of Law of the Far Eastern Federal University, 690922, Russian Federation, Vladivostok, Island Russian, settlement the Ajax, 10.

ARZUMANIAN Diana Albertovna – Post-graduate student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 117997, Russian Federation, Moscow, st. Academician Volgin, 12.

BULAKH Denis Borisovich – Student of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, 117342, Russian Federation, Moscow, General Antonov st., 5, corp. 3.

DONETS Sergey Petrovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of Moscow State Law University, Advocate, Chairman of the Bar Association «Sphere», member of the Audit Commission of the Chamber of Advocates of the Vologda region, 160000, Russian Federation, Vologda, Maria Ulyanova st., 18.

DUSHKINA Ekaterina Yurevna – PR-manager of Blockchain Lawyers project, 123317, Russian Federation, Moscow, Presnenskaya Embankment, 8, building 1.

GARMAEV Yury Petrovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Senior research associate, Professor of the Department of Law of Criminal Procedure and Criminalistics of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Criminal Proceedings and Criminalistics of the Buryat State University, 664074, Russian Federation, Irkutsk, Ivan Franko st., 23A.

KHOKHLOVA Maria Ivanovna – Student of the Far Eastern Federal University, 690091, Russian Federation, Vladivostok, st. Sukhanova, 8.

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager, 199178, Russian Federation, St. Petersburg, V.O., 10th line, 19, letter A.

MAZHINSKY Roman Alexandrovich – Postgraduate student of the Department of Criminal Law Disciplines of Institute of Law and Management of Moscow City Teacher Training University, Lecturer at the Law College of the Russian University of transport, 127994, Russian Federation, Moscow, Obraztsova st., 9, p. 9, building 6.

MELNICHENKO Roman Grigorievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate professor, Trainer of advocates and professional mediators, 400131, Russian Federation, Volgograd, st. Gagarin, 8.

NAUMOV Sergey Gennadievich – lawyer, 430001, Russian Federation, Saransk, Fedoseenko st., 13.

OLENEV Alexander Borisovich – Advocate, Research associate of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, 450006, Russian Federation, Ufa, Lenin St., 102, office 24.

PROSKURINA Darya Sergeevna – Student of the Far Eastern Federal University, 690091, Russian Federation, Vladivostok, st. Sukhanova, 8.

RAGULIN Andrey Viktorovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Advocate, Vice-President of the Guild of the Russian Advocates, Senior Vice-President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, building 1.

SABIRZYANOVA Aida Azatovna – Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science Law of Kazan (Volga Region) Federal University, lawyer, 420008, Russian Federation, Kazan, Kremlevskaya st., 12.

SAFIN Nikita Igorevich – Student of the Far Eastern Federal University, 690091, Russian Federation, Vladivostok, st. Sukhanova, 8.

SHAVIN Vasily Anatolyevich – Advocate, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of the Nizhny Novgorod State University, 603115, Russian Federation, Nizhny Novgorod, st. Ashgabaskaya, 4.

SULTANOV Aydar Rustemovich – Head of the Legal Department of PJSC «Nizhnekamskneftekhim», a member of the Association for better living and education (ABLE), 423574, Russian Federation, Nizhnekamsk-4, abonent box 45.

URYADOV Yury Yuryevich – Deputy head of Department, Adjunct of the Department of Operational-Investigative Activity of the Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 125171, Russian Federation, Moscow, St. Zoe and Alexander Kosmodemyanskiy, 8, korp. 1.